

Юрий КОМАРНИЦКИЙ

Продолжение романа « ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ПОДОЛЬЕ»

НИНА ЗОЛОТОНОЖКА

Глава 1.

СВОБОДА, ГДЕ ТЫ?

У «НИНКИ ЗОЛОТОНОЖКИ» с нервами было все в порядке. Она знала, что в тюрьме выживет и сумеет за себя постоять. Но мысль о том, что ее подставили не давала покоя, заставляла анализировать каждую минуту того злосчастного дня. Еще ей было жаль своего сына Руслана. Парень только начинал жить, и вот ему пришлось фактически остаться одному.

Дубовский ЦЕНТРАЛ жил своей жизнью. В принципе, на первый взгляд все тюрьмы одинаковые, но это только на первый взгляд. Помимо режима установленного законной властью, в каждой камере существует свой режим, который периодически меняется в связи с камерными переворотами. Здесь не обходится без крови, лидеры схватываются между собой насмерть. Так продолжалось и будет продолжаться всегда. Работник торговли, молодая, красивая женщина Нина Никифорова вызвала в тюрьме всеобщий интерес. Прозвище “Золотоножка” в двух случаях сулило для местного контингента немалую выгоду: В первом, если удастся ее сломать, во втором — если получится ей понравиться и перейти в разряд друзей. Камерные лидеры как всегда в таких случаях предпочитают присматриваться и запускают в разведку наглую шушару. Нина прошла в камеру и первым, что ее поразило, была ужасающая теснота, в которой ютились 20 человек, “плавающих” в неестественно тусклом свете.

— Проходи, Золотоножка, садись, — поразила ее осведомленностью худосочная женщина с воспаленным по непонятным причинам лицом.

Нина села на краешек металлической кровати, продолжая молчать.

— Чего молчишь?.. Может тебе в падлу с нами базарить? — картинно подбоченясь пошла на откровенный конфликт.

Нина, как бы не расслышав ее слов, обратилась к маленькой, плотной женщине, которая сидела на аккуратно застеленной синим шерстяным одеялом нижней койке.

— Где мне упасть? — умышленно применила жаргон.— Расскажи какие у вас порядки: дежурят по очереди или прапора назначают?

Спокойные, рассудительные слова, вызвали невольное уважение. Нина не ошиблась. Инга, женщина, к которой она обратилась, была в авторитете.

— Падай на верх, а потом разберемся. Инга показала ей второе от окна верхнее место. — Дежуришь по очереди, ты будешь за валютчицей,— указала на высокую блондинку в фирменной майке.

Прежде чем забросить огромный рюкзак с обрезанными лямками, приспособленный под тюремный “Сидор” на койку, Нина под села к плотной.

— Как у вас с продуктами?.. Все идет на общак или живете семьями?

— У нас общак. Ложи хавку на подоконник.

Нина развязала мешок и по очереди стала вынимать и выкладывать на койку тяжелые свертки. Зэчки столпились возле нее и восхищенно ахали.

— Ну ты даешь, землячка, ты в натуре Золотоножка. Недаром тебя так прозвали. Нине в глубине души ее слова не понравились. Она понимала, что баловать этот контингент не стоит, да и в будущем оказаться в роли дойной коровы ей не хотелось.

— Сегодня у меня, а завтра у вас... Такие гревы я не каждый день получаю.

Вареное мясо, сыр, колбасу они разложили на чисто вымытый стол. Откуда-то из навесного, прокопченного шкафа, девушки извлекли самодельный электрокипяtilьник. Через 15 минут камерный ленч состоялся.

Купец¹ сделал свое дело. Истощенные однообразием мозги заключенных встряхнулись.

К вновь прибывшей обратились с расспросами.

— Дача взятки дело серьезное,— заметила одна из заключенных. В 18 лет мой директор меня точно так подставил. Я отказалась с ним переспать так он, козел, своего знакомого

“обехесесника” на меня натравил, а затем посоветовал дать тому взятку. Я “обехесеснику” впихнула столярник, тут меня и взяли.

— Но ведь я взятку не давала, — заметила Нина. — В буфете нашли чужие деньги и поскольку между ментами шел передел власти меня сделали крайней. Женщины закурили. Тусклый, призрачный свет в камере приобрел оттенок кофе со сливками — атмосфера смертельная для сердечника.

— Твое преступление, Золотоножка, из тех, которые называют недоказуемыми, — сказала Инга. По презумпции невиновности тебя должны нагнуть. Но у нас менты ушлые.., продержат под следствием сколько захотят, а потом придумают что-то вроде недонесения властям и себя оправдают.

Зэчки закивали головами и чисто по-женски запричитали: “Ой Господи, да что же это делается!?! ... за что мы мучаемся!?!”

Инга скептически смотрела на сокамерниц. Чувствовалось, что эта женщина переступила через какой-то таинственный барьер. В ее взгляде сквозили снисходительность и насмешливость.

— Чего раскудахтались, дурье? Теперь поздно крыльями хлопать. Лучше думайте как будете жить на зоне, а про волю постарайтесь на пятилетку забыть.

Одна из зэчек, высокая, с мужским квадратным лицом недовольно бросила:

— Почему на пятилетку? У меня треха сроку! Инга посмотрела сквозь нее и процедила:

— Потому что у тебя будет возможность на зоне сто раз раскрутиться, получить добавочку, понимаешь? — улыбнулась Нине.

Лошадке, так прозывали женщину с квадратным лицом. Улыбка, адресованная новенькой, не понравилась.

— Чего ты, Инга, пантуешься перед новенькой? — процедила она. — Захотела ее трахнуть так и скажи.

Лошадка нагло ослабилась, показывая зэчкам набитый рандолью рот.

Минутную, напряженную тишину нарушил металлический голос Инги.

— Слезай со шконки, коблиха, есть базар.

Костлявая, угловатая Лошадка была не из слабых, нехотя слезла с нижней койки.

Два перстня, которые Нинка Золотоножка сумела пронести в изолятор, были у нее уже на пальцах. Тяжелые, вбитые в “бетон” золота камни, могли послужить оружием любому человеку, желающему за себя постоять.

Нинка опередила Ингу...Резкий, короткий удар пришелся Лошадке в ее примечательный подбородок. Тапочки Лошадки взмыли под потолок, а сама она тяжело грохнулась на парашу.

Такого никто в камере от новенькой не ожидал. Инга потирала ладонью кулак, ударить ей так и не пришлось.

Через минуту оглушенная Лошадка пришла в себя. Еще через минуту в камере раздался хруст вправляемой челюсти.

Жесткие тюремные нравы не заставили себя ждать:

— Короче так, Лошадка,— сказала Инга, — дергай на вертолет. Золотоножка, ложись на нижнюю шконку. Эта крыса там тащилась не по закону.

На следующий день Нинкой Золотоножкой заинтересовался начальник тюрьмы. Полковник посмотрел на Никифорову холодными глазами и неожиданно рассмеялся.

— Что, смешно выгляжу? — поинтересовалась она.

— Да нет, — смахивая роскошным платком слезу, ответил начальник тюрьмы. — Не могу вас представить в роли королевы кикбоксинга. — Кажется так о вас отозвался майор Денисов, который вчера дежурил.

— Что он вам еще рассказал интересного? — спросила она, и добавила, — а вообще—то я польщена.

Он был хорошо осведомлен о происшедшем.

— И все же от удара кулаком челюсти не выскакивают. Вы маленькая, слабая женщина, а не какойнибудь Шварцнеггер.

Камерный шпионаж был налицо. Нина поняла, что он вслед за этим скажет. И все же она попыталась уйти от ответа.

— Я, знаете ли, занималась спортом, — не солгала она. — Лыжи, баскетбол хорошо укрепляют мышцы.

— А золото укрепляет уверенность в себе в любых условиях, — тихо сказал он.

Придется вам, ЗОЛОТОНОЖКА, сдать перстни на хранение.

Сопrotивляться и лгать не было смысла. Два крупных перстня — один с изумрудом, другой с бриллиантом — переключевали в стол полковника.

В камере после ее возвращения от начальника тюрьмы чувствовалась какая-то напряженность. Все, кто по воле рока побывал в тюрьме, знают — подозрительность в этих стенах достигает невиданных размеров, носит шизофренический характер. Каждый вызов заключенного к врачу, следователю, адвокату воспринимается сокамерниками враждебно.

Единственное, что скрашивает эту вековую враждебность, подачки следователей и передачи адвокатами чая, сигарет, конфет и сахара.

— Ну как, подруга, начальник подписывал работать на кума¹? — спросила ее Инга, немножко обижая постановкой вопроса.

— Нет, — спокойно ответила Нина. — Золото отмел... Видать среди нас все - же есть стукачи.

Лицо Инги исказилось в злобной гримасе. Она прошла по камере, тяжелым взглядом всматриваясь в лица. Затем что-то вспомнила и поманила пальцем старую, измочаленную зэчку.

— Тебя, вафля старая, утром вызывали на уборку бани ... Вложила, гнилая сэвепешница!!? — Говори, иначе уроем!

Заключенные окружили изможденное существо, которое когда-то было женщиной. Намечалась расправа.

— Оставьте ее девчонки, оставь, Инга, — заступилась Нина. — События уже не изменишь, а начнете ее бить, точно хату расформируют.

На нее заинтересованно посмотрели.

— Откуда знаешь ментовские повадки? — спросил кто-то. — Ты ведь раньше не сидела.

— Сидеть-то я не сидела, но по роже начальника тюрьмы увидела, что он заинтересовался нашей хатой. Отсадит меня в одиночку, не будет у вас грева, — пошутила так, что всем стало страшно.

Старую зэчку оставили в покое.

* * *

Адвокат пришел только через неделю. Этот человек был хорошо известен в городе — принадлежал к “золотой пятерке” профессионалов. Он откровенно возмущался произволом людей, которые “закрыли” Нину Никифорову, не имея на это достаточно улик.

— С подобным произволом я сталкиваюсь не в первый раз, — разволновался он. — Вы, не зная законов, успели дать показания, которые, по мнению следственных органов, могут вызвать сомнение у суда в вашей невиновности.

Это старая еще советская уловка: задержать вызов к подозреваемому адвоката, затем наращивать ложные обвинения исходя из первичных, некомпетентных показаний.

Визиты следователя в чередовании с визитами адвоката вносили разнообразие в тюремные будни, но с их уходом приходила тоска. Бесконечная игра в карты, пустые разговоры вскоре до смерти надоели, Нинка Золотоножка начинала порой нервничать.

Адвокат заверял, что ее выпустят со дня на день, но бульдожья хватка провинциальных следователей говорила о противоположном.

Адаптация физического состояния организма в микроклимате тюрьмы происходила непросто. Периодически у Нины начинались дикие мигрени, сопровождающиеся рвотой, пропадал на несколько дней аппетит, ломило суставы. Что характерно, подобные изменения в организме происходят, как правило, у людей, ведущих на свободе упорядоченный образ жизни, которые хорошо питаются, жизнелюбивы и полнокровны. Люди, у которых сильная воля, как правило, в тюрьме выживают. Но, безусловно, бывают исключения, когда тщательно спланированная акция врага приводит к тому, что ослабленный человек может сломаться. Итак, Нинка Золотоножка прошла первый рубеж, когда головные боли, рвота, осталась позади. Но впереди у нее была еще одна, не менее страшная преграда — испытание убийственно медленным течением времени. Однажды, когда нервы у Золотоножки готовы были лопнуть, словно тросы корабельного крана, в ее организме “сработал” новый предохранитель. Это ощущение известно многим людям, которые в трудные для себя времена молят Бога: “ГОСПОДИ, ТОЛЬКО НЕ ДАЙ СОЙТИ С УМА!” После обращения к Всевышнему, Нина вдруг увидела золотистое поле, себя маленькой на зеленом холме, наблюдающей как утреннее солнце медленно раскрашивает сначала крыши, затем дворы родного села Тарасовка. Сердце Нины наполнилось радостью, а тело легкостью, какая бывает только в детстве, а детство вот оно, рядом.

— Гей, Юзефо, а куди ж це твоя Нінка по вечорам ходит? Гуляти їй ніби ще рано? — раздается голос соседки, обращенный к Нининой матери. — Дивись за нею добре, бо дівка гарна.

Мать подобное замечание злит, но грубый, невразумительный ответ в деревне будет только способствовать порождению сплетен.

— То ж вона у виставі “Наталка Полтавка” грає саму Наталку. По вечорам вони у школі на репетиції збираються.

Соседка успокаивается и уходит прочь.

С репетиции Нина возвращается уже не одна. Тайные вздыхатели Василий Драйко и однофамилец Вертепный Саша сегодня решились ее проводить.

Украинская ночь полна запахов, от которых кружится голова. Молочный свет луны окрашивает буйную природу в сказочные цвета. Они движутся среди загадочных теней, как сказочные персонажи из поэмы Руслан и Людмила.

Парни влюблены, и сами того не ведая, исполняют извечный ритуал влюбленных — схватываются друг с другом бороться, без умолку болтают и гримасничают. Так повторяется в мире людей тысячи лет.

Наконец в призрачном свете появляется аккуратная украинская хатынка на берегу пруда. Парни не хотят отпускать девушку, но открывается дверь и на порог выходит ее брат Франц.

— Нінка, батько сказав якщо зараз додому не підеш, вийде з ременем.

Предупреждение брата срывает мгновенно. Нина прощается с разочарованными парнями и бежит домой.

С учебкой у Нины все хорошо. Классный руководитель Галина Маслюк в зависть другим родителям на всех собраниях твердит одно и то же:

— У вас, Юзефа Стахивна и Героним Францевич, способная дочь. Ей после 10-ти классов необходимо поступать в ВУЗ.

Но жизнь рассуждает по-своему: после 10-ти классов Нина Вертепная выходит замуж и о высшем образовании на какое-то время приходится забыть.

И все же мечта о работе учителем Нину не покидает. В старинном Браилове, где в свое время жил и работал великий Чайковский, она устраивается в школу пионервожатой. Звонкий горн ее отряда до смерти пугает смиренных монашек, выгоняющих по утрам скотину за стены женского монастыря.

Картины детства проплывают одна за другой.

Нина лежит на нижней койке в камере, которая плавает в облаках никотина, и блаженно улыбается.

— Золотоножка, вставай баланду принесли, — будит ее Инга. — Что-то ты, падруга, совсем разоспалась.

Нинка нехотя открывает глаза.

— Могла и не будить ... Сама знаешь, я баланду хавать не буду.

Такое отношение к хозяйской пище в тюрьме воспринимается враждебно. Большинство заключенных — из бродяг или засиженных. Для них тюрьма место отдыха и отъедания. Они готовы жрать, что угодно и сколько угодно.

— Золотоножка, сегодня суп гороховый, хавай, пока дают. Нам за здоровьем следить нада.

— Нина едва сдерживает смех. О каком здоровье может идти речь, если в камере дымовая завеса плюс два тубика с открытой формой.

— Если хочешь, можешь съесть мою пайку, — бросает изголодавшейся сокамернице и тут-же получает от Инги кулаком в бок.

— Что ж ты делаешь, дурочка, — шепчет Инга. — Пайка по камерным законам не отдается... Завтра они захотят твое тело.

Нина удивленно смотрит на Ингу, затем садится на койку.

В подтверждение слов Инги одна из заключенных, Мэри из Санкт-Петербурга, замечает:

— Сразу видно, что ты не была на малолетке. Пайка и майка не отдаются.

Камерные законы глупы и жестоки. Тем не менее, если вдуматься имеют под собой логические корни — самооборона во всех ее проявлениях. Каждый шаг в замкнутом до минимума пространстве должен быть подчинен одному — самоутверждению для выживания. Нина садится за длинный стол и через силу, ложку за ложкой, отправляет безвкусный суп в рот.

После обеда перекур, затем время обычного безделья. Инга садится к Нинке на койку и шепотом поучает подругу:

— Они тебя любят за передачи, в то же время ненавидят за авторитет и за везение по свободной жизни. Меня могут скоро отсюда перевести, держись за Мэри, — показывает глазами на альбиноску с льняными волосами. — Она в зоне изучила каратэ, очень умная девушка хоть и торчит в системе с малолетки. Подогрей ее мелочевкой, Мэри за тебя горло перегрызет. Еще, Золотоножка, ночью я тебе подгоню оружие. У меня есть заточка, о ней никто не знает.

Нина растроганна. Женщины всегда остаются женщинами. Под недоуменными взглядами сокамерниц они обнялись и всплакнули.

Лошадка постоянно молчит, но когда, порой, Нина перехватывает ее взгляд, там лютая ненависть.

У Лошадки две подруги: харьковчанка Неля по кличке Мата, и окрепшая на тюремной баланде бомжевка из Бердичева, с кличкой Поганка. Все трое составляют камерный блок, готовы разорвать любого. Но камеру держат Инга и Мэри. Компания Лошадки не дожидется, когда Ингу наконец переведут в осужденку.

Ночью Инга передала Золотоножке сточенный на “шило” напильник. Таким оружием без особенных усилий можно отправить в царство теней хоть кого. Нинке немного страшно.

— Инга, я пока в своей жизни людей не убивала. Инга тихо смеется.

— Знаю, была пионервожатой, но этот пионерлагерь набит другим контингентом. Лошадка например, зарезала двоих на каком-то притоне. Неля в Харькове завалила директора кафе и порезала его секретаршу. Меня не будет, они тебя в первую же ночь попытаются завалить или покалечить.

Особенной тревоги после ее слов Нинка не испытала. Внутренне чувство подсказывало, что она сумеет за себя постоять. Тем не менее “кинжал” спрятала так, чтоб в случае необходимости не пришлось долго рыться в вещах.

Ингу осудили через две недели после душевного разговора. Когда она собиралась уходить, половина заключенных женщин откровенно плакали. Лошадка и ее подруги ехидно улыбались:

— Собирайся, собирайся, Инга. Кто его знает, может на волю идешь.

До свободы Инге было еще далеко. Эта женщина была из тех, кому рок послал ад на земле. Имея благородное сердце, будучи справедливой и доброй, она в третий раз сидела за близких, вину которых брала на себя. Перед уходом женщина громко бросила в камеру:

— Держитесь и не падайте духом, девчонки. Мери, помогай Золотоножке, а ты, Лошадка, запомни: если узнаю, что после моего ухода занималась беспределом, придешь на зону — кончу!

Осмелевшая Лошадка подскочила к Инге, приблизила лицо и прошипела:

— Ты меня не пугай, шалава, меня на всех зонах знают!

Она не видела как сзади к ней подошла Мери. С кривой улыбкой альбиноска мощно развела руки и резко ударила ладонями Лошадку по ушам.

В камере раздался дикий визг. Лошадка, обхватив голову руками, упала на колени. Тихим голосом, словно ничего не случилось, Мери обратилась к Инге:

— За нас не переживай, подруга, через 2—3 месяца встретимся на зоне. Пока я здесь — Золотоножку никто не обидит.

ЭКСКУРСИЯ

Бывший директор объединения “Винницамясо”, а ныне первый заместитель главы обладминистрации города Винница, Николай Андреевич Дмитренко обладал редким для высокопоставленных начальников качеством. Он не любил ложь и, чтоб встретиться с ним, многочисленным посетителям не приходилось сталкиваться с искрометной ложью большинства секретарей, которая проявлялась в “шедеврах” вроде: “а он только что уехал”,

“у него совещание”, “он на похоронах”. Подобная ложь, как известно, исходит не от секретарей, а, в первую очередь, от самих начальников.

Будучи первым заместителем главы обл администрации Винницы Николай Дмитренко регулярно, в определенные дни, посещал комбинат продолжая оказывать помощь в руководстве. Никаких сложностей для встречи с Николаем Андреевичем на комбинате не существовало. Единственной сложностью для его секретаря было заставить директора оторваться от работы и выпить стакан чая.

Работать приходилось действительно много. В начале дня инструкции требовали коллеги по работе, затем в кабинет тянулась очередь коллег по объединению, после чего кабинет заполняла бодрая толпа просителей всех мастей и калибров.

Старая закалка руководящего состава комбината и, в первую очередь, его бывшего директора Николая Андреевича Дмитренко безусловно приносила плоды. Комбинат процветал. Но все же, несмотря на прекрасные показатели, объединение переживало нелегкие времена.

Политика “разделяй и властвуй”, которая в свое время привела многие славянские народы к порабощению, которая всегда была на руку скрытым недругам, лезла изо всех щелей, захлестывала Украину. Сомнительные лидеры различных политических течений беспардонно навязывали народу политику раздора, тем самым мешая людям доброй воли объединиться, вывести государство из штормового моря неуверенности и бед.

Молодежь, которой прошлое подавалось в виде черно-белых телевизионных фильмов, где до перестройки то и дело всех расстреливали, почему-то не задумывалась над тем: “А как же их родители получили образование, вырастили своих детей здоровыми и подготовленными для новой жизни?” А пока молодежь по незнанию поддерживала политику “разделяй и властвуй”, перенося ее на рельсы мелкого предпринимательства, мол: “Я хозяин киоска ..., посторонись!!!”

Понятие “в единении сила” осталось уделом стариков, а старики, как известно, имеют свойство умирать.

Проблем было действительно много. Разорванные связи между регионами. Всевозможные препятствия на пути транспортировки продукции в дальнее зарубежье. Козни тех или иных руководителей, которых грызла старая, как мир, зависть, основанная на упрощенном понимании каким трудом достигнуты столь значительные успехи.

Экскурсия по Винницкому мясокомбинату, в которой гидом был заместитель бывшего и нового директоров Василий Степанович Белаш, странно запечатлелась в памяти Франца. Как,

в первую очередь, художник-портретист, он отчетливо запечатлел в памяти увиденные на предприятии лица. У него созрел план — после полотна “Украинские Афины” написать картину, в которой он попытается кистью опровергнуть то, что в свое время пером описали Маяковский, Горький и другие писатели, а именно людей, работающих в мясной промышленности, они видели с оцепенелыми лицами, равнодушными и жестокими.

Перед поездкой в Киев Франц наконец решился. Ничего не говоря матери и Наташе, шестичасовым поездом он отправился в Винницу. Будучи по натуре человеком нетерпеливым, сразу по приезду он отправился на комбинат.

Рассвет только разгорался. Город еще был окрашен в фиолетово-серую краску ночи.

На проходной комбината уже толпилось множество людей. Противоположные течения несли рабочий люд: одних домой на благословенный отдых, других — на не менее благословенный труд. Неожиданно кто-то невидимый положил Францу руку на плечо. Франц оглянулся.

— Здравствуйте, Бялковский. Какими судьбами вы опять у нас?

— Здравствуйте, Николай Андреевич! Помните наш разговор об искусстве и о моем желании написать картину? В ней я постараюсь передать быт вашего предприятия, запечатлеть лица и характеры работающих здесь людей.

Дмитренко внимательно посмотрел на Франца, затем улыбнулся и сказал:

— Ну что ж, Бялковский, я вам помогу с работой.. Кстати, через несколько дней Винницкая телестудия “Иштар” будет снимать фильм о людях нашего комбината. Для более подробного знакомства и подбора нужных вам людей можете пройтись по цехам с телеоператором и постановщиком фильма Натальей Бужинской. Думаю, это вам поможет ощутить рабочий ритм производства, ближе познакомиться с коллективом.

НАСТОЯЩАЯ СВОБОДА

Полковник Стерлигов, начальник “Матросской тишины”, абсолютно не ожидал подобного визита. Комиссия ООН по защите прав человека, словно снег на голову свалилась в первую очередь ему, начальнику печально известной московской тюрьмы.

Глава комиссии — знаменитый нейрохирург из Вашингтона — Генри Стоун, на удивление хорошо знал русский язык.

— В первую очередь мы посетим вашу больницу, затем проверим санитарное состояние камер. Вот разрешение от вашего управления. Так что, как говорится в России, не будем откладывать дело в длинный ящик.

Желтый клык врезался в губу. Полковник Стерлигов почувствовал соленый привкус крови. “Как могло такое случиться?.. Почему его не предупредили? Сегодня утром в тюремную санчасть привезли двоих, кажется из бандитской группировки под названием “Лига бокса”. Побоялись, что слиняют из вольной больницы и полудохлых привезли в “Матросскую тишину”.

Стерлигов прокашлялся, для солидности расправил плечи, выпятил грудь и сказал:

— Но, позвольте, к чему спешка?.. Через какой-то час конец рабочего дня.

Генри Стоун саркастически улыбнулся и что-то сказал коллегам на английском. Раздался сдавленный смех.

— Дорогой полковник, мы не на базаре. На западе хорошо известно отношение русских к работе. Мы, американцы, даже за пять минут до конца рабочего дня будем добросовестно выполнять свои обязанности. Немедленно проводите нас в тюремную больницу.

Подавляя бешенство, полковник Стерлигов в окружении офицеров повел членов комиссии по многочисленным тюремным переходам.

Огромный серый каземат мало чем напоминал больницу. Только в углу “палаты” сиротливо маячила одинокая капельница.

Из десяти человек больных внимание американцев привлекли двое. Краснорожий верзила санитар закрыл проход, пытаясь не пропустить членов комиссии.

— Разрешите пройти, — сначала вежливо обратился к санитару Генри Стоун.

Но, после того, как краснорожий проигнорировал его слова, удивил окружающих.

— Освободи проход, рожа протокольная, иначе завтра будешь бомжевать на Киевском вокзале!

Краснорожий, словно ошпаренный, отскочил в сторону.

Офицеры опешили, а Стерлигов от удивления открыл рот, обнажая два ряда желтых прокуренных клыков. Разве мог знать начальник тюрьмы и его свита, что Генри Стоун — в прошлом светило советской медицины нейрохирург из города Кургана Геннадий Стоянов, в прошлом провел в тюрьмах и лагерях Союза кошмарных десять лет.

В двадцатипятилетнем возрасте Геннадию Стоянову навязали операцию человеку фактически раздавленному в автомобильной катастрофе. Человек не мог выжить, но он был близким родственником одного из членов Политбюро. После операции “труп” исход

оказался однозначным. Родственник члена Политбюро отправился на кладбище, а молодой хирург Стоянов — в степной лагерь под безобидным, ласковым названием Долинка.

После отсидки, по звонку, вместо пинцета и скальпеля Геннадий сдружился с метлой и целых два года работал дворником в одном из микрорайонов города Караганда. Затем случайное знакомство с удивительным человеком, который помнил его как знаменитого хирурга, который дал ему денег и помог выехать из самой чудесной в мире страны. Этого полковник Стерлигов, как и удивленные забористым жаргоном представителя ООН офицеры, знать не могли.

Генри размашистой походкой сделал несколько шагов и остановился возле больного.

Желтая простыня пестрела кровавыми пятнами. На окровавленной подушке покоилась голова “античного бога”, обильно покрытая белыми кудрями.

Генри Стоун напряженно вглядывался в лицо человека, затем резким, нервным движением сорвал простыню.

— Полюбуйтесь, господа, — обратился он к коллегам. — О какой защите прав может идти речь, если мы находимся в стране варваров. Пулевое ранение в голову залеплено обыкновенным пластырем. Отечность и синева вокруг ранения в руку говорят о том, что у человека начинается гангрена. Поломаны ребра, многочисленные гематомы. Видимо, в момент перестрелки на теле был бронежилет.

Второй парень лет двадцати трех находился в не менее критическом состоянии. Когда Генри осторожно отклеил от его головы окровавленное полотенце, перед членами комиссии предстала жуткая картина. Словно в фильме ужасов на алой полосе мяса висел человеческий глаз.

— Вы мерзавец, Стерлигов, — процедил белый, как полотно Генри, глядя в упор в змеиные глаза полковника. — Вас необходимо отдать под суд. Даю вам слово, что об этом варварстве узнает весь мир.

Тонкие, искусанные губы полковника поползли в хищной улыбке.

— Господин Стоун, или как вас там... Эти люди являются прес-туп-ни-ками, — процедил, явно наслаждаясь сказанным. — Таких, как они, необходимо расстреливать на месте. Будь я в тот день...

— Знаю, знаю — будь вы в тот день на месте перестрелки, они бы уже покоились на безымянном кладбище. Но, слава Богу, они живы, а вам придется отвечать за беспредел, который царит в изоляторе.

Дальнейших слов Генри Стоуна ни полковник, ни его подчиненные понять не могли. Представитель ООН на английском обратился к коллегам:

— Господа!.. Вы видите в каких кошмарных условиях содержатся эти люди. Им не оказана элементарная медицинская помощь. Если мы хоть на один час отлучимся из тюрьмы, раненных перебросят в глубинку, где они вскоре погибнут. Нам необходимо сейчас же вызвать нашего посла и прокурора по надзору города Москвы. Затем, как представители ООН по защите прав человека, мы составим соответствующий документ с категорическими требованиями сейчас же перевести раненных в больницу посольства. Только так мы сможем этих людей спасти.

Полковник Стерлигов окончательно понял, что дни его карьеры сочтены. Американский посол приехал в сопровождении репортеров. Непонятно по каким каналам, но разрешение на посещение изолятора у всей этой компании папарацци¹ имелось. Еще спустя полчаса приехал прокурор по надзору за изоляторами города Москвы.

¹ фоторепортер (*с итал.*)

Завертелся бешенный водоворот. Обыденный случай в практике администрации тюрем сегодня превратился в ЧП. Оказалось, на заключенных Харасанова и Коваленко даже не заведены уголовные дела. Упрятать подозреваемых в изолятор распорядился таинственный генерал из тех, что всегда остаются в тени.

Американский посол в России Том Хофхайн в деликатной форме обратился к прокурору:

— Согласитесь, господин прокурор, мы имеем дело с ярко выраженным нарушением прав человека. Я, как посол, поддерживаю представителей ООН и требую немедленного перевода этих людей в больницу посольства США.

Прокурор, как и полковник Стерлигов, пытался протестовать:

— Господин посол, я не уполномочен решать подобные вопросы, существует министерство.

Хофхайн хорошо изучил бюрократическую машину в этой стране. Всего один шаг назад с его стороны повлечет смерть этих двоих.

— Стоун, у вас есть сотовый телефон? — обратился посол к представителю ООН.

— Прошу, — Генри протянул Хофхайну трубку.

Полковник Стерлигов и прокурор по надзору молили Бога, чтобы послу не ответили.

— Министр Чернов ... Алексей Иванович? Здравствуйте. С вами разговаривает посол США Том Хофхайн. Возникла совершенно неординарная ситуация. Ваши люди по всем параметрам нарушают свод положений о правах человека, предусмотренных ООН.

Посол разговаривал долго на прекрасном русском языке. Вскоре телефон перешел в руки прокурора. Множество людей ожидали развязку.

Прокурор передал трубку Хофхайну и зло сказал Стерлигову:

— Пошли в канцелярию, я напишу бумагу.

Затем натянуто улыбнулся и вежливо обратился к окружающим:

— Господа, с нашей стороны произошла досадная юридическая ошибка. Не судите нас строго. Такое может случиться в каждой стране. Больных можете забрать в любое удобное для вас время.

С возвращением сознания включилась память. С включением памяти пришел страх.

“Где я?..” — лихорадочно пытался сообразить Харасанов. — “На тюремную больницу это помещение совершенно не похоже. Неужели очередная показуха — “идеальная тюрьма”?”

Рядом на современной кровати лежал Василий. Половину лица закрывала белоснежная, профессионально наложенная повязка.

— Проснулся, азербайджанский бандит? — веселым голосом спросил Василий, и сжал Харасанову запястье. — Можешь, Костя, нас поздравить. Мы находимся в больнице Американского посольства.

Харасанов ничего не мог понять. Он был без сознания пять дней. Смысл сказанного не укладывался в голове.

— Какое посольство? Ты, случайно, не объелся белены?! Ведь мы в столице. Здесь есть показательные тюрьмы, соответственно и больницы оборудованы что надо.

— Костя, мы были в тюремной больнице, — лихорадочно зашептал Василий. — Нас оттуда вытащила миссия ООН по защите прав человека. Мне они ничего не объясняют, ожидают твоего пробуждения.

И все-же поверить в подобное было практически невозможно. Невыносимо разболелась голова. Он закрыл глаза.

— Харасанов, вы меня слышите? — раздался спокойный, приятный голос.

Он открыл глаза. Возле кровати стояли незнакомые люди.

— Харасанов, вы меня узнаете? — спросил седой, спортивного сложения мужчина. Вспомните Караганду, 73-й год... Нейрохирурга шестидесятых и дворника 70-х Геннадия Стоянова...

— Вспомнил. Почему вы здесь? — устало спросил Харасанов.

Стоянов улыбнулся.

— Я американский подданный. Теперь моя фамилия Стоун, зовут Генри. Я представляю комиссию ООН по защите прав человека. Наша миссия заканчивается через два дня. Мир тесен, Харасанов. Видимо, чудеса все же существуют. Позавчера в Матросской тишине судьба опять свела меня с вами. Когда-то вы меня фактически спасли, помогли выехать за пределы Союза. Теперь очередь за мной. Долг красен платежом. Через тридцать минут больницу посетит американский посол Том Хофхайн. Просите политическое убежище. У вас для этого есть все основания. С моей стороны вы получите абсолютную поддержку.

Харасанову хотелось спать. Ужасная тяжесть сковала тело. Глаза слипались.

— Константин, я вас прошу, не теряйте сознание. Сестра! — повернулся Генри к кому-то невидимому. — Немедленно сделайте больному стимулирующий укол.

Секретарь посла включил диктофон. Второй секретарь речь Харасанова стенографировал.

Язык плохо повиновался, тем не менее, все, что он хотел сказать, он сказал.

— Подпишите документ, — протянул Харасанову ручку Генри.

— Прежде чем подписать эту бумагу, я прошу также предоставить политическое убежище моему товарищу Василию Коваленко. В четырнадцатилетнем возрасте его незаконно обвинили в хранении и распространении наркотиков, сделали из него вечно преследуемого, загнанного человека. Ему 23 года. Если вы его не спасете, не протянете руку помощи — в этой стране он погибнет. Я прошу вас, посол, я прошу вас, представитель ООН, помогите человеку обрести новую жизнь!!!

— Хорошо, хорошо..., успокойтесь, — Хофхайн сжал Харасанову руку. — Я ничего не имею против. Только пусть господин Коваленко сделает устное и письменное заявление.

Отбиваться от сна он больше не мог. Харасанов закрыл глаза и погрузился в свинцовый омут болезненного сна.

ГОРОД - ЛЕГЕНДА

Мало-мальски красивый человек согласится, что его жизненный путь вдвое труднее, чем у человека с заурядной внешностью. Множество людей взвизгнет, мол, это не так, а совсем даже наоборот. Мол, у смазливых баловней судьбы жизнь сущий праздник. Но я осмелюсь утверждать — это не так!

Вскоре повышенное внимание к Золотоножке браилловских коллег становится ей невыносимым. В таких случаях нужна поддержка близкого человека, но муж, Ситник, вместо поддержки закатывает ей сцены ревности. Приходится бросить работу пионервожатой и сменить место жительства. Нина ставит на “учительстве” крест. Прежняя школьная жизнь теперь ассоциируется у нее с мелкими интригами и она, не задумываясь, поступает в техникум пищевой промышленности. Наступил совершенно неповторимый период в ее жизни — работа в известной всему миру Жмеринке. Говоря “всему миру”, автор отвечает за свои слова, и на ироничную улыбку читателя ответит — упоминание об этом городе можно услышать на всех широтах, пожалуй, даже чаще чем о некоторых странах—фантомах. Трудно ответить, почему так случилось... Возможно, железная дорога уходящая на запад, искрометный юмор преддверия Одессы, тысячи эмигрантов, распыленных по всему миру. Более ста лет из окон поездов любопытные глаза пассажиров рассматривают уникальное творение архитектора Журавского — железнодорожный вокзал, спланированный в виде колесного парохода, из тех пароходов, которые некогда бороздили воды Миссисипи и Волги, Волхова и Днепра.

— Эй!.. А где вы шили свой пиджак?..

— В Париже

— А это далеко от Жмеринки?...

— 2 тысячи километров!

— Гляди-ка ... Такая дыра этот Париж, а неплохо шьют!”

Ильф и Петров любили этот город, и первый мэр Жмеринки после перестроечного периода — Виктор Жеребнюк, реально пришедший к власти после падения коммунистического режима, воплотил в бронзу их дитя — неутомимого авантюриста и весельчака искрометного Остапа Бендера. В свое время через Жмеринку на запад следовал царский поезд и последний из российских государей — Николай II, вкусив приготовленный для него на Жмеринском вокзале шашлык, наградил повара, приготовившего шедевр, памятной медалью. На Жмеринском вокзале, в годы Гражданской войны, разместил свой

штаб одесский бандит, принявший “вероисповедание” большевиков, Григорий Котовский, — атлет и смельчак, принявший красных только ради собственной амнистии. Туманными рассветами могучий Гриша, побрякивая оружием, прогуливался по перрону просыпающегося вокзала. Мишка Япончик, возвращаясь из Киева, где “отстегивал” откупное истинным хозяевам Одессы, легко вздыхал только после слов носатого еврея: “Штоб я так жил, пиво у Лени Рыжего в Жмеринке, не хуже чем на Одесском привозе”... Выпивал пару кружек и ложился досыпать оставшиеся километры. В 1-ой школе этого города учился большевистский писатель Юрий Смолич, произведения которого начисто забыты потомками, интересующимися сугубо монстром бизнеса. “Жмеринка, Жмеринка, все поезда туда ходят” — напевает слова малоизвестной песни Нинка Золотоножка, бойкая продавщица вокзального буфета. А годы не стоят на месте. Ревнивец Ситник не выдержал всеобщего внимания, обращенного на собственную жену, отстал от фирменного экспресса под названием “Красавица Нинка”. А затем вторично женился. Но след от первого брака остался — сын Руслан. Имя, вышедшее из дивной поэмы Александра Пушкина “Руслан и Людмила” и еще из украинской природы родного села Тарасовка, несравнимой ни с чем на свете.

Одинокая женщина вызывает у окружающих не меньшее подозрение, чем непьющий мужчина. Смешно устроены люди. И то и другое они осуждают, а сами, пока молоды и здоровы, тянутся друг к другу, мечутся в поиске подходящего партнера. Вот и Нинка Золотоножка прожила с Ситником 18 лет, казалось бы, лучшие годы позади, но где там! Нет отбоя у красивой женщины, а если учесть, что работает она в бойком месте, через которое проходят десятки тысяч людей, нет ей отбоя вдвойне. Новый вздыхатель оказался человеком настойчивым. Ох, эта милиция, любит все вкусенькое и красивое. И чтоб было безотказно, и чтоб по возможности бесплатно. Остался Васька Багрий с двумя детьми в целом мире. Правда, была у него целая “куча” подчиненных в милицейских мундирах, но разве могли они ему заменить большеглазую продавщицу Нину, покорявшую толпы любвеобильных пассажиров. Согласилась и Золотоножка соединить свою жизнь с симпатичным ментом, да еще и начальником Жмеринской милиции, но не судилось. Откомандировали Васю в лесотундру наводить порядок. Уехал он начальником милиции в город Анадырь, куда теплолюбивая Золотоножка поехать не рискнула. Как чувствовала, что милиция в будущей жизни ей много головной боли предоставит. Но зачем вспоминать старое..? Женщина, которой за 30, это даже не клубника, а сладкое, густое вино из лучших виноградников Италии. И могу вас заверить, что северный город Анадырь не место для такого вина. Такие напитки должны распиваться возле мест, где произрастает лоза, которая их породила. А тот

человек, который помнит Жмеринку доперестроечных времен, помнит и скорый поезд Москва — Рим, что, сверкая огнями, мчался через Жмеринку в сказочную страну.

ТУДА, СЮДА, ОБРАТНО...

Пришедший из незапамятных времен метод действия любой тирании, воплощенный в девиз “Разделяй и властвуй”, самое гнусное изобретение человечества. Отделить живое, мыслящее существо от всего, что ему дорого, а затем подавить, растоптать — первейший шаг в достижении власть имущими цели. Пассажирский поезд Киев — Могилев-Подольск везет заключенную Нину Золотоножку мимо окон и крыши ее родного дома на суд в город Яр. Недопустима любая поддержка, пусть это будет даже ободряющая улыбка знакомого человека, не говоря о словесной поддержке родных и близких.

Жизнь “прекрасна и удивительна”. Вот он город Яр, бывшая цитадель польских магнатов, а ныне тихая обитель удельного католичества и, как говорится в современных теле- и радиосводках, одна из жемчужин Украины. На поверку теплая, впоенная солнцем жемчужина для Нинки Золотоножки оборачивается холодной, грязной камерой в Ярском КПЗ. Дежурный милиционер как бы в недоумении говорит:

— Никифорова, почему тебя распорядились посадить в неотопливаемую камеру? Проси, чтоб перевели.

Нинке смешно. Она хорошо знает ментовские повадки. Они по-прежнему хотят ее видеть сломленной и подавленной. Даже судебное заседание назначили в другом городе, чтоб ненароком не появился свидетель, говорящий в ее пользу.

— Сержант, не прикидывайся вещмешком, — говорит она белобрысому парню, — ты эти слова говоришь таким как я каждый день.

Он наигранно обижается:

— Ну ты даешь! Я то здесь причем?

Нина нетерпеливо отмахивается.

— Все вы не причем, орелики. Как только мамы вас бедных отпустили в такой сырости работать?

Дежурный уходит. Нина садится на холодный помост, прислушивается к голосам где-то в ближних камерах. Они нарастают, переходят в крики. Еще через минуту за стеной раздаются вопли. Нина узнает кому они принадлежат. Вместе с ней в “вагонзаке” везли насильника по кличке Горох. Где-то в соседней камере его “опускают”.

— У-У-У не бейте, а-а-а-я сам сниму, — воет двадцатилетний Горох, но удары не прекращаются — пришла расплата. Оказывается, в “хате”, куда он попал, находится родственник изнасилованной. Стечение обстоятельств довольно подозрительное.

Суд у Нины опять не состоялся. Адвокат раздосадован.

— Все улики косвенные. Свидетелей собирают чуть ли не из под палки. Завтра опять поеду в Киев подавать жалобу.

На Дубовском “централье” произошли изменения. В камере появилась новенькая. Огромная зэчка с черными усиками на пористом лице заняла место Золотоножки и, заручившись поддержкой блока Лошадки, решила “шконку” не уступать.

При появлении Нины Мери оживилась.

— Извини, подруга, но после суда обычно переводят на другую хату. Впрочем, теперь это не имеет значения.

Она подошла к толстой и тихо сказала:

— Освободи Золотоножке место.

С верхней койки соскочила Лошадка:

— У Бомбы пятая ходка, ты на нее не наезжай!

Вслед за ней с верхнего этажа спрыгнули Мата и Поганка.

Все произошло неожиданно и быстро. Мери не успела ударить Лошадку. Словно разъяренные кошки с верхнего яруса на спины Маты и Лошадки прыгнули, казалось безучастные, девушки и повалили на бетон. Поганка промямлила что-то наподобие “я здесь не причем”, и забилась в угол. Бомба, с присущим толстякам добродушием, расхохоталась и неожиданно заняла “шконку” Лошадки.

— Не люблю борзачков, — сказала она, — а ты, Лошадка, так ничему и не научилась.

С авторитетом этой женщины на этот раз было покончено.

Опять потянулись серые будни. Наблюдая за сокамерницами, Нина Никифорова не переставала удивляться психологической выносливости этих людей. Месяцами, изо дня в день единственным занятием девушек были игры в карты, нарды, шахматы и шашки. Лесбиянство в этой камере пока не имело места. Но Нина хорошо знала: эти озлобленные и развращенные женщины в лагерях доходили до невероятных глубин падения. Затишье было временным.

Мери из Санкт-Петербурга хранила в своей голове множество историй.

Однажды во время ночной беседы девушка поведала Нинке тайну, в которую та сначала не могла поверить:

— Мне, Золотоножка, на этот раз придется сидеть не меньше 15 лет. Может, даже дадут пожизненно, — впервые разоткровенничалась она. — Я на зоне убила вольнонаемного, который принуждал меня к извращениям. Нашим сказать — будут смеяться, но я — спортсменка, этого не люблю да и, честно говоря, просто не рассчитала силы. Но дело не в этом, — перешла она на шепот. — Просто я очень богатый человек, но что толку от денег, если они в Питере. Я так думаю, греть меня сможешь только ты, поэтому открою тебе в чем заключается мое богатство. У меня есть родной брат, мы с ним долгое время занимались сначала воровством, а затем перепродажей полотен известных художников. Наши деньги он прогуливал — кабаки, шлюхи, дорогие курорты. Я же, несмотря на его крутой нрав, сумела утаить два полотна, которые по нынешним ценам могут стоить бешенных денег. Так вот, Золотоножка, я расскажу тебе где расположен тайник, а ты обещаешь мне, что половину от вырученных денег положишь на открытый тобой на мое имя счет в банке.

Сначала Нина не поверила. Засиженный народ горазд на выдумку, порой бомжи выдают себя за детей бизнесменов и министров. Но серые, холодные, глаза Мери не лгали. Кроме того, эта волевая женщина была из Санкт-Петербурга — города, который всегда славился невероятными событиями. Ужасающие тайны этого города могли разве что сравниться по хитросплетению событий с такими мегаполисами, как Гонконг или Лос-Анджелес, где человек былинка в безбрежном океане хаоса.

— Картины были украдены в Москве у кремлевского завхоза Павла Космакова. Позже, когда мой брат решил завязать с воровством и скупкой краденных полотен, мы общались с этим человеком. Он не догадывался, что пять украденных у него полотен — дело наших рук. По-моему, старик большего значения краже не придавал — настолько он богат. Три картины мой брат продал — Тициана и Пикассо. У меня остались два полотна Рембрандта. Примерная их стоимость около 3-х миллионов долларов. У совсем не бедной Золотоножки от упоминания такой суммы перехватило дыхание.

— И ты, имея такие деньги, пошла на следующее преступление? На них можно прожить безбедно жизнь в любой, самой классной, стране.

Мери посмотрела на нее грустным взглядом.

— Все произошло в последний момент. Я приехала на встречу к покупателю с фотографиями картин. На Выборгском вокзале меня опознала какая-то сука! Снимки я сжевала, но от ментов уйти не удалось.

— Извини за любопытство, а как с полотнами? — спросила Нина. — Они в надежном месте?

— Думаю, что в надежном... У моего школьного товарища есть дача под Гатчиной. Домик старый, там годами никто не живет. Нарисую тебе план усадьбы — найдешь.

Глаза Мери увлажнились. Золотоножка всем сердцем ее пожалела и поняла до чего ей хочется на свободу. Впрочем, всем в этой камере хотелось на волю, за исключением двух бомжевок, которые здесь нашли кров и пищу.

— Но ведь, Мери, я ведь тоже могу освободиться не скоро. Если они мне вмажут четвертую часть этой статьи, я здесь устроюсь на семилетку.

Мери сделала пренебрежительный жест.

— Брось, Нинка! Тебе еще Инга сказала, что твое дело шито белыми нитками. Они годишник побесятся, а затем успокоятся. Ведь менты понимают, что ты про них даже очень много можешь рассказать. Ведь ты сама рассказывала, как они подвыпившие плакались тебе в жилетку.

Нина согласно кивнула.

— Они на шару ох как вокзальную печеночку и коньячок любят. А когда напьются и жен своих обсирают и начальников... не все, конечно, есть и нормальные.

Этих слов Золотоножке при засиженном народе говорить не следовало.

— Ты че, подруга, где ты видела нормальных ментов?!! Все они твари!

Нине спорить не хотелось. Каждый здравомыслящий человек знает — все люди разные. Плохие люди как и плохие национальности “изобретение” людоненавистников, которые тянут во все времена за человечеством шлейф нескончаемых бед. Что касается уголовного контингента, заключенных можно понять. Анализируя свою изломанную жизнь, они приходят в ужас и хоть как-то пытаются себя оправдать, сваливая собственные ошибки на плечи других. На реплику Мери Нина не ответила.

— Адвокат утверждает, что меня выпустят через пару месяцев. Тем не менее, Мери, подумай: кто я тебе, чтоб доверить такие деньги? Потом загрызут сомнения, будешь мучиться.

— Женщина посмотрела на нее стальным, проникающим в самую глубину взглядом.

Золотоножке даже стало не по себе.

— Я в людях разбираюсь, — ответила немного подумав. — Кроме того, ты по гороскопу львица, а львы преданны в дружбе и не корыстолюбивы. Они больше хотят делать добро другим.

— Может и львы есть разные, как люди, — улыбнулась Золотоножка, не забыв мысленные рассуждения на тему “хороший мент — плохой мент”.

— Может, — коротко ответила Мери. — Но на тебя я надеюсь!

* * *

Возле тюрьмы выла собака. Она плакала день и ночь вот уже третьи сутки. Солдатам на вышках становилось страшно. Ведь у каждого из людей кто-то есть. В камеры вой проникал приглушенный толстыми стенами. Тем не менее, суетливые прапорщики также были в смятении. Они понимали: где-то в тюрьме за стальной дверью сидит хозяин собаки.

Голос Грея Нинка Золотоножка узнала сразу. Ее и без того измученное тоской по сыну мужу и свободе сердце готово было разорваться. В момент, когда кормушку на двери открыли она позвала охранницу.

— Посмотри какой породы и масти воющая собака, я тебя отблагодарю. И еще — оклики ее по кличке Грей.

Охранница заинтересованно на нее посмотрела. Весть о необычном животном уже разошлась по всему централу.

Через час кормушка опять открылась. У безэмоциональной, ко всему привыкшей прапорщицы в глазах стояли слезы.

— Это ваша собака, Нина, огромный мышинной масти дог сразу отозвался на кличку Грей.

АЖИОТАЖ

Выставка изобразительного искусства в Киеве была поистине грандиозной. Люминесцентное освещение подхватывали огромные зеркальные шары и весь этот ослепительный свет отражался от покрытых мозаикой стен, находил пристанище на чудесных полотнах.

Время плакатного сюрреализма кануло в историю. Неотъемлемые атрибуты революции — буденовки, увешанные орденами мундиры самодовольных лидеров теперь можно было встретить только в определенном зале, отражающем “великую эпоху”. Впрочем, Франц, талант которого эта “великая эпоха” все - же покалечила, зла на нее не держал. Как подобное в душе его произошло? Кто его знает. Возможно, по незлобивости природы, а, возможно и от того, что это самое прошлое было прошлым его родителей и частично его самого. Ну, а если брать по большому счету, у славянских народов всегда происходят всевозможные катаклизмы. Что касается России, Беларуси и Украины, — эти народы всегда метались между

кнутом и пряником, всегда были многострадальными, везде им не доставало земного равновесия.

Когда Франц и Наташа увидели картину “Украинские Афины”, потрясенные они долго не могли обмолвиться словом. Неизвестный дизайнер поместил картину в раму удивительную по замыслу и воплощению. Упоминание об античных Афинах здесь нашло прямое отражение. Тонкая рама была изготовлена из скрепленных между собой в ажурном узоре хлыстов. Рабовладельческая эпоха как бы накладывала отпечаток на современный быт, а десятки напряженных страдальческих лиц усиливали это впечатление, вынуждали глубоко замислиться. Затемненную нишу, в которой находилась картина, освещали две лампы, источая струи голубого и красного света.

Когда многочисленная толпа узнала кто автор, произошел взрыв. Люди, перебивая друг друга, высказывали Францу свое восхищение, старые и молодые, домохозяйки и директора, художники и актеры.

После того, как толпа поклонников и желающих взять автограф схлынула, подошла очередь агентов, желающих приобрести картину.

Наташа была ошеломлена. Огненно-рыжий англичанин с рыбьими глазами предложил за “Украинские Афины” пятьдесят тысяч долларов. Два вкрадчивых японца бережно взяли Франца под руки и увели в сторону.

— Даем вас картину восемьдесят тысяч долларов.

Сыпались другие предложения. Вскоре цена достигла ста тысяч долларов.

Это было выше ее сил. Ее дыхание обжигало ему шею, ухо.

— Франек, не теряй шанс!.. За такие деньги мы купим квартиру здесь, в Киеве. Еще останется на машину, мебель и все остальное.

Она не была жадной. Нет, это была не жадность. Просто подобная сумма, да еще в долларах, плохо укладывалась в мозгах, привыкших к убожеской жизни. Так бы повели себя девяносто процентов наших женщин, да и мужчин тоже.

— Наташа, дорогая, — шептал Франц, сжимая руку любимой женщины, — прошу, подожди. Выставка еще не завершена. Теперь продать картину мы всегда успеем.

Опьяненный славой, он долго не мог прийти в себя. После дикого унижения в Черновцах, где на выставке его картина “Революция на земле глазами марсиан” была признана крамольной, после стольких лет забвения слава все же его нашла. Всего одна картина — и он признанный художник! Мелькнула мысль: “Тогда тоже была всего одна картина, затем — клеймо “диссидент”!.. Враг, по которому плачет тюрьма. Но тогда было другое время... На

каждом шагу требовался сюр... Необходимо взять себя в руки, вытравить комплекс страха, который все же гнездится в тайниках души”.

Они с Наташей вышли на улицу и ему сразу стало легче. Свежий воздух, неповторяющиеся лица вытолкнули навязчивый комплекс, который уже много лет мешает ему жить. Поистине прав был тот человек, который в глубине прошлых веков изрек слова, ставшие народной пословицей: “На миру и смерть красна”. Действительно, в калейдоскопе меняющихся лиц, пейзажей, в объятиях солнечных лучей, ветра мерзкие комплексы растворились.

На Киевский главпочтамт они приехали вечером. Крещатик сверкал огнями. В помещении почтамта стоял рабочий гул.

Оператор подала Францу узкий конверт и корешок почтового перевода.

Хотя письмо Харасанова состояло буквально из двух строк, у них учащенно забились сердца.

“Ожидаем с Василием в Москве 1-го октября в гостинице “Метрополь”. Спросить гражданина США Хасквела Кинга”.

Сумма денежного перевода составила восемьдесят тысяч гривен.

События этого дня были невероятны. Переварить подобную информацию вот так просто оказалось совсем не просто.

Минутную тишину нарушил Франц.

— Оказывается, Василий жив. Но ведь ты утверждала, что его расстреляли на твоих глазах.

— Франек, поверь, я действительно видела. Этот кошмар мучит меня каждую ночь.

Он улыбнулся и взял ее за руку.

— Ты меня, Наташа, извини, но после наркотиков в подвале Жарылгапова тебя могли преследовать зрительные галлюцинации. Какими наркотиками они вас пичкали?

— Точно не знаю ..., разными. Кажется, опий, морфин, амнапон.

— Если опий — зрительные галлюцинации вполне возможны. Впрочем, морфин и амнапон могут оказывать такое же действие.

Она молчала. Воспоминания вызывали у нее жесточайшую душевную боль.

Франц изменил тему.

— Видимо, Харасанов не знает, что на Украине уже давно функционирует система “Вестерн юнион”. Восемьдесят тысяч в гривнах — это куча денег.

Оператор предложила вызвать охрану. Вспоминая казахстанские и московские события, провоз оружия, валюты, фальшивых документов, — над ее предложением они беззлобно посмеялись. Оператор, не понимая причин смеха и отказа, обиженно поджала пухленькие губки.

Ночь они провели в безумно дорогой частной гостинице, а на следующий день опять посетили выставку картин.

НОЧНАЯ СТРЕЛЬБА

Журналист Артем Фляжников бывший заместитель главного редактора информационной корпорации RIA, а ныне журналист и директор рекламного агентства самой читаемой газеты на виннитчине раздраженно прислушивался к всенаростающей желудочной боли. “Вот он итог нервных нагрузок и непомерного употребления крепкого кофе”. Сигареты и кофе с утра до вечера, интересно, чем это закончится?”

Получаемая ежедневно информация свидетельствовала о том, что Украина, и область в частности, переживают не лучшие времена. Оголтелая коррупция, безработица, болезни, все это вместе взятое наводило на грустные размышления.

К полудню настроение у Фляжникова несколько улучшилось. “Потянулись” молодые коллеги-журналисты в силу искрометной молодости добывающие материал, содержащий оптимистические прогнозы.

“... В первых числах мая, после обледенения, наконец загорится “лампочка Ильича” в отдаленном районе области”.

“... Возвращены из Стамбула домой две девушки, которые были проданы в рабство винницкими сутенерами”.

“... Благодаря уходу в отставку правительства, возглавляемого В. Ющенко, возможно снизятся коммунальные платежи и повысятся пенсии”.

Около 20.00 Фляжников вышел из многоэтажки, в которой находится редакция газеты 33 КАНАЛ, и сел в трамвай. В трамвае было душно. На «Первомайской» он вышел.

“Чудесный вечер, пройдуь-ка я через парк”, — решил Артем, и углубился в плохо освещенную аллею.

Вечер действительно был чудесный. Наполненный запахом листвы густой воздух, словно пища желудок, насыщал легкие.

На подходе к стадиону он услышал торопливые шаги и оглянулся.

— Эй, ты, тормознись! — раздался повелительный окрик.

Еще мгновение и они поравнялись. Неприятное чувство взбудоражило нервы, холодом окатило сердце..

Артем решил не останавливаться.

— Да ты че, змей, в натуре оборзел? Ану тормози!!!

“Сплошной жаргон”, — подумал Фляжников, и стиснул в кармане рукоятку газового “Ягуара”.

Второй продолжил тему начатую первым.

— Куда спешишь, папарацци, на тот свет, что ли?

“Оказывается, эта встреча не случайна. Они знают, что я журналист”.

— Домой спешу, ребята, внуки заждались, — скрепя сердце пошутил Артем.

— Какие внуки, ты че гонишь?! — искренне возмутился первый. — Ты че, нас за долбаков держишь?

Второй его перебил:

— Ладно, Колян, гасись. Короче так, змей, — обратился уже к Артему. — Тебе привет от князя, которого ты на семерик своей писаниной посадил. Он тебе командировку на зеленый ковер выписал.

Артем опешил. Никаких статей, связанных с разоблачением мафии в последнее время он не писал.

— Мужики, вы явно не по адресу. Не знаю я вашего князя, век бы его не знать.

— Не гони, змей, — прохрипел первый, — и выбросил блестящее жало выкидного ножа.

— Кончаем его и сваливаем, — сказал второй, и в свою очередь вытащил из-под куртки длинный клинок.

Выстрел почти в упор сделал свое дело. Колек взвыл и словно раненый кабан повалился в кусты. Артем молниеносно повернул ствол “Ягуара” влево и провел еще два выстрела. Этого оказалось более чем достаточно. Парк огласили дикие вопли. Второй киллер, спотыкаясь, ломая кусты побрел искать спасение неведомо куда.

Возле планетария Артем Фляжников увидел многочисленную толпу. “Совсем забыл, — подумал Артем, — ведь сегодня в планетарии выступает новоявленная политическая звезда Петро Порошенко. Материал сам просится в руки, да и диктофон при мне”.

Бражников вытер платком мокрое от пота лицо, подавил в теле неприятный нервный озноб и прошел в здание планетария.

«ШЕДЕВРЫ НЕ ПРОДАЮТСЯ»

Предложения продать картину порой носили назойливый характер. Теперь они уже не могли подолгу находиться у полотна, спустя десять-пятнадцать минут уходили из зала.

Агенты из Японии, Франции, Англии, Латинской Америки не теряли надежду. Вскоре предлагаемая сумма достигла 180 тысяч долларов.

Франц был неумолим. Ему не хотелось расставаться с полотном, которое, с его точки зрения, было второй удачей в жизни.

Наташа демонстративно молчала. Вечером в гостинице она как - бы невзначай положила на кровать Франца киевскую газету AVISO. Страница пестрела сотнями объявлений о продаже квартир.

Ее наивное упрямство немного раздражало. Подавив в себе неприятное чувство, он присел к ней на кровать.

— Даю тебе слово: через два-три месяца у нас будет шикарная квартира. Я взял адреса у агентов, которые предлагали за “Украинские Афины” 180 тысяч. Они не передумают. В том мире такой суммой никого не удивишь.

Она продолжала молчать.

— Наташа, дорогая, — Франц обнял женщину, — прошу тебя, дай мне насладиться успехом. Ведь у нас денег более чем достаточно. Вспомни Караганду, первые встречи. У меня порой не было денег, чтобы купить тебе цветы.

Она вспомнила, рассмеялась.

— Поэтому ты разорвал клумбы у кинотеатра “Батакоз”?

Мир был восстановлен. Они вышли на Крещатик, долго бродили по залитой светом величественной улице.

— А знаешь, Франц, мне боязно ехать в Москву, — сказала Наташа. На Украине в тысячу раз спокойнее. Может, вызовем Василия и Костю сюда?

— Нет, Наташа, они не приедут. Это для них, как для американских граждан, будет связано с массой формальностей. Необходимо ехать. Эти люди нам не чужие. В конце концов, на деньги Харасанова мы живем и сейчас.

— А ведь они что-то задумали. Я чувствую, — сказала Наташа. — Спрашивается, чего ради Харасанову опять лезть в московское пекло?

— Все очень просто, Наташа. У Харасанова в разных регионах бывшего Союза разбросаны тайники. Он часто давал мне понять, что у него в Казахстане, Узбекистане, Киргизии спрятано много денег.

— И ты намерен ему в этом помогать? Теперь, когда нам улыбнулось счастье, ты мечтаешь опять попасть в преступный водоворот?!

— Нет, дорогая, я не намерен возвращаться к прошлому. Но увидеть Василия и Костю хочется ужасно.

* * *

Выставка картин закрывалась. Как ни просил Франц продать изумительную по красоте раму, директор галереи был неумолим.

— Вы, молодой человек, нэ любите нашу Украину. Мы вам пропонуемо 5 тысяч долларив, а вы видмовляе́тэсь.

Директор галереи или притворялся, или действительно не знал какие суммы предлагали за полотно иностранцы. Наконец, чтоб отвязаться от назойливого директора, Франц выпалил:

— И не просите!!! Полотно предназначено в подарок президенту одной из стран СНГ.

Директора словно подменили:

— Ну тада другое дело... тада забирайте, — затараторил он, и неожиданно всего за пятьсот гривен продал раму.

Картину тщательно упаковали и отдали Францу.

До поездки в Москву оставалось два дня.

— Думаю, нам не стоит сейчас возвращаться в Жмеринку, — сказал Наташе Франц. — Позвоним матери, переждем в гостинице, и через два дня — в Москву.

— А картина, куда мы денем картину, — спросила Наташа. — Неужели ты хочешь взять ее в Москву?

— Ты угадала. Харасанов верил в меня, как в талантливого художника. Мне очень хочется услышать его мнение и увидеть произведенное от полотна впечатление.

Наташа рассмеялась.

— Ваше тщеславие, Бялковский, не имеет границ.

Он немного обиделся.

— Думаю, за барахло 180 тысяч долларов предлагать бы не стали.

— Не дуйся, Франц. Я же просто пошутила. Я первая не сомневаюсь, что у тебя, как у художника, великое будущее.

...КТО НАС КОРМИТ...

Безоблачное небо сверкало голубизной, обещая теплый, погожий день.

Николай Андреевич Дмитренко наконец уговорил внучку Настю дать деду передышку и опять взяться за косу.

Дождливые дни лета 2003 года для сельских жителей, имевших на хозяйстве скотину, приносило много огорчений. Просушить, довести до кондиции сено — практически незаменимый для животных продукт, было довольно сложно.

Выходец из села Рогинцы Хмельницкого района Николай Дмитренко любил и уважал крестьянский труд. Жизнь распорядилась так, что ему, выходцу из простой крестьянской семьи, пришлось стать заместителем главы винницкой обл администрации но он все же по-прежнему беспокоился о родном предприятии «ВИННИЦАМЯСО»

А сейчас Дмитренко с наслаждением работал по хозяйству, ожидая приезда детей — Светланы и Руслана.

Через некоторое время, все та же непоседливая Настя сообщила деду, что семья в сборе и бабушка — Людмила Владимировна, супруга Дмитренко, — ожидает его к столу.

Дети выросли, получили образование. Каждый шел по своему пути.

Дочь преподает в высшем учебном заведении города Киева, сын заканчивает аспирантуру. На семейном “фронте” все сложилось хорошо.

День прошел суетливо и весело, как обычно проходят дни в кругу семьи, которая не так часто собирается вместе.

* * *

На следующий день, помня свое обещание телевизионщикам и художнику Николай Дмитренко был на комбинате. Телесъемочная группа во главе с журналистом Натальей Бужинецкой ожидала его на проходной.

Прекрасно осознавая всю сложность предстоящей работы, Франц Бялковский решил досконально ознакомиться с производством, увидеть в работе лица, которые должны ожить и заговорить на его полотне.

После знакомства с каждым новым человеком Франц все больше проникался уважением к этим людям, их далеко нелегкой профессии.

В административном корпусе, в кажущейся хаотичной суете трудились люди, без которых вряд ли смог бы работать без перебоев этот отлаженный механизм. Заместитель по производству Билаш В. С., заместитель по инженерно-техническому обеспечению Стемпковский А. Г., заместитель по сельскому хозяйству Бондарчук И. Н., председатель профкома Слободянюк М. М., главный бухгалтер Высоцкая Г. П.

В цехах, на территории производства он понял, что работа над полотном будет сложной и длительной. Неутомимый Василий Степанович Белааш представлял ему одного за другим множество достойных людей, которые вели себя застенчиво, неохотно вступали в разговор с художником и представителями телевидения.

Тем не менее Франц делал свою работу, внимательно вглядываясь в лица людей, которые, по мнению огромного коллектива, признаны самыми лучшими:

Педоренко Н. Ф., старший мастер завода медпрепаратов; Дьякова Н. С., продавец фирменного магазина; Боровский А. Ф., заготовитель скота; Рыбак Т. П., повар ТГК; Гнатюк С. Н., электромонтер (афганец); Яткевич Н. М., упаковщик консервного цеха; Заец В. Д., оператор паровых котлов; Приймук Н. Н., жиловщик мяса; Стрельчик Н. В., грузчик; Григорен З. С., разборщик субпродуктов; Гресько А. Н., кормач скота, БПСС; Сенчишина О. В., заведующая отделом фирменного магазина; Ящук О. В., заготовитель скота; Савченко Н. И., плотник ПМК; Солонина Л. М., электросварщик; Роменюк Н. Н., рабочая кулинарного отделения; Заец Н. П., машинист автокрана; Притолок А. В., аппаратчик цеха техфабрикатов; Грановецкий Н. Н., слесарь компрессорного цеха; Дець М. А., рабочая консервного цеха; Бершадская О. А., рабочая консервного цеха; Медик И. В., ветврач; Рябцун П. Я., слесарь РМЦ, Кондрацкая Е. И., жиловщик мяса.

Именно этих людей он запечатлеет на своем полотне. Именно эти лица должны остаться в памяти живших в далеко непростое время середины XX и начала XXI века.

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ПИРАТА»

Роскошный швейцар, хозяин холла гостиницы “Метрополь”, подозрительно уставился на Франца и Наташу.

— Господа украинцы, вы, наверное, не туда попали. Здесь проживают самые богатые люди мира. У вас не хватит де...

Франц вспылил:

— Заткнись, халдей!.. Нас ожидает проживающий в этой гостинице Кинг Хасквел. Если не желаешь вылететь в трубу, закрой пасть и пропусти к администратору.

Спесь, присущая этой породе двуногих, именуемых себя людьми, развеялась, как дым. В глазах появился страх, тело обмякло. Теперь швейцар больше напоминал попугая, попавшего под дождь.

Администратор лишних вопросов не задавал. Все разрешилось в считанные секунды.

— Господин Кинг Хасквел сейчас будет здесь.

По мраморной лестнице екатерининских времен спускалось двое. Седовласый крупный мужчина, одетый в великолепный черный костюм и ослепительной белизны рубашку, поражал легкостью походки. Рядом шел высокий блондин, затянутый в кожаные джинсы и серебристую, непонятного материала, куртку. Черные “казаки” громко выстукивали о мрамор лестницы.

— Посмотри, Наташа, на Василия, — Франц сжал локоть девушки. — Вон они последствия перестрелки в больнице.

Правый глаз Василия скрывала черная повязка, придавая ему сходство с джентльменом удачи из канувшего в прошлое буйного братства корсаров.

Они обнялись. У Франца перехватило дыхание. Наташа откровенно плакала.

Полусогнутый швейцар схватил вещи гостей и потащил в лифт.

Они поднялись на третий этаж, прошли в номер. Через десять минут стол ломился от обилия напитков и закусок.

Франц пошутил:

— На этот раз, друзья, у нас меню разнообразнее. Я вижу на столе хлеб разных сортов. Помните Темиртау и московскую квартиру в “Дубках”?

Харасанов и Наташа рассмеялись.

— Изменений произошло действительно много, — сказал Харасанов. Но то, что произошло с нами в “Матросской тишине”, я не могу отнести только к совпадению, глупой случайности. Нет, наше спасение не было случайным. В Нью-Йорке, где мы сейчас проживаем с Василием, я построил храм в благодарность Всевышнему, который смиловался над нами, перенес в другой мир — свободный для нас от моральных и физических мучений. Не знаю, что принесла в эту страну перестройка, но, из наблюдений последних дней, кардинальных перемен я не вижу. Тот же пресмыкающийся плебс с одной стороны и вседозволенность для людей мало-мальски обладающих властью.

Василию почему-то вспомнился гостиничный швейцар. Он рассмеялся.

— Но ведь в славянском мире так было всегда. Умопомрачительное чинопоклонство, массовый мазохизм, доведенное до абсурда идеалистическое понятие непротivления зла насилию.

Василий с какой-то едва уловимой насмешливостью посмотрел на Франца.

— Мазохизм способствует укреплению семейных уз, а политика непротivления зла насилию продлевает драгоценную жизнь. Почему вы с Наташей не покинули пределы этой страны?

Франц в упор посмотрел на Василия.

— А ты, дорогой, стал злым. Сытый желудок укоротил твою память. Во-первых, у меня на Украине старая больная мать. Во-вторых, как говорил Костя, Всевышний в лице представителя ООН и американского посла не предоставил мне возможность получить политическое убежище.

Константин раздраженно поморщился:

— Василий, прекрати. У тебя действительно короткая память. То, что ты лишился глаза еще не дает тебе права срывать обиду на друзьях.

Василий поднялся с кресла и вышел в соседнюю комнату.

— Вы его простите, друзья, — сказал Харасанов. — Потеря одного глаза повлекла за собой скверные последствия. У Василия постепенно падает зрение.

Они подавленно молчали. Такое понятие, как потеря зрения у каждого всегда сопряжено с ужасом и безысходностью.

Они много пили. Харасанов то и дело поглядывал на Франца знакомым взглядом. Назревал серьезный разговор.

— Тебя, Франц, безусловно интересует причина по которой мы с Василием приехали в Россию. Этих причин целых три. Две относятся к сугубо моральной категории. Третья — материального характера, чисто бизнесовая. Вы готовы меня выслушать? — после некоторой паузы спросил Франца и Наташу.

Они молчали.

— Как говорят до сих пор на территории бывшего Союза “молчание — знак согласия”. Во-первых, я должен любой ценой отыскать могилу Татьяны и похоронить ее по-человечески. Где ее могила? Под каким номером?.. Соответствует ли этот номер действительности? — с тоской произнес Харасанов. — Думаю, вытащить правдивую информацию из московских ищек будет нелегко. Вторая причина — вы с Наташей. Да, да, Франц! Не смотри на меня удивленными глазами. В Нью-Йорке я купил для тебя студию,

подготовил приличное жилье. Так что пора, Франц, воплотить твою мечту в действительность. Что касается третьей причины, уверен, Франек, она тебя удивит, шокирует, произведет эффект разорвавшейся бомбы.

— Мы заинтригованы. Говори, не тяни!

— В США я занимаюсь бизнесом, можно сказать, большим бизнесом. Недавно у меня появился коллега, который скупает и коллекционирует произведения искусства. Как-то он мне поведал, что начиная с 20-х годов коммунистические лидеры в Москве проводили закрытые аукционы произведений искусства. Для крупнейших миллиардеров и миллионеров выставлялись полотна знаменитых художников всех времен и народов. “Народное достояние”, как тогда выражались, уходило в тайные частные галереи Вашингтона и Дели, Лондона и Парижа. Так вот, Франек, теперь самое интересное, — продолжал Харасанов. — Он мне предоставил список непроданных по неизвестным причинам полотен. Я прочитал следующий текст: “Франц Бялковский. Украина, 1969 год. “Революция на Земле глазами марсиан”.

Картина оценена в двадцать миллионов долларов. Предлагаемая на аукционе сумма достигла восьмидесяти миллионов долларов. По неизвестным причинам в последний момент картина была снята с аукциона.

Из обычного гостя, которым в данный момент являлся Франц, он превратился в каменного. Наташа закрыла глаза, как-то глупо вытянув шею. Граната разорвалась со всеми последствиями взрыва.

— До вашего приезда кое-какую работу мы уже проделали, — после некоторой паузы продолжил Харасанов. — Круг людей, имеющих непосредственное отношение к полотну, вот в этом списке. Из перечисленных наибольший вес с советской стороны, — улыбнулся Харасанов, — имел член Политбюро товарищ Войтович. Дальше идет разная шушера, наименьшей из которых является фигура хранителя запасников бывшего гэбиста Павла Васильевича Космакова.

КУРГАНСКИЙ ВОЛК

Ненависть к богатым, которая, как правило, у бедных базируется на зависти, сделала свое. Павел Васильевич Космаков сумел убедить двадцатилетнего предводителя чекистов города Кургана, что купец Полухин, который по сути вывел Космакова в люди, кровопийца и гад, и его необходимо срочно уничтожить.

Перед тем, как чекисты разработали операцию, Павлуша Космаков проник в подвалы Полухина и утащил два бочонка золотых монет, которые Полухин, как истинный купец, хранил дома. Зная, что кража всплывет, вор зарядил обрез японского карабина, пробрался в спальню Полухина и в упор расстрелял хозяина и его двадцатилетнюю жену. Чекистам осталось только констатировать факт и зачислить бывшего приказчика в свои ряды. С тех пор молодой сотрудник ВЧК Павел Космаков становился все более и более заметной фигурой в городе Кургане.

Необходимо сказать, что не только хватка, но и лицо этого человека было волчьим. Острое с близко посаженными зелеными глазами, оно внушало произвольный страх у всех, кто с Космаковым общался. Ежедневно в подвалах общеизвестной организации он собственноручно расстреливал классовых врагов, а в свободное время, запершись в реквизированном особняке, пересчитывал тысячи золотых монет, украденных у купца.

Но слухи о проделках бывшего приказчика все же просочились. Люди догадывались кто истинный виновник смерти купца и его жены. Как известно, дыма без огня не бывает. Поэтому молодой начальник ВЧК решил в отсутствие Космакова обыскать его дом. Откуда ему было знать, что вместе с пакетом в город Кустанай, адресованном тамошнему ВЧК, в телеге под соломой, из России в Казахстан уезжали два бочонка, нагруженные золотом.

Мысль, куда спрятать богатство, не давала Космакову покоя. Старинных замков, заброшенных домов, горных рек с берегами, поросшими вековыми деревьями, в северном Казахстане не имелось. Закопать золото в “чистом поле” было рискованно. Песчаные бури могли превратить заветное место в безликую пустыню — естественный ландшафт северного Казахстана. Но и оставлять в Кургане было рискованно. Среди населения появилось множество врагов. В принципе необходимо искать новое место жительства. Оказывается, у Полухина была вторая семья где-то под Акмолинском. Доходили слухи, что взрослые сыновья купца уже наводили о Космакове справки.

Подлый по натуре и коварный в поступках приказчик уже разработал план как “убить двух зайцев”. Одного в прямом смысле, а второго — в переносном. Но пока предстоял Кустанай и необходимость надежно укрыть от человеческих глаз пятьдесят килограммов червонного золота.

Город на берегу реки Тобол встретил Космакова мрачным, дождливым рассветом. В отличие от центрального Казахстана, здесь иногда бывают затяжные дожди. Фактически этот город стоял на границе с Россией. До Кургана, как и до Новотроицка, было подать рукой.

Павлуше Космакову определенно везло. В Кустанайском ВЧК находился с проверкой гость из Москвы — соратник “железного” Феликса — Ян Войтович. Хищное лицо Космакова пришлось по душе опытному чекисту. Но главную роль в сближении все-же сыграли роль вещи столь прозаические, что узнай о них “железный” Феликс, он назвал-бы своего протеже мягкотелым интеллигентом, обывателем и еще бог знает кем.

Не думая о себе, Космаков сходу предложил измаявшемуся Яну русскую баньку и в придачу привести в лучший вид шапку нестриженных волос.

Банным делом, как и искусством брадоброя, бывший приказчик владел в совершенстве. Глубокой ночью, после баньки, стрижки и третьей бутылки пшеничной водки, Ян Войтович предложил Космакову переехать в Москву и стать по совместительству его личным парикмахером. Космаков сразу же согласился и попросил у Яна Войтовича о двух услугах. Первая: передать Дзержинскому докладную записку о бесчинствах, творящихся в рядах ВЧК города Кургана. Вторая была просьбой к Войтовичу отпустить его на три дня к несуществующему брату в поселок Джетыгару на границе с Оренбургской областью.

... Дорога оказалась утомительной и долгой. Легкая тачанка, с разрешения начальника ВЧК укомплектованная пулеметом, подъехала к отдаленному поселку спустя десять часов интенсивной тряски.

Космаков достал из полевой сумки карту, внимательно рассмотрел обозначения и поехал дальше.

Едва различимая старая дорога уводила куда-то в сторону от поселка. Появились заросшие травой холмы, напоминающие древние могильники. “А вот и вы, дорогие”, — сказал громко Космаков, классически потирая от удовольствия руки.

Поселок виднелся на расстоянии трех-четырех километров. Тишину нарушало только пение сверчков.

Космаков остановил лошадей у подножья самого высокого холма и поднялся на вершину. Недалеко виднелись разбросанные тут и там полуразрушенные срубы, напоминающие колодцы.

“Вряд ли кто либо в ближайшие сто лет вами заинтересуется”, — подумал Космаков, и спустился вниз.

Стволы отработанных англичанами золотоносных шахт темнели черными провалами. Время сделало свое. Крышки срубов почти сгнили, земля осунулась, обнажая опасные места. Космаков вытащил из тачанки веревочную лестницу и толстую пеньковую веревку с навязанными узлами. Один конец лестницы прикрепил к толстой, еще не успевшей сгнить,

свае, а другой сбросил в провал шахты. Затем проделал то же самое с веревкой, но конец привязал не к бревну, а к железному кольцу на тачанке.

Хорошо обученные военным командам лошади мгновенно реагировали на свист. Космаков привязал бидон с золотом к веревке, опустил в отверстие шахты, а сам по веревочной лестнице начал спускаться в ствол.

“Летучка”¹ освещала мрачные стены. Спуск был длителен, но страха Космаков не испытывал. Человек, детство которого прошло в заплеванных притонах и подворотнях, прошел закалку, которая не снилась благополучному обывателю.

¹ — керосиновый фонарь (*жарг.*)

Отработанная шахта была наполовину заполнена водой. Стараясь далеко не уходить, Космаков отыскал подземное озеро в отработанном забое, возвратился к стволу и дважды свистнул. Через минуту тяжелый бидон был у его ног.

В воде груз стал намного легче. Космаков дошел до половины озера, но глубина оказалась недостаточной, чтоб скрыть драгоценную ношу. Шаг за шагом “приказчик” перетащил бидон на противоположный берег и мокрый от пота прислонился спиной к деревянным креплениям.

“Все же, дорогой, придется тебя закопать”, — прошептали его губы, и он из-за пояса вытащил саперную лопатку. Почва была мягкой. Углубившись где-то на метр, сталь лопатки издала неприятный скрежет. Космаков поспешно расширил отверстие и в свете “летучки” увидел металлическую крышку люка.

Винтовая лестница вела куда-то еще глубже в отпугивающие недра.

Долго не раздумывая, Павел Космаков с проворством юнги стал спускаться в черный провал.

Подземелье было сухим и огромным. Твердая порода не грозила обвалами. Это обстоятельство его обрадовало.

У монолитной стены громоздились деревянные и металлические ящики с неизвестным содержимым.

Космаков открыл первый попавшийся ящик, и не смог сдержать возглас удивления. Из гнезд торчали рукоятки пистолетов системы “Кольт”. В длинных ящиках находились аккуратно упакованные английские карабины. Здесь же стояли металлические коробки, заполненные патронами.

“А вы, ребята, оказывается, дело знали туго, — подумал Космаков. — Там, где есть золото, всегда необходимо держать порох сухим”.

Исследовать огромное подземелье не было времени. Керосинка начала источать красный свет, напоминая о том, что он провел под землей уже немало времени.

Через полчаса облегченная тачанка, не заезжая в казахский поселок, мчалась в обратном направлении.

МЫ УЕЗЖАЕМ В ЖМЕРИНКУ

Как в комнату зашел Василий они не заметили. Рассказ Харасанова потряс в прямом смысле слова. Тем не менее, Франц сумел взять себя в руки.

— Ну что, знатная информация? — без тени иронии спросил Василий.

Ответ художника был неожиданным. Удивил не только Василия и Константина, но и Наташу.

— Я бы много отдал, чтобы увидеть картину “Революция на Земле глазами марсиан” — сказал Франц. — Уже тогда я знал, что это моя большая удача. Но разыскивать ее ради денег не стану. Достаточно того, что в каталоге или списке значится подлинное имя и фамилия художника. Благодаря тебе, Костя, деньги у меня уже есть. Но в камере хранения на Киевском вокзале находится одна вещь, которую мне очень хочется вам показать.

— Что-то новенькое? — оживленно спросил Харасанов. — Благодаря тебе, Франц, я за бугром выбрал неплохое направление в бизнесе.

— Новенькое, и мне нравится, — ответил Франц, — но до конца судить не берусь. Мы к вам приехали, как говорят, с корабля на бал. Моя картина только что выставлялась в Киеве. Фирма предложила максимальную цену 180 тысяч.

Харасанов подскочил.

— Не вздумай продавать, слышишь?! — взволнованно выкрикнул он. Если, как ты говоришь, фирма предлагает за картину сто восемьдесят тысяч, значит она стоит не менее миллиона. Но где картина? — до боли сжал его плечо. — Неужели в камере хранения?

Франц опешил.

— А что? Ты думаешь, ее могут украсть?

На этот раз вмешался Василий.

— Если еще не украли. Немедленно берем тачку и едем на Киевский вокзал. Господи, Франц, не обижайся, но ты ведешь себя словно наивный первоклассник. Ведь на вашей выставке в Киеве было по меньшей мере десять воров и в два раза больше аферистов.

Когда они привезли картину, Харасанов и Наташа облегченно вздохнули.

— Будем считать, что родился в рубашке, — сказал Харасанов. — Но, запомни, подобное случается один-два раза в жизни. Владеть большими деньгами ..., такое дело безнаказанным не остается.

Они установили полотно на столе в гостиной.

Франц изучал их лица, но не улавливал особенных эмоций в мимике и выражении глаз.

По-видимому, торговля предметами искусства уже успела наложить отпечаток на поведение этих людей.

— Ну как? — просто спросил он, — обращаясь к обоим одновременно.

Слова Харасанова как всегда были шокирующими и оригинальными.

— Предлагаю за картину пять миллионов долларов уже сейчас. А на аукционе изобразительного искусства в Нью-Йорке за каждое отображенное здесь лицо вам заплатят минимум по одному миллиону.

Наташа чисто по-бабьи всплеснула руками.

— Господи!.. Да их же не пересчитать! Вы шутите, Харасанов?

— Нет, он не шутит, — вклинился в разговор Василий. — В Штатах я тоже кое-чему научился. Он не шутит, Наташа.

Эйфория, порожденная успехом, постепенно угасала. С ним такое происходило всегда. Теперь Франц после слов Харасанова и Василия почувствовал глухое раздражение. Возможно, это была реакция на бесконечное упоминание о деньгах, а возможно и присутствие того барьера, который долго стоял на его жизненном пути, не давал возможности самореализоваться.

— Хватит петь мне дифирамбы, — раздраженно сказал Франц. — Я написал всего одно полотно. Если вы скажете два, я скажу, что первое — это фантом, который уже фактически ушел из памяти.

— Нет, дорогой, это не призрак. Твое гениальное полотно где-то реально существует. Принадлежит какой-то сволочи из бывших, а ты живешь в своей Жмеринке и не имеешь возможности купить себе хорошую студию.

Тон Харасанова был категоричен. В душе Франц понимал, что он прав.

— Но теперь я эту возможность имею, — запротестовал он. — За “Украинские Афины” мне предложили сто восемьдесят тысяч долларов.

— Опять ты за свое, — раздраженно сказал Харасанов. — Твои сто восемьдесят тысяч для настоящего западного коллекционера — двадцать копеек нищему из рук какого-нибудь работяги. Тебе необходимо творить в полную силу, а для этого нужны настоящие деньги.

Франц решил идти ва-банк.

— Итак, что вы мне с Василием предлагаете? ... и ответьте: зачем вы опять приехали в эту страну?

Они удивленно посмотрели сначала на Франца, затем друг на друга и рассмеялись.

— Ну что ж, поставим все точки над “i”. Мы тебе предлагаем следующие варианты. Мне необходимо посетить в Казахстане два города — Семипалатинск и бывший Целиноград, ныне Акмолу. Василий же хочет проведать свою мать в Караганде, попытаться ее убедить выехать в США. Как бизнесмен, я хотел - бы заполучить твою картину с выгодой для нас обоих. Но ее необходимо разыскать. Решай, едешь с нами, или будешь с Натальей ожидать известия у себя в Жмеринке. Я тебя абсолютно ни к чему не принуждаю. Кроме того, в Нью-Йорке, как я уже говорил, тебя ожидает чудесная студия. Решай сразу, завтра мы будем оформлять визы в Казахском посольстве. Итак ...?

— Простите, друзья, но завтра мы с Наташей уезжаем в Жмеринку. Наташа будет учиться, а мне предстоит большая работа на одном из предприятий города Винницы. Будем с нетерпением ожидать от вас вестей. А теперь давайте выпьем за ваше здоровье и наши путеводные звезды. За дружбу, удачу и любовь.

УРОКИ « БРОНИРОВАННОГО »

Борис Семенов, по кличке Баха, был не новичок в исправительной системе. Но прежние его дела за сроком давности канули в лету. Когда его привели в общую камеру, он, десять лет тому назад отсидевший пятилетний срок, здорово удивился.

Общакотские хаты всегда отличались беспределом. Две верхние шконки были пустыми, но какой-то вертлявый нацмен на ломаном русском заявил:

— Мы, земляк, тебя не знаем, может ты обиженка, так что падай под нару.

Баха приблизился к нижней шконке, на которой лежал “авторитет”, схватил его за ногу и резко сбросил на цементный пол. Затем ногой, обутой в добротный “казак”, со всей силы ударил под яйца.

Камера наполнилась диким криком.

Баха наступил оравшему коленом на грудь и запихнул в рот грязное полотенце.

— Ты кого хочешь, пидар, опустить..? ... Баху Семенова?

Камера напряженно молчала. Народ понял, что этот сухопарый мужик по духу и отсидке далеко впереди остальных.

Нацмен взмолился.

— Извини, брат, я не знал, что ты Баха, извини.

— Короче так, орелики, кто рыпнется, отвечаю — ночью порву очко. Я как пасматрю ваша хата беспредельная. Завтра цинкану на галлерею, подробно расскажу кто из вас беспредельщик. Ну вы меня достали, — не мог успокоиться Семенов.

Все знали: в тюрьме и в зоне насколько много беспредела, настолько жестоко и мгновенно он наказывается.

Баха занял место нацмена, а тот, с разрешения того же Бахи, занял верхнюю шконку.

Разговаривать не хотелось. Вокруг находились сосунки с напряженно заискивающими лицами.

Зоны и тюрьмы Баха Семенов абсолютно не боялся. За проволокой у него много друзей, да и здесь на “Крестах”, если поискать, есть братва, с которой вместе парились.

В Дзержинске ему довелось целых три года просидеть вместе с Йозефом Кацом, человеком-легендой, который был известен в узких кругах намного больше, чем какой-то там Солоник.

“Бронированный”, как окрестили Каца в Дзержинске, был действительно уникален.

Сирота, воспитанник монгольских пастухов, он долгое время жил на Тибете. Чуть-ли не с семи лет проходил школу монаха и бойца в Китае.

Начальник колонии города Дзержинска, как и весь руководящий состав, уважали этого человека. Совершенно голый, в бревенчатом сарае, специально отведенном ему “хозяйном”, он по десять часов без передышки тренировал свое тело. Впрочем, телом нагромождение “железных” узлов было назвать сложно. Его фигура напоминала с головы до ног панцырь средневекового рыцаря. Он и ходил как-то набок, словно орангутанг или загадочный кибер.

Огромный “снаряд”, который Кац молотил ногами и руками, очень часто срывался с железного крюка, к которому был на цепи подвешен. После двух часов непрерывной работы с десятикилограммовыми гантелями, руки Йозефа превращались в толстые кривые бревна, покрытые кроваво-голубыми венами.

За что сидел Йозеф Кац, не знал никто. Иногда из Санкт-Петербурга и Москвы приезжали таинственные посетители, которые проводили с осужденным по много часов кряду.

Баха понравился Йозефу, и тот три года сумел быть рядом с этим человеком.

Ежедневные тренировки под руководством такого учителя принесли плоды. Баха легко вырубал десять и более противников. За год до освобождения Бахи Йозефа выкупили какие-то черные люди и он, по слухам, отправился боевым инструктором в одну из стран СНГ.

Утром Баха проснулся с той же назойливой мыслью: “По чьей вине его взяли на хатементы?” Следователь явно знает о картине, но, не имея малейшей зацепки, ограничивается намеками. Статью шьют самую банальную, и, в принципе, уже не состоятельную — “нарушение паспортного режима”. Статья сует до пяти лет, но, говорят, у президента на столе уже лежит законопроект нового кодекса, который он не сегодня-завтра подпишет. Как бы там ни было, больше года сидеть не придется. “А как же быть с картиной?” — пронзила мысль. — Про тайник никто не знает, но дом аварийный. Если снесут — пропали двести тысяч баксов”.

Есть не хотелось. До обеда Баха лежал на шконке и размышлял кто из сидящих в камере смог бы ему помочь.

После обеда “черные”, а их было трое, попытались восстановить подорванную власть. Ингуш Канатов о чем-то долго шептался со своими друзьями Рамазановым и Нигматулиным.

— Давай, земляк, ближе познакомимся. Меня звать Артур Канатов, а это мои кенты — Самир Рамазанов и Руслан Нигматулин.

— Ну и дальше что, — нехотя ответил новенький. — Меня звать Баха, вы уже знаете.

— А где ты жил, земляк?

— Везде понемногу, — улыбнулся Баха. — Короче, бродил по белому свету.

— Так ты не с Питера, — заносчиво бросил Артур. — А бабки у тебя на лицевом есть?

— Я же тебе сказал, что я бродяга. Откуда у бродяги деньги?

Ингуш не уловил в его словах иронии.

— У тебя, наверное, и прописки нет? Если нет прописки, значит бомж. Для бомжей в “Крестах” отдельные хаты. Просись туда.

Азербайджанец и татарин заржали.

Баха вскочил с шконки, выбросил руки, словно на брусках сделал мах. Мгновение — и голова Артура оказалась зажатой между его ног. Еще мгновение, и Артур, не выходя из штопора, врезался головой в бетонный пол. Татарина Баха стащил с нижней шконки и ударил лбом в переносицу.

— Ну, суки, молитесь Аллаху! Сейчас я вас кончу, — процедил Баха.

Крик Рамазанова разрядил атмосферу, и через секунду вызвал в камере взрыв смеха.

Рамазанов натянул на голову одеяло и завопил.

— Не убивай! Я не мусульманин!.. Я горный еврей! Не убивай, я не мусульманин! Я горный еврей!

— Причем здесь твоя вера и твой бог, дурной ты ишак, — презрительно сказал Баха. — За беспредел нужно убивать и на воле и в тюрьме.

Через два дня следователь Илья Семерик все же решился. От сознания того, что ему предстоит добиваться признания у такого человека, ему становилось страшно. Но ходить кругами уже не имело смысла.

Семенов, после каждого выкрутаса в сторону украденного неизвестного полотна Айвазовского “Штиль у берегов Ямайки”, улыбался и говорил:

— Из работ художников-маринистов я припоминаю только одну картину “Бой в Крыму, все в дыму, ни хрена не видно”.

Но сегодня Семерик пошел напролом.

— В свое время вы отсидели пять лет за контрабанду предметами искусств. Год тому назад вы предлагали директору фирмы “Витязь”, некоему Геннадию Лебедеву, ранее украденное из запасников Оружейной палаты в Москве полотно Айвазовского “Штиль у берегов Ямайки”. Даю вам слово, Семенов, если расскажете, где полотно — завтра будете на свободе. Если откажетесь — семь лет я вам обещаю.

Лицо подследственного осталось равнодушным и скучным.

— Не сегодня-завтра войдет в силу новый кодекс. Наконец отменят вашу козлиную статью за нарушение паспортного режима. Ты меня понял, сопляк, — в упор посмотрел на молодого следователя. — И еще вот что, — продолжил он. — Времена, дорогой, изменились. В следующий раз без адвоката не приходи.

«ТИШИНСКИЙ» РЫНОК

— А Москва здорово изменилась — сказал Константин Василию. — Посмотри на эти супермаркеты, на одежду и лица людей.

Прежний оптимизм Василия с потерей глаза исчез. В словах звучали сарказм, ирония и горечь.

— Да куда там! В этой стране никогда ничего не изменится. Просто витрины лучше вымыты, мы же, как были, так и остались здесь чужими.

Константин промолчал. К плохому настроению Василия он уже привык. Но о разлуке не могло быть и речи. Мало того, зная о проделках как американской так и вездесущей русской мафии, свое наследство по завещанию Харасанов оставлял Василию Коваленко.

Заполучить картину Бялковского “Революция на Земле глазами марсиан” стало его навязчивой идеей. Даже исходя из цветного снимка, сделанного неизвестным фотографом, он понял, что полотно — шедевр. Сначала Харасанов хотел показать снимок Францу, но потом понял, что подобное было бы ударом ниже пояса. “Опять обрекать счастливого человека на моральные мучения. Это подло, — рассудил Харасанов. — Но как разыскать полотно?!”

Перебирая сотни вариантов поиска, Константин неожиданно вспомнил, что старый петербургский прокурор Артур Джавахишвили неоднократно выступал обвинителем по делам расхитителей художественных ценностей, контрабандистов, переправляющих эти самые ценности за рубеж. Необходимо было показать Артуру снимки полотна, навести справки о таинственных московских аукционах. Василий решение Харасанова принял скептически.

— Ты не успокоишься, пока твой прокурор нас не сдаст. Видать, соскучился за цириками¹?

— Если хочешь, оставайся в Москве. Я же сегодня в двенадцать ночи поеду на Питер.

Василий неожиданно разозлился.

— Кончай, Костя, гнать пургу. Ты прекрасно знаешь, что один здесь я не останусь. А если отшиваешь меня из-за денег, доли с картины мне не нада!

Эти неожиданные вспышки гнева, дух противоречия раздражали Харасанова все больше и больше. Но Харасанов ловил себя на том, что его злость, достигнув апогея, исчезала. На смену приходила жалость отца к сыну, покалеченному судьбой.

— И все же, Василий, я настаиваю. Тебе необходимо обследоваться у академика Обнорского. Он один из лучших учеников Федорова. Как ни странно, он не желает эмигрировать в Америку...

Василий перебил Харасанова.

— Опять ты за свое. Мы ведь договорились не затрагивать эту тему.

— Плевать, что договорились. Вчера я был у Обнорского, показывал заключение нью-йоркских офтальмологов.

— Ну и что?

— Операция возможна и он берется ее сделать.

— Небось, хочет сдрючить миллион, чтоб послать сына или дочку в Оксфорд.

— Думаю, ты не прав. Он офтальмолог от Бога, да и детей у него нет.

— Тогда есть сыкса - любовница или куча алчных родственников.

На этот раз вспылел Харасанов:

— Замолчи, Василий! Ты, кажется, приехал из Нью-Йорка, а не из Куу-Чека. Он а-ка-демик! Делает блестящую карьеру. О нем говорит весь мир.

Василий замкнулся.

— Ладно, там будет видно. Ты как знаешь, а я прогуляюсь по Москве.

* * *

Тишинский рынок пестрел разношерстной толпой. Убогий товар, предлагаемый стариками и старушками, перемежался с вещами, стоившими больших денег.

Этот рынок, известный как самый дешевый в Москве, был известен тем, что здесь можно было купить вещь “тепленькую”, только что украденную или подпольно привезенную из-за бугра.

Пиратский вид Василия здешнюю публику не отпугивал, наоборот, призывал к общению. Василий долго присматривался и наконец выискал людей, которых можно было не опасаться. Испещренные монастырями и перстнями руки говорили сами за себя.

— Мужики, нужен ствол! Плачу баксами по большому счету.

Парни засуетились, куда-то исчезли. Но вскоре на арене появилась старая кикимора, одетая по моде 20-х годов.

— Ты, милоч, интересовался насадкой с цыплятами? — сиплым голосом в полтона спросила она. — А поточнее, чего бы ты хотел?

— Давай что-то заморское... Берету, например, или, на худой конец, тэтэшник.

— Берета дорого стоит. Не потянешь.

— Мать, не гони дуру! Говори сколько, и дело с концом.

— Ладно, милоч. Берета тянет на семьсот долларов, а за тэтэшник нужно пятьсот.

— Годится, показывай одно и другое.

На дне сумки лежали пистолеты — новенькая “беретта” и в хорошем состоянии ТТ.

— А где патроны?

— Под газетами, в целлофановом мешке.

— Ладно, мать, пересчитывай бабки, и разбежались.

Покупка Харасанова явно расстроила.

— Вот и криминал приехал. Зачем ты купил эти игрушки?

Василий резким ударом ладони толкнул Харасанова в плечо.

— Костя, очнись! Мы едем в Питер по криминальным делам. Не иметь оружия в таком городе, практически приравнивается к самоубийству. Если нам суждена удача, так и будет. Если обложат менты — предупреждаю, лично я застрелюсь. Садиться в тюрьму, да еще наполовину слепым — я не намерен.

От его слов руки и лоб Харасанова покрыла испарина. Ему страшно захотелось отменить намеченное, бросить все и немедленно уехать в Америку. Но какая-то неведомая сила парализовала мозг, свела челюсти и язык. Он молчал.

ЛЮДИ ДОБРОЙ ВОЛИ

Надежда Нестеровна Гонтарь, директор Жмеринского отделения “Проминвестбанка”, сдержала слово.

— Вам определенно везет, девушка. Будете учиться, но не в Киеве, а рядом с домом. В Виннице открылся двухгодичный колледж по подготовке банковских работников. Учеба платная. Мы, безусловно, не могли руководствоваться только вашими словами о ваших математических способностях. Я позволила себе сделать запрос директору вашей школы в Караганду. Ответ впечатляет. Первые места на многочисленных олимпиадах, успехи в школе. Почему вы не стали учиться дальше?

Наташа смутилась. Франц пришел на помощь.

— Семейные обстоятельства. Болезнь родителей.

— А вы, молодой человек, собственно кем приходитесь Наталье Георгиевне?.. Опекуном, мужем, адвокатом?

Франц опешил и густо покраснел. Ироническая улыбка не сходила с лица Надежды Нестеровны.

— Жених. Этот ответ вас устроит? — буркнул он.

— Вполне устроит, — рассмеялась женщина. — Но, простите, мне хочется дать вам один совет. Не тяните с женитьбой. У вас в руках драгоценный алмаз, который вы должны превратить в сверкающий бриллиант.

— Банально, — опять сердито бросил Франц.

— Не злитесь, Франц. Как банкир вам скажу, что подобную миссию в наше время с удовольствием согласятся возложить на себя десяток богатых людей на Украине.

Они вышли на улицу. С одной стороны слова этой женщины Франца раздражали, с другой — наполняли гордостью: “Рядом с ним, рука об руку идет девушка необычной красоты”.

Направление Наташи в Винницкий колледж сбросило с Франца огромный груз. Мысль о том, что ей придется учиться в Киеве, давно не давала покоя. Винница была рядом. Между областным городом и районным центром курсировали многочисленные электропоезда. Но уже через неделю Франц заметил, что ежедневные поездки Наташу сильно утомляют. Посадки в электричку, особенно из Винницы, напоминали увиденные в старых фильмах вокзальные сцены времен гражданской войны.

— Хватит! — в один прекрасный день заявил Франц. — Ты учишься, мне в Виннице предстоит большая работа. Завтра едем вместе и покупаем квартиру.

Времена, когда покупка благоустроенной квартиры была возможна только через вступление в кооператив, давно прошли. Через пять дней Франц и Наташа поселились в прекрасном, зеленом районе на проспекте Юности.

Занятия в колледже заканчивались в 15.00. После совместного обеда они ежедневно отправлялись на прогулки, цель которых сводилась к тщательному знакомству с городом.

Через месяц Франц уже знал наиболее красивые места, с точки зрения художника, этого чудесного зеленого города.

Древняя, спокойная река Буг делала Винницу особенно привлекательной. Поросшие буйной зеленью берега, тихое течение чем-то напоминали Францу не менее привлекательную реку в России под названием Волхов. Вспомнилась дивная история путешествия легендарного Садко, которое начиналось с реки Волхов.

На центральном рынке города Франц и Наташа во второй раз встретили старого знакомого Франца доктора Игоря Матковского.

— Мир тесен, Игорек. Кажется, ты нам расскажешь что-то интересное.

В руках Матковского они увидели пачку брошюр, которые тот раздавал всем желающим.

— А я о тебе ежедневно вспоминал, — искренне обрадовался Матковский. — Ты мне очень нужен.

— По каким делам?.. Неужели так достает СПИД?

Матковский укоризненно на него посмотрел.

— Франц, ты, кажется, верующий человек. Очень тебя прошу, не иронизируй по этому поводу. От СПИДа в данное время, здесь, в самой Виннице, никто не застрахован. Люди почему-то считают, что СПИД — это только сексуальные извращения. Говорю тебе как врач-инфекционист: есть множество способов заражения СПИДом бытовым путем. Порой меня удивляет самоуверенность некоторых известных бизнесменов в нашем городе. Эти люди жалеют выделить нашему фонду одну-две тысячи на шприцы, но когда оказываются ВИЧ-инфицированными их сын или дочь, начинают понимать, что все мы ходим под Богом.

— Извини, Игорь, я не пытался иронизировать, просто глупо бравировал.

Матковский внимательно на него посмотрел.

— Где ты был?.. Я звонил в Жмеринку много раз.

— Мы с Натальей ездили в Киев. Мать почти не ходит, кто мог ответить?

— Тогда все ясно. Честно говоря, я подумал, что вы покинули Украину. Так теперь поступает большинство. Одни уезжают в дальнее зарубежье, другие ищут лучшей доли в странах бывшего Союза.

— Ну и как, с твоей точки зрения, находят?

— Читай, Франц, газеты. В каждом номере любой газеты можно прочитать как наших работяг намахивают наши бывшие братья. Отнимают заработанные деньги, продают в рабство, нанимают по принципу самопала, затем элементарно лишают жизни.

— Все это я знаю, — сказал Франц. — Ты мне поведай первопричину подобного явления.

— Она банальна и стара, как мир. Наш брат-украинец трудолюбив, но безграмотен и неразборчив в средствах. Еще фантастически склонен к воровству. Еще культивирует национализм, а сам готов пойти в услужение к самому дьяволу. Люди потеряли веру и самоуважение, вполне достойны своих правителей.

— Думаю, ты, Игорь, преувеличиваешь. Среди каждой нации есть уроды. Слово “Украина” походит от слова “окраина”. Наш народ терзало множество иноземных тиранов. Но свое лицо, свою самобытность он все же не потерял. Одни из великих властелинов — время — расставит все на свои места.

Игорь скептически посмотрел на Франца.

— Пока время решит эту проблему, СПИД нас доконает. Он пришел к нам и становится бичом более страшным, чем в прошлом холера, чума, оспа. Знаешь, почему я тебя разыскивал?

— Догадываюсь. Хотел предложить поучаствовать в благотворительных акциях фонда. Я угадал?

— Зачем поучаствовать? Вступайте со своей девушкой в фонд. Работа благородная, и ее непочатый край.

Согласится сразу Франц не мог. Он хорошо помнил заповедь библейского царя Соломона: “Во всем сомневайся”.

Угадав его мысли, Матковский сказал:

— Сомневаться не приходится. Специальной литературы по этому вопросу предостаточно. Послушайте прямо сейчас новую лекцию о географии распространения СПИДа на территории Винницы и Винницкой области.

Винницкая область расположена в Центральной части Украины с населением 1,8 млн. человек, из которых восемьдесят процентов занято в аграрном секторе экономики (проживает в сельской местности), в которых высокий уровень ВИЧ-инфицированности. В силу географического положения по территории области проходят крупные железнодорожные и автомобильные магистрали. Эпидемия ВИЧ-инфекции (СПИДа) в области началась в 1996 году и охватила все районы области, город Винницу, Жмеринское и Казатинское отделения Юго-Западной железной дороги, подразделения Государственного департамента по исполнению наказаний, воинские части Министерства обороны. 75% от всех ВИЧ-инфицированных — это сельское население.

Основным путем передачи инфекции является инъекционный при употреблении наркотиков, на его долю приходится до 80% зараженных, на втором месте — половой путь (его доля постоянно увеличивается).

В области растет наркотизация населения. В 2000 году количество официально зарегистрированных потребителей наркотиков увеличилось по сравнению с 1999 годом на 22% и составило 873 человека (неучтенных или “уличных” наркозависимых на порядок выше). Об угрозе генофонду свидетельствует факт увеличения ВИЧ-позитивных беременных и рождения от них зараженных детей. Таких детей в области родилось тридцать, в том числе пять за три месяца 2001 года.

Основным путем выявления инфицированных является лабораторное обследование различных контингентов населения на ВИЧ (доноров крови, беременных, контингентов

риска). Ежегодно в области обследуется 60—70 тысяч человек, а это лишь половина от необходимого количества. На остальные обследования не хватает финансовых средств.

Количество ВИЧ-инфицированных непрерывно растет. Приведу конкретные цифры. Наибольшее количество ВИЧ-инфицированных к 2011 году в Гайсинском (37 человек), Томашпольском (18 человек), Тульчинском (20 человек) районах; в городе Виннице (61 человек), в Ладыжине (21 человек). За три месяца этого года выявлено 26 новых ВИЧ-инфицированных, в то время, когда за аналогичный период прошлого года их было 18. Увеличение заболеваемости возросло на 44%.

Итак, подумайте, что с нами будет, если не мобилизовать все силы на борьбу со СПИДом, — завершил лекцию Игорь Матковский.

Комментарий автора: Нине при содействии властей в Виннице работает ЦЕНТР РЕАБИЛИТАЦИИ ВИЧ ИНФИЦИРОВАННЫХ ГРАЖДАН. Где начальником работает неоднократно упоминаемый в книге Игорь Анатольевич Матковский.

ЕСТЬ ОДИН МУЖИЧЕК

И все же бывший прокурор Артур Джавахишвили, несмотря на пенсионный возраст, боялся! “Метод”, по которому он при коммунистах “выписывал командировки”, был ускоренным, и оттуда, как правило, не возвращались.

Сквозь глазок в бронированной двери Артур увидел искаженное оптикой лицо, которое пересекала черная повязка.

“Сначала черная повязка, затем черная метка”, — пришла в голову идиотская мысль.

— Вам ш-шего надо?.. — прошамкал Джавахишвили, совершенно не будучи уверенным, что его услышат.

Но в отличие от зрения, слух у гостя был отличный.

— Открывай, пахан, к тебе пожаловали старые знакомые.

Лицо второго было ему хорошо знакомо. Бывший прокурор несколько успокоился.

Тяжелая дверь открылась.

— Целоваться не будем, — отстранил его Харасанов. — Приготовь ванную и перекусить. Мы к тебе буквально на два часа.

Артур засуетился. Через двадцать минут все было готово.

Они приняли ванную, уселись за стол.

— Хвалю, грузин. Ты остался хлебосолом, значит национальные черты своего народа — гостеприимство, искренность и желание помочь ближнему остались при тебе.

Василий едва не рассмеялся. Тирада была наивной, высокопарной, но преследовала определенную цель.

— Ч- что вы хотели? — запинаясь выдавил прокурор.

— Ну, во-первых, хотели дать пятьсот долларов твоим внукам на сладости, во-вторых получить от тебя полезную для нас информацию.

— Но, Костя, ты же знаешь...

— Знаю, наш Артур Джавахишвили нынче не у дел. Но и то, что мы хотим узнать — “преданье старины глубокой”. Расскажи, что ты знаешь о таинственных, глубоко засекреченных московских аукционах, где уходили с молотка произведения искусства?

— Но их давно не существует...

— Вот именно!.. Тем не менее, эта информация нам очень нужна.

Бывший прокурор задумался. Пальцы руки как-то странно стали терзать нос, массировать по всей длине. Создавалось впечатление, что хозяин желает нос удлинить совершенно неизвестным профессору Елизарову методом.

Харасанов скрипнул зубами. Шизофренические жесты бывшего прокурора его раздражали.

— Кончай, Артур, дуру гнать!.. Сирано из тебя все равно не получится, поверь мне. Дорогой, что касается благородства, — ты никогда им не отличался, его у тебя не больше, чем у сталинского исполнителя.

Джавахишвили встрепенулся.

— С кем ты меня сравниваешь, я людей не убивал.

— Убивали другие с твоей легкой руки. Короче, выкладывай хоть что-то, — сказал Харасанов ледяным голосом.

Взгляд Артура Джавахишвили встретился со взглядом единственного глаза Василия Коваленко, и его охватил панический страх. Казалось, в расширенной зенице тлеет огонь, который вот-вот его испепелит.

— Лет восемь тому назад, до пенсии, я был обвинителем на процессе некоего скупщика краденых произведений искусств Бориса Семенова. Этот человек перекупал ворованные картины и удачно сплавлял за границу. Так вот, этот самый Борис, по кличке Баха, купил картину Айвазовского, представленную на московский аукцион, но украденную при загадочных обстоятельствах.

Баха сел решетку, но картину не отдал. Затем он вышел по амнистии, но через год опять попался. На этот раз он переправлял в США картину мариниста, купленную у какого-то казахстанского делка, имевшего отношение к засекреченным московским аукционам. В общем, разыщите Баху, он вас выведет на интересующий предмет.

— Вот, ты, дорогой, нам и поможешь его разыскать. Думаю, нет, уверен, у тебя есть доступ к ментовским компьютерам, — с каким-то наслаждением выговорил слово “ментовским” Харасанов.

Василий улыбнулся и сказал:

— Менты они такие!.. У них досье на всех имеется.

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ СЧАСТЬЕ ?

-Что такое счастье?... Для одних оно заключается в собственном здоровье. Для других в здоровье близких. Для третьих в упоенном сексе. Для четвертых — в служении Богу. Интересно в чем оно заключается для тебя, Нина? - спросил большеглазую буфетчицу молоденький офицер Дима Никифоров.

Нина улыбнулась лукаво? но ответила фразой абсолютно понятной большинству людей.

- Объедини все эти понятия в одно, получится большая, земная любовь.

Юрий Изотов, майор, в компании с которым явился Никифоров Дима, хлопнул ладонью по прилавку буфетной стойки и по военному рявкнул:

- Какая там любовь!!! Давай возьмем водки, закуски хорошей и гульнем, как следует! Жизнь она очень хорошая штука, но очень коротка.

За этими словами последовали и водка, и хорошая закуска, но, ожидаемого бравым майором разгула, увы. Тем не менее, постороннему, трезвому человеку, можно было бы заметить, что между молоденьким лейтенантом Димой Никифоровым и уже опытной в жизни и любви красавицей Ниной установился тайный, пока только душевный, контакт. Последующая их встреча состоялась в respectable квартире Нины один на один. Военные, народ простой и добродушный. Но недаром существует народная пословица “простота хуже воровства”. Нине Вертепной, по прозвищу Золотоножка, не нравилось подобное качество в суровой, подлой, жизни. И на конкретное предложение офицера Димы Никифорова выйти за него замуж, последовал ответ:

- Разведись, дорогой, сначала с армией — затем сойдемся с тобой. Ошарашенный ее ответом, лейтенант выдохнул:

- Н-н-не понял... во все времена бабы были от военных без ума!

- Думаю, ты преувеличиваешь, — ответила Нина. - У военных много плюсов, но еще больше минусов. Возьмем, к примеру, даже такую заповедь как “не убий”. А ведь военные рано или поздно “играют” в войну, а это неминуемые смерти. Дальше, возьмем второе религиозное понятие: “за грехи родителей страдают дети”... Вот и получается, что после нарушения заповеди “не убий” за человеком тянется длинный, нескончаемый шлейф грехов. Умная женщина не захочет калечить свое потомство.

Такой расклад был для лейтенанта Никифорова в диковинку. Уроженец Екатеринбургской области, выходец из вполне обеспеченной семьи, он не особенно вникал в религиозные каноны. Его мать — заведующая городским финотделом отец — главный лесничий огромного района не то чтобы были атеистами, а просто желали своего сына видеть только блестящим офицером. Так и получилось. Сначала Дима заканчивает с отличием Суворовское училище, затем еще одно военное образование и начало блестящей карьеры. Вскоре Дима Никифоров — адъютант генерала в Житомире, затем — перевод в Жмеринку, продолжение военной карьеры. Он долго молчал затем произнес:

- Необходимо хорошенько подумать, Нинуля, — ответил он женщине. - Страшновато вот так разрушать то, о чем мечталось с малых лет.

Ее хладнокровие и понимание ситуации не переставало его удивлять. На его слова она ответила:

- Советская власть долго строилась, но разрушилась на глазах. Ее лидеры, кстати, не чета тебе, сообразили что к чему — и сейчас крутые бизнесмены. Думай быстрее, иначе “отстанешь” от поезда и пропадешь.

В душе Нина понимала, что решиться порвать с армией Диме Никифорову действительно не просто. Наверное, мало таких примеров, когда бывший суворовец, по замыслу родителей и по собственному решению, готовящийся стать кадровым военным, вот так просто отказался от военной карьеры. В замешательстве Дима ушел. Прошло время. Дима то исчезал, то появлялся, был молчалив и часто подавлен. Но Нина Золотоножка знала, что она права и была убеждена - молодой человек тоже поймет, что время диктует новые подходы к жизни.

Но, Господи, что же все-таки делает с нами жизнь!!? Проходит еще несколько месяцев моральной ломки, и бывший суворовец, адъютант житомирского генерала, становится студентом-заочником строительного института и одновременно работает простым слесарем на Жмеринском газовом хозяйстве. Вот они превратности судьбы... Бывший адъютант генерала — слесарь у директора Игоря Лошкевича. И кто его знает: смирил бы гордыню

Дима Никифоров, не будь у него опытной, теперь уже законной, жены Нины Никифоровой со странным и дразнящим прозвищем Золотоножка. Вот так поверила Нина Золотоножка бывшему офицеру, сумела его убедить и вышла за него замуж. И теперь, анализируя прожитую совместную жизнь, она находит, что претензий к пройденному ими их совместному пути у нее нет. Вышла она вторично замуж по любви, да и бывший офицер Дима Никифоров, сделавший на ее глазах и при ее помощи карьеру, ныне директор газового хозяйства, женился по любви.

СВОБОДА ГДЕ ТЫ?

План Гатчинской усадьбы они рисовали шариковой ручкой на куске простыни. Подобное занятие в тюрьмах встречается на каждом шагу и особенного внимания к себе не привлекает. На таких “полотнах” иногда возникают настоящие шедевры, которые, будь моя воля, экспонировались бы на престижных выставках, поскольку создаются они людьми, которые в момент творческого взлета определенно находятся в других, неземных мирах. Эти мученики, как никто другой, вкладывают в свое творчество душу, а в неволе она чище алмаза и звонче серебряной струны. Но, к сожалению, эти маленькие шедевры расходятся за бесценок, исчезают в сундуках людей, которые их показывают по пьянке убогому зрителю, а затем умирают не востребованными. Но сейчас рисунок больше напоминал геометрический ребус, который непросто разгадать.

- Смотри, Золотоножка, - шепчет Мери, - возле колодца огромный чан для дождевой воды. Он ржавый, старый, никому еще 100 лет не будет нужен. Если влезть в чан и поднять прохудившееся дно, откроется тайник. Картины в целлофановых мешках. Там в мешке есть кое что другое, не вздумай даже прикасаться, не то что разворачивать.

- Что именно? - спросила Золотоножка. - Говори до конца, не люблю покупать kota в мешке.

Мери заинтересованно на нее посмотрела.

- Там мужские игрушки, они тебе не понадобятся.

- Что именно? Говори, не тяни!

- Два «Калаша» и два пистолета системы “Глок”.

- Не понимаю, зачем твоему брату понадобилось оружие, - сказала Нина, - ведь, насколько я поняла, он вор, а не бандит.

Мери согласно кивнула головой...

- Оно то так, но не забывай, что мы жили в Санкт-Петербурге. Там носят оружие даже студенты торгово-экономического техникума. Оружие у нас неотъемлемая часть каждого нормального мужчины.

- А может ненормального, - пошутила Золотоножка. - Ведь это срок и немалый.

- Ты не права, Нина, -ответила Мери. - Человек должен иметь, чем защищаться. Однажды нас с братом бандиты вывезли на машине за город. С Бахи захотели получить деньги за просто так. К нашим головам приставили стволы. Я тогда карате не владела. Еще минута и нас бы пришили. Они не подозревали, что у барыги может быть ствол. Баха на резинке в рукаве приладил “тетешник”, как в одном американском фильме. Он шлепнул их почти в упор. Мы свалили да еще и унесли 10 штук зелени. А ты говоришь “ненормального”. Риск благородное дело. Недаром люди по этому поводу придумали поговорку.

- Может ты и права, - сказала Нина, -просто у нас на Украине бандитизм не на таком уровне как в России, тем более в Санкт-Петербурге. У нас мочат больше кухонными ножами и бутылками из-под водки.

Они рассмеялись. Смех женщин прервал скрип открываемой двери.

- Принимайте новеньких, девахи, — крикнул прапорщик и железная дверь закрылась.

В камере остались два типажа, определить пол которых для нормального человека было бы весьма проблематично.

Первая из двоих “женщин” напоминала злобного орангутанга, который вот-вот начнет рвать окружающих на куски. Вторая особа, плоскогрудая, мускулистая в мужской майке и ватных штанах, улыбалась гнусной улыбкой, которые бывают только у зэчек, с рождения не видевших свободы. Плоскогрудая не заставила себя долго ждать.

- Чего, хахлухи, уставились... на нас картинки не висят, - процедила она. - Лучше мне и моему мужику подгоните место. Вон то, - указала на койку Золотоножки.

Подобного никто в камере не ожидал. Эти двое были из мира, который где-то существовал... вернее, существовали его отголоски, а сам он уже умер.

- Мы из Коксуна, слышали про такую зону в северном Казахстане? - продолжала плоскогрудая. - На свободе последний раз были еще по малолетке.

Нина прикинула возраст этих человекоподобных существ и определила, что каждой приблизительно по 40 лет. События принимали неожиданный даже для этих условий оборот.

Мери до боли сжала ее запястье и шепнула на ухо.

- Я слышала про эту зону. Там фактически бессрочка и полнейший беспредел. Сейчас начнется резня. У них точно есть супинаторы.

- Инга перед уходом задарила мне заточку, - наклонилась к ее уху Золотоножка.- Но я ударить ножом вряд ли смогу.

Мери заметно оживилась.

- Без этого н обойтись, подруга, они сильные. На этом пространстве их сразу не вырубить. Давай заточку мне.

Пока плоскогрудая что-то говорила про Коксун, Нина развязала свой мешок и, со словами “давай, Мери, заварим”, принялась рыться в вещах.

Плоскогрудая нагло ослабилась, показывая ряд рандолевых зубов.

- Я как посмотрю, кешер¹ у тебя полный кишками², они нам с Маратом подойдут. Правда, Маратик?

1 — вещевого мешок (блатной жаргон в казахстанских тюрьмах)

2 — вещи (блатной жаргон)

Женщина-орангутанг полезла куда-то под фуфайку и все в камере увидели короткий стальной клинок. Все у этих двоих было отработано до мелочей. В тот же момент плоскогрудая из ватных штанов выхватила такую же полоску отточенной стали.

- Все кешеры развязать и палажить сюда, - плоскогрудая указала на место возле умывальника. - Кишки мы будем выбирать сами.

Такой наглости никто в камере не ожидал. Но страх брал свое. Одна из женщин покорно принесла свой мешок. -

-Давай, давай, хахлушки, не телитесь, - хмыкнула плоскогрудая и принялась рыться в вещах.

Заточка уже была у Мери в рукаве. Покорно склонив голову, она взяла мешок Золотоножки и подошла к насильникам. Вещи одна за одной падали в угол, а когда очередь дошла до шелковой комбинации розового цвета, зечки, словно полинезийские аборигены, не поверили своим глазам.

- Савсем х-х-хрл оборзели, - впервые прохрипела женщина-орангутанг, — как в американских фильмах ходют.

Они продолжали щупать комок эластичной материи, и это для них оказалось роковым.

Со всей силы Мери ударила плоскогрудую заточкой в кулак, где был зажат супинатор, а левой нанесла сокрушительный удар в переносицу. Но и “орангутанг” оказалась проворной. Резкий взмах супинатора — и одна из женщин упала на цемент с перерезанным горлом.

Вторая женщина, которая по старому, испытанному методу бросилась на “орангутанга” с верхнего яруса, получила удар ножом в живот.

- Режь их блядей, Марат, р-р-режь! - раздался истерический крик плоскогрудой, которая уже пришла в себя и силилась подняться.

Ситуация была критической. Эти двое любили убивать и умели это делать. Вот, несмотря на порезанную руку, плоскогрудая нанесла левой, неповрежденной, рукой удар самодельным ножом очередной жертве.

И тогда в камере раздался крик Лошадки:

- Урою, суки, у-у-у-рою!!! Вали их, Мери, я тебе помогу!!!

В руке у Лошадки сверкал длинный, отточенный штырь, которого раньше никто из женщин не видел. Она налетела на “орангутанга” и, несмотря на удар супинатором в живот, в свою очередь ударила ту штырем в горло. С одной из насильниц было покончено. Но плоскогрудая так просто не хотела сдаваться. Когда Мери обхватила рукой ее шею и стала “закрывать английский замок”, она в слепую ударила женщину ножом. Супинатор вошел в бок по самую рукоятку. Мери сделала последнее усилие, защелкнула “замок”. Раздался хруст шейных позвонков. Но и сама Мери была уже не жилец на этом свете. Из ее рта хлынула кровь, глаза потускнели.

- Прощай, Золотоножка, найди моего брата и расскажи ему...

Когда прапорщики в сопровождении солдат открыли камеру, Мери была мертва. На память от Мери у Золотоножки остался кусок простыни с планом загородной усадьбы под Гатчиной и обязательство разыскать ее брата. Но до конца ее срока еще было ой как далеко.

« ЗА НЕ ДОНЕСЕНИЕ ВЛАСТЯМ»

Следователь Илья Семерик пребывал в смятении: “Чего от него хочет заслуженный работник юстиции, бывший генеральный прокурор Грузии, а затем Санкт-Петербурга?”

Они встретились в кафе на Невском. Имена и фамилии, которые упоминал в разговоре бывший прокурор, приводили в трепет. Абсолютно все самые крупные люди из силовых структур города были друзьями этого хищного, сухопарого грузина. Конец его речи был несколько расплывчат, но сулил молодому следователю блестящую карьеру.

— То, что вы ищете, вы вряд-ли найдете, — тихо сказал старичок. — Но кое-что можете найти. Этим делом вскоре будет заниматься Тит Денисович, — он назвал пост и фамилию человека, от которой у Семерика перехватило дыхание. — Этот человек позаботится о вашем

продвижении. Для страховки я о вас доложу, как о прекрасном работнике также этим людям, — опять посыпались фамилии, в величии которых Илья Семерик нисколько не сомневался. — В общем, оформляйте статью о недонесении властям, и выгоняйте Семенова на свободу. Если я не ошибаюсь, шесть месяцев в “Крестах” он уже отсидел?

Семерик утвердительно кивнул головой. Правда, он не совсем понял слов Джавахишвили “за недонесение властям”. “Недонесение чего и кому?” — пронеслось в голове. Видимо, для старого прокурора эта статья и формулировка были чем-то родным, применимым запросто на все случаи жизни.

— Эта статья сюда не подходит, — заискивающим голосом сказал он. — Уж если отпускать, так за отсутствием доказательств.

Старому служаке эти слова явно не понравились.

— Как нет доказательств?.. Есть человек и нет доказательств?

Затем он что-то вспомнил и осекся.

— Хрен с ним!.. Пусть будет за отсутствием доказательств. В общем, лейтенант Семерик, это я вам говорю, заказывайте себе новый мундир и новые погоны. Артур Джавахишвили слов на ветер не бросает.

Практически дело было сделано. Такой прыти от старика Константин и Василий не ожидали. Харасанов пошутил:

— Рановато ты, Артур, ушел на пенсию. Просись обратно — Шеварднадзе запросто поможет вернуться на пост генерального. Он ведь из бывших, но форму и чины не растерял.

Артур чего-то испугался, сник.

— Я што, я ради ваш штарался, — поразил Василия и Константина мгновенной переменной.

— Ох, до чего вы боитесь за свою жопу, — неожиданно разозлился Константин. — Аж повизгиваете, так хотите в тепле дожить старость. А представь тех голодных, холодных, раздетых и замученных по многотысячным гулагам страны. Ведь ты и тебе подобные их туда загоняли за любую мелочь.

Джавахишвили смиренно молчал, склонив голову к правому плечу.

— Время, Костик, было такое.

ДЕНЬГИ ИДУТ К ДЕНЬГАМ

Поселок Джетыгара остался позади. Изредка вдали мерцали тусклые огоньки неизвестных населенных пунктов.

В темноте показались темные силуэты неизвестного происхождения. “Что это? — немного разволновался Космаков. — Чего доброго, нарвусь на банду”.

Казахское кладбище спало вечным сном. Пашка спрятал тачанку за земляную горку холма и примостился вздремнуть. Уже засыпая, он услышал непонятный шум. Космаков вытащил из деревянной кобуры тяжелый кольт и направился к источнику шума.

Внушительных размеров могила, принадлежавшая, по-видимому, богатому человеку, за собой кого-то скрывала. В небо брызгали искры от невидимого костра.

Космаков по-пластунски подполз и увидел группу неизвестных, разместившихся у костра. Хорошо был слышен разговор.

— Если опоздаем, Тризубов с нас голову снимет. Рабочие полгода не получают заработной платы. Не сегодня завтра начнутся бунты.

— Потерпят, рабочий класс ко всему привычный.

— Они-то потерпят, а их дети вот-вот с голоду начнутдохнуть. С этого заварухи и начинаются. Так что нужно торопиться.

Возле костра, упершись дышлом в небо, стояла легкая тачанка. Тех, что сидели у костра, было двое. Еще двое сидели на траве возле тачанки, курили махру.

— Ты мне скажи, Игнат Юрьевич, почему наша власть не напечатала достаточное количество денег, — продолжил разговор один из двоих. — Приходится платить рабочему классу буржуйским золотом?

— А хрен его знает, — ответил второй. — Но, думаю, за золотишко работяги быстрее купят хлебушка, чем на советские рубли. На базарах мироеды ушлые, кроме золота ничего не признают.

Космаков насторожился. Упоминание о золоте привело в трепет душу бывшего приказчика.

— Слышь, Игнат Юрьевич, а сколько мы везем? Тыщ пять будет?

Раздался смех.

— Дурак ты, Мотя! С этих денег должны получить заработную плату пожалуй с пол-Оренбурга.

— Ну тогда пять тыщ должно будет, — рассуждал неугомонный Мотя. — Эх, да бы эти деньги мне...

Его товарищ рассердился:

— Тут миллион, дубина, а ты затвердил своих пять тыщ. Да на эти деньги можно целую волость купить.

По телу Космакова прошла волна сначала Топольской ледяной воды, а затем струя обжигающего пара купеческих бань. Не раздумывая, Космаков снял с тачанки “максим” и перенес к полуразрушенному могильнику.

Долго ожидать не пришлось.

— Эй, братки, нечего торчать возле тачанки! — крикнул старший. — Берите сундук и айда к костру.

Через минуту все четверо ели жареную баранину у костра. Но голодный словно волк Павлуша Космаков начисто забыл о голоде. Раскосые, глубоко посаженные глаза впились в окованный железом сундучок, хорошо видимый в свете костра.

— Ну прощайте, ребятушки, — прошептали сухие губы. — Встретимся в аду или в раю, мне все равно.

“Максим” кашлянул и выплюнул в казахскую ночь четыре смерти. Кошачьей походкой Пашка Космаков приблизился к мертвым инкассаторам, и для душевного успокоения из кольта всадил каждому в голову еще по пуле.

“Работа” окончена. Прикладом карабина Пашка сбил с сундучка навесной замок. Волчьи глаза вспыхнули красным светом, а сухие, поросшие волосами пальцы, погрузились в рыжую глыбу адского металла.

* * *

Ян Войтович встретил чекиста Павла Космакова не совсем по-дружески.

— Скажите, товарищ Космаков, вам известно значение такого слова как “пунктуальность”? Если не знакомо — на первый раз я вас прощу...

Пашка, который хорошо знал “повадки” интеллигентных людей, смиренно опустил взор и, заикаясь, выдавил:

— Простите, Ян Янович, но я, как называл меня купец Полухин, быдло безграмотное. Если вы про мою задержку, так возле поселка Бисау на меня шакалы недобитые напали.

— Чья банда?... — взгляд Войтовича потеплел. — Кухаря или Алимжанова?

— Алимжанова, Ян Войтович!.. Но я из “максима” человек пять уложил. Оторваться удалось только возле станции Тобол.

— Доказательства есть?

— Есть, Ян Янович. Отбил тачанку с пулеметом и четыре винтаря.

— Маладец, Павлуша! Напиши рапорт, а я тебя представлю к награде. В Москву, дорогой, едем. А там надежные, заслуженные товарищи очень нужны.

ИЗ ПЛАНЕТ -МОНСТРОВ

Предложение Матковского вступить в благотворительный фонд наводило на размышления. Принять столь ответственное решение было совсем непросто. Франц понимал, что с принятием предложения в их жизни появится много страшного, совершенно непривычного для рядового гражданина.

СПИД пришел на Украину развернутым фронтом откуда-то из мрачных глубин космоса, где в понимании современного человека может находиться ад.

Несмотря на лекцию Матковского, конкретно о людях, умерших от СПИДа, Франц знал мало. Эти знания ограничивались двумя великими людьми. Первым был знаменитый Фреди Меркьюри¹, второй — не менее знаменитый, бывший соотечественник Рудольф Нуриев.

Франц понимал, что для решения столь глобальной проблемы, каковой является ВИЧ-инфекция, нужны огромные средства, которых в этой стране в достаточном количестве нет и в ближайшее время они вряд ли будут.

Но согретый на Родине признанием, отогретый любимой женщиной, он был счастлив и желал счастья другим.

Наташа вступать в Фонд помощи ВИЧ-инфицированным категорически отказалась. Ее доводы базировались на смешном прагматизме плюс всегда присущая боязнь за здоровье будущего потомства.

— Вспомнишь мое слово, Франц, тебе придется тратить наши заработанные деньги на этих больных. Мне страшно представить, что на полноценное лечение одного больного в год необходимо десять тысяч долларов. Для Украины эта сумма даже трудно выговариваемая, не говоря о возможности платить. А о наших будущих детях ты подумал? Ведь, как говорят в народе, “с кем поведешься, того наберешься”.

Франц на нее не обижался. Женское начало говорило само за себя. Подобно Наташе к предложению вступить в организацию по борьбе со СПИДом поступили бы девяносто процентов женщин.

На следующий день в офисе Фонда состоялось общее собрание. Среди собравшихся Франц узнал Николая Андреевича Дмитренко. Здесь собрались известные в городе люди: военные и журналисты, инженеры и предприниматели.

Собрание утвердило выдвинутую Матковским кандидатуру Франца. Итак Франц Бялковский стал членом Винницкого благотворительного фонда помощи ВИЧ-инфицированным, больным онкологическими заболеваниями и наркотически зависимым гражданам.

После собрания к Францу подошел Николай Андреевич.

— Не ожидал вас здесь увидеть. Решили помочь несчастным?

— Все мы ходим под Богом, так что в этом нет ничего удивительного.

— Я не иронизирую, Бялковский, ведь вы на Украине недавно. Могли о Фонде ничего не слышать.

— Врач Матковский — мой университетский товарищ. Вот встретились здесь.

— Работы, Бялковский, на сто лет. Честно говоря, этим вопросом у нас занимаются единицы.

— Думаю, Николай Андреевич, не только у нас. Бывший Союз нынче представляет собой убогую картину.

— Ну а как насчет картины о наших людях? Еще не передумали?

— Нет, Николай Андреевич. Это “идея фикс” моей жизни — написать картину именно на предприятии мясной промышленности. Хочется понять, правы были или нет Маяковский и Горький, обобщая профессию и мораль человека. Правда, писатель и художник пользуются несколько разными приемами.

— Не сомневаюсь, что вы сумеете передать правильно наш прозаический быт. Я слышал, на выставке в Киеве ваше полотно “Украинские Афины” произвело большое впечатление. Говорят, вам предлагали за полотно большие деньги.

— Дело не в деньгах, Николай Андреевич. Я впервые за долгие годы самореализовался. Для творческого человека — это все.

— Согласен, Бялковский, и хочу добавить, что не только для творческого. Человек хочет себя реализовать независимо от того творческая - ли он личность или нет. Впрочем, все виды

человеческой деятельности можно назвать творчеством. Уверен, все люди удивительно талантливы. Вот только пробиваются в этой стране единицы.

Дмитренко произнес эти слова как-то вяло, чувствовалась усталость этого человека, загруженного массой неразрешимых вопросов и бесконечных просьб о помощи. К этому времени Бялковский уже знал, что бывший директор ОАО “Винницмясо” был в городе одним из первых и постоянных меценатов. Масса организаций во время его директорства получали помощь от объединения “Винницмясо”.

И еще Франц знал, что благотворительность на Украине практиковалась в основном в двух городах — Львове и Киеве. Там на помощь обездоленному ближнему смотрели, как на божье дело. Что касается Винницы и Винницкой области, на просьбы основателей фондов о помощи, просящий, как правило, встречал ехидные улыбки акционеров и замечания наподобие: “Чоловіче, яка може бути благодійність в цій розореній країні?” В основном это говорили люди, у которых месячные оклады «составляли» тысячи долларов. Но и в той же Виннице находились люди с Богом в сердце. Это были Дмитренко Н. А., руководитель фабрики “Володарка” Гавриш Л. Т., директор Винницкого молокозавода Трофимова Л. Н., директор объединения “Винницхлеб” Ляховецкий В. Б.

Находились замечательные люди и в районах. В Барском — Желиховский В. Й., Сухорезький А. А., Гайсинском — Качур М. И., Черноморец В. В., Жмурко В. М. и другие.

* * *

Этот вечер Францу запомнился. Информация, цифры, которые он услышал от людей, занимающихся проблемой СПИДа на Украине, говорили о том, что этой проблемой на государственном уровне почти не занимаются. Как бы ему ни хотелось, заменить это слово “ПОЧТИ” на более весомое, ничего подходящего он подобрать не мог. Размышления прервали слова:

— Так когда вы начнете работу, Бялковский, чтоб я мог вам помочь? — как бы подводя итог спросил Николай Дмитренко.

Бесконечно разводить на этот счет полемику становилось стыдно.

— Завтра в девять утра буду у вас на проходной, — лаконично сказал Франц.

ПРОЩАЙТЕ « КРЕСТЫ»

Илья Семерик волновался. Почти год он выбивал показания из этого человека, был совершенно уверен в его виновности, а сегодня приходится его отпускать.

Но прошибать лбом стену бессмысленно. По-видимому, карьеру он сделает не благодаря сенсационному раскрытию, а по противоположному принципу.

Очень хотелось красивой жизни. Хотелось иметь роскошную квартиру, шикарную любовницу, возможность покупать классные шмотки.

И вот возможность представилась.

— Борис Семенович, хочу сообщить, что вы свободны. Сегодня вас с изолятора освободят, но предупреждаю ...

Баха, перебив его, продолжил:

— Впредь не попадайтесь. Сколько клубочку не витая, конец будет.

Следователь вымученно улыбнулся.

— Именно так, вы хорошо сказали.

Баха рассмеялся.

— Вы, Илья, простой, словно вещмешок. Так глаголют 99 процентов вашего брата. Тем не менее, скажите, амнистия вышла, что ли?

— Узнаете, когда выйдете за ворота, — тихо сказал Семерик. — Советую сразу не бежать на Финляндский вокзал пить кофе, а осмотреться вокруг.

Тюремный телефон работал как всегда отменно. В камере уже знали о его освобождении.

Нацмены явно ликовали. Остальная масса заключенных пребывала в унынии.

— Чего пригорюнились, орелики, дойдет и до вас очередь, — весело сказал Баха. — Видать, какая-то хремота вышла, думаю, всех буду нагонять.

— Да нет, не всех, — с ехидной улыбкой на губах заметил татарин Нигматулин. — Это кумовских¹ нагоняют.

В камере воцарилась мертвая тишина. Баха прижимистой походкой подошел к Нигматулину:

— Есть в одной песне такие слова, братишка, — прохрипели его побелевшие от бешенства губы, — “свободу вы любите, свободу берегите, научитесь вы ее ценить!” Только благодаря этим словам ты сейчас останешься живой.

Молниеносным движением обеих ладоней он оглушительно ударил татарина по ушам.

Тот дико взвыл и упал на колени. Локтем правой Баха прибил его к земле и, напоследок, носком ботинка врезал в подбородок.

— Отдохни, братишка, — сквозь зубы процедил Баха. — Я ухожу, орелики, — обратился к сокамерникам, — а вы держитесь вместе. Мы находимся в центре славянской страны. Не поддавайтесь этим шакалам, иначе, могу поклясться, они вас поодиночке опустят.

Через час его выдернули на подвал, где он прошел шмон и ему возвратили вещи. Еще через десять минут, включенного, как помойного кота, Кресты выкинули его за тюремные стены.

Двое неизвестных ожидали Баху Семенова за тюремными воротами.

Он уже понял, что “его” картина понадобилась кому-то не из простых, а из той категории людей, кого называют всесильными.

Эти двое вполне подходили под эту категорию. Полы шикарных, черных плащей спадали на добротные “казаки”. С плеча каждого свисали сумки, которые в фирмовых бутиках стоили по четыреста-пятьсот долларов.

Повязка через правый глаз на лице блондина смотрелась как-то бутафорном. Не верилось, что тот этот шикарный молодой человек мог быть без глаза.

— Итак, я вас слушаю, господа, — и сделал театральный реверанс.

Единственный глаз шикарного молодого человека вспыхнул нехорошим блеском, а губы произнесли фразу, от которой выдавший виды Баха неожиданно сник.

— Ты че, змей, дергаешься, как петух колымский. Завязывай, пока тебе в пусере дырок не понаделали.

Баха мгновенно понял, что диктовать свои условия этим людям ему не придется. Несмотря на шикарный прикид, эти двое видали виды.

— Садись в машину, дорогой, и ничего не бойся, — успокоил его седовласый незнакомец явно не русской национальности. — У нас есть к тебе деловое предложение.

Они сели в 600-й мерседес.

— Итак, Борис Семенов, мы вам предлагаем следующее, — без проволочек начал Харасанов. — В этом конверте десять тысяч долларов. Нам необходима информация у кого вы скупали полотна художников, которые выставлялись на закрытых международных аукционах в Москве.

Баха ожидал другого. Он знал, что ему будут предлагать деньги, но он был уверен, что у него хотят заполучить полотно Айвазовского “Штиль у берегов Ямайки”.

— Мужики, вы меня удивили. Если вы нарисовались из-за бугра, у меня для вас есть кое-что поинтересней.

Молодой опять вспылал.

— Кончай блатовать, Баха!.. Я тебя вижу насквозь своим одним глазом. Отвечай на вопрос.

— Погоди, Василий, — сдержал его Харасанов. — Какое предложение?

— У меня есть подлинник полотна Айвазовского “Штиль у берегов Ямайки”. Продам за сто штук.

— Годится, — хлопнул его по плечу Харасанов. — Но с одним условием: мы покупаем картину хоть сегодня, если она подлинник и с закрытого московского аукциона.

— Угадал, пахан, эта картина оттуда, — сказал Баха.

— Доказать сможешь? Покажешь бывшего владельца?

Баха нахмурился.

— Это, мужики, будет посложнее... Придется ехать в Северный Казахстан, город Кустанай.

У Харасанова засосало под ложечкой.

— А ты нам не гонишь?.. С каких это пор такая дыра стала иметь отношение к шедеврам мирового искусства?

— Имеет! Старичок, у которого я в Москве скупал картины, два года тому назад крикнул¹. Его сын живет в Кустанае. Перед смертью он мне передал его адрес.

Василий востепенел и зло спросил:

— Тогда откуда у тебя Айвазовский? Хочешь сказать, она у тебя два года отдыхает?

— Именно так. Уже два года я ее не могу сбавить. Если бы не это обстоятельство, я за нее взял бы не сто, а пятьсот.

Василий опять вспылал:

— Хорош гнать гусей, мужик. В этой нищей стране пятьсот штук тебе до смерти не соберут.

— Как сказать, — улыбнулся Баха. — Здесь одни лапу сосут, а другие имеют миллиарды зелени. Да вы это и сами хорошо знаете.

Константин улыбнулся:

— Ты прав, Баха. Но все же, прежде чем слетаем в Кустанай, расскажи нам про этого старичка.

КРЕМЛЕВСКИЙ БАНЩИК

Москва встретила бывшего приказчика Павла Космакова отпугивающим шумом Казанского вокзала и кряканьем воронья, помнящего Ивана Грозного и боярыню Морозову.

На привокзальной площади их уже ожидала сверкающая лаком черная машина и люди, в не менее отпугивающих, чем шум вокзала, мундирах.

— Через двадцать минут будем дома, — обрадовано сказал Ян Войтович, и добавил: — Придется мне с твоим приездом Яшку Калмыка на бойню отправить... Черт с ним, уже успел зажраться.

Несмотря на то, что Космаков был всецело поглощен проносящимися мимо окон машины красотами, он все же спросил:

— Если не секрет, Ян Янович, кто такой Яшка Калмык?

Сидящие в машине разоржались.

— Личность Яшки глубоко засекречена, — сказал Войтович загадочным голосом. — Но тебе секрет открою. Калмык — мой парикмахер и банщик заодно. Так что готовься сегодня принять у него хозяйство.

Банька оказалась шедевром изобретательности неведомого мастера. Дубовые панели источали свежий запах леса. Выложенный мозаичной плиткой круглый бассейн был наполнен ледяной водой. Шведская стенка, многочисленные гимнастические снаряды, неизвестного для Космакова назначения, вызывали у него немое восхищение.

Второе банное помещение было более привычным. Здесь на деревянных полках стояли знакомые шайки, в углу громоздилась груда березовых веников.

— Здесь, Пашка, фактически две баньки, — объяснил ему Войтович. — Первая — финская — называется сауна. Пар подается сухой, входить нужно не намыленным. Температура достигает ста градусов и выше. Вторая — русская. К этой ты привык у своих купцов.

* * *

Павлуша Космаков старался на славу. Его массаж, который остроумный Войтович назвал “реанимационным”, понравился всем, включая худошавого человека с остроконечной бородкой.

Этот человек его отпугивал и был для него непонятным. Разговаривая с ним, голые чекисты стояли навтыжку, говорили срывающимися петушиными голосами. Только Ян Войтович, который, как впоследствии узнал Космаков, отбывал с ним срок в Краковской тюрьме, называл его запросто Феликс и порой собственноручно хлестал березовым веником.

Поборов боязнь, Космаков решил показать этому человеку свое искусство, как говорится, во всей красе.

Худосочное, изможденное тело превращалось под его пальцами то в рыхлое тесто, которое он формировал по своему усмотрению, то в жесткую тараньку, которую он отбивал до изнеможения ребрами ладоней.

— Матка Боска, где ты откопал этого человека? — спросил Феликс Войтовича, тем самым четко определив будущее Пашки Космакова. — Как ты его, Ян, назвал, кажется, реаниматор?.. Я бы его назвал “зверь массажа”. Падаю к тебе, Ян, в долю, пусть будет и моим банщиком.

Все в Кремле было поставлено на широкую ногу. К приезду заслуженного чекиста, в зале, сверкающем зеркалами, на огромном, замысловатой конфигурации, столе громоздились серебряные блюда, наполненные первоклассной снедью. Обилием черной и красной икры, огромных севрюжин и окороков стол Космакова не удивил. Его взгляд, как околдованный, остановился на дивных, доселе невиданных плодах. Рифленные, с яркими, похожими на свеклу чубами, желтые, похожие на молодой месяц, круглые и волосатые, словно поросшие водорослями. Их происхождение порождало в его голове неразрешимую задачу.

Компания много пила и вскоре бывший приказчик среди этих важных людей уже был своим человеком.

— Ешь, Пашка, не робей, — обнял его Ян Войтович. — Ты полюбился железному Феликсу, а это значит, что у тебя большое будущее. Ешь бананы, ананасы, привыкай к нашей жизни. Иосиф Виссарионович распорядился, чтобы мы — революционеры, прошедшие сквозь тюрьмы царизма, — ни в чем себе не отказывали.

— А где сам Иосиф Виссарионович? — вежливо осведомился Павел.

— Уехал по делам в Питер. Он тоже баньку любит. Думаю, и он упадет на тебя в долю.

Пиршество продолжалось всю ночь. Неожиданно один из чекистов предложил проветриться, посмотреть утреннюю Москву.

Через десять минут три сверкающие черным лаком легковые машины с ревом выехали за кремлевские ворота.

Пьяный Войтович грубо бросил водителю:

— Эй ты, мудака, какого хрена тащимся, прибавь газу!

На скорости за 100 километров, они выехали на набережную. Одинокие пешеходы испуганно бросались в сторону от ревущих черных монстров.

— Прибавь газу, если не хочешь в Бутырку, — совсем озверел Войтович. — Машина не тачанка, гони!

Испуганный шофер до отказа вдавил акселератор. Неожиданно из темноты переулка на проезжей части появилось две фигуры. Шофер затормозил, но для спасения жизни этого оказалось недостаточно. Раздался мощный удар. В ярком свете фар Космаков успел разглядеть кокетливую шляпку, отделанную полоской меха, и широко раскрытые девичьи глаза.

— Выйдем! — грозно сказал Ян Войтович.

Все три машины остановились. Возле распростертого тела на коленях стоял молодой человек, тормозил девушку и громко рыдал.

— Что вы наделали, у нее сегодня был день рождения! Двадцать лет.. Я, я этого так не оставлю. Какой у вас номер машины?

— Кремлевский, — зловещим голосом сказал Ян Войтович, расстегнул кобуру и вытащил наган.

Два выстрела слились воедино. Молодой человек повалился на окровавленный труп.

— Нам свидетели не нужны, — равнодушно сказал Войтович, обращаясь в пустоту. — По машинам, и в Кремль.

ОХ ЭТИ ДЕНЬГИ!...

Мечта поступить в медицинское училище опять осталась только мечтой. Лариса Бутулина смотрела на списки счастливых, сумевших благополучно сдать вступительные экзамены, но своей фамилии не находила.

О возвращении в родную деревню она даже не помышляла. Ехидные улыбки, сопутствующие ее возвращению в прошлом году, до сих пор стояли перед глазами.

Город был чужим и сегодня, как никогда, наполнился серыми красками, соответствующими ее настроению. Слезы без конца текли по щекам девушки, но делать было нечего, “необходимо искать выход из создавшегося положения”.

Лариса стряхнула оцепенение, вытерла слезы и решила купить газету, где размещались объявления о приеме на работу.

Таких газет в городе было несметное количество. Лариса остановила свой выбор на газете RIA, где подобных объявлений, с ее точки зрения, было больше всего.

Работа кондуктора и продавца в киоске ее не прельщала. Дворники, как и штукатуры, маляры в сознании девушки ассоциировались с чем-то низким, несовместимым с ее внешностью и запросами.

Лариса Бутулина действительно красива. Голубоглазая брюнетка с хорошей фигурой заставляла мужчин оглядываться. Compliments сыпались отовсюду. Но, по сути, это были больше похотливые замечания, чем комплименты.

“А что, если рискнуть, и податься в индустрию развлечений, — подумала девушка. — Говорят, что в ночных клубах без особого труда зарабатывают за ночь по сто и более баксов”.

* * *

На телефонный звонок по объявлению ответил тот самый Эдик, который предлагал заработок до ста долларов и выше. События развивались как в волшебном сне.

Уже через два часа они с Эдиком встретились. Беглый взгляд мужчины мгновенно оценил достоинства девушки. Для убедительности Эдик показал Ларисе свой паспорт, где имелась городская прописка, и вручил аж три визитки — одну краше другой.

— Ты, дорогая, будешь звездой в моем шоу. Пройдешь двухмесячное обучение хорошим манерам, танцам и тебе не будет цены.

Его слова были бархатисты и сладки. В зеленом районе “Вишенка” Эдик мгновенно снял для Ларисы однокомнатную квартиру и чуть ли не насильно запихнул в сумочку двадцать долларов.

— К обучению приступим сегодня же вечером, — безапелляционно заявил он, и деликатно оставил девушку принимать душ.

Свежая, в приподнятом настроении Лариса сидела перед зеркалом и расчесывала мокрые смолянистые волосы. Неожиданно раздались пять коротких звонков — условный код Эдика.

“Договорились на десять вечера, а сейчас только три часа дня. Чего ему надо?” — мелькнула тревожная мысль.

Вместе с Эдиком в квартиру вошла высокая девушка довольно привлекательной внешности.

— Это Ольга, будете жить вместе, — сказал Эдик и вздохнул, как вздыхают люди после проделанной тяжелой работы. — Вдвоем вам будет веселей и безопасней, что имеет немаловажное значение.

Через десять минут Эдик ушел. Девушки остались вдвоем.

Новенькая была старше Ларисы на целых пять лет, но в индустрии шоу-бизнеса была совсем не новенькой. До Винницы она выступала в ночных клубах Таллинна, на Украину, с ее слов, попала случайно.

— Что ты знаешь об Эдике и о предстоящей работе? — спросила ее Лариса.

Улыбка и ироничный тон насторожили девушку. Лариса чувствовала, что Ольга явно чего-то недоговаривает.

— И все же, в чем будет заключаться наша работа? Почему Эдик не спросил умею ли я танцевать? Ведь танцы основное, чем мы будем заниматься.

— Ну, милая, это ты так думаешь. В одном могу заверить: деньги у тебя водиться будут. Впрочем, смотря какой из Эдика “шофер”, — сказала и рассмеялась.

— При чем здесь шофер, мы что в автогонках собрались участвовать?

Ольга закурила тонкую длинную сигарету, и многозначительно сказала:

— Это ты правильно сказала, в автогонках. Будешь получать поменьше, чем Шумахер, но также как он долларами.

Среди мишуры, которую Ольга выложила на туалетный столик, Лариса увидела маленькую никелированную коробочку. Немного знакомая с медициной девушка спросила:

— А стерилизатор зачем, ты что, болеешь?..

Ольга посмотрела на нее странными затуманенными глазами.

— Откуда ты, девчушка, приехала?.. Небось, до приезда в областной центр жила в деревне?

— Угадала... Ну и что с того?

— Ничего! Задаешь массу глупых вопросов. Давай лучше готовиться к нашему вечеру. Через три часа за нами приедет Эдик.

Из многочисленных нарядов Ольга выбрала черное короткое платье, больше напоминающее сверх сексуальную комбинацию. Под прозрачной тканью хорошо просматривалась красивая грудь, длинные стройные ноги. Макияж и туфли на высоком каблуке делали Ольгу похожей на шикарную фотомоделю.

— Выглядишь классно, — позавидовала Лариса. — У меня таких вещей нет.

— О чем говоришь, милая, у нас размер один. Бери это красное. Точно такая же модель, только другой цвет.

Голубой “Опель” остановился прямо под окнами. Эдик приехал ровно в 22.00.

Когда девушки подошли к машине, сутенер от удивления открыл рот. Его восхищению не было предела.

— Ну вы, девчонки, даете. Скажу честно, вам не место в этой задрипанной дыре.

Они сели в машину.

— На сегодня планы меняются. Приехали ребята, у которых доленое участие в нашем бизнесе. Поедем в гостиницу “Южный Буг” гулять.

Ольга что-то сказала Эдику, Лариса услышала конец фразы:

— ... только не хором, предупреди ...

Ее слова прошли мимо ушей Ларисы. За окнами машины сверкал огнями ночной город.

Из холла гостиницы к ним навстречу вышли трое. От хорошо сбитых ребят в легких шелковых костюмах исходил аромат французской косметики.

Ольга толкнула Ларису в бок:

— Парни, что надо... Побольше молчи, и сегодня заработаешь сто баксов.

Столик в ресторане был заказан. Такое обилие вина, фруктов и всевозможных закусок Лариса видела только на экране телевизора.

— Ну ты, Эдик, выдал!!! — воскликнул один из троих, похожий на цыгана, увешанный золотыми цепями. — Ты что, в Голливуд за девчонками смотался?

Французское шампанское было сладким и душистым. Лариса решила пить только его.

— Так дело не пойдет, девочки. А кто будет пить мартини и ром?

Парней звали Алик, Гоша и Петр. Все трое не сводили с девушек глаз.

От вина, внимания и танцев в груди Ларисы разгорелся огонь радости и веселья. Медицинское училище, родители, деревня — все это теперь казалось ей далеким и нереальным. Захотелось вот так жить всегда, и она во чтобы то ни стало удержит такую жизнь!

Зажигательный танец “Сиртаки” вывел всю группу из-за стола. В центре зала образовался круг разгоряченных тел. Полы шелковых пиджаков у парней словно флаги на шпильях вздувались и трепетали. В кобурах под мышками у каждого из троих Лариса увидела рубленные рукоятки пистолетов.

ЛЮДИ ДОБРОЙ ВОЛИ

Дождаться очередного приглашения написать картину от руководства ОАО “Винницамясо” Франц не стал. “Упоминания классиков о пресловутой славянской раскачке, присущей людям творческого труда, все же небезосновательны”, — думал раздраженно художник, подготавливая к работе холст и краски.

На следующий день после разговора с Николаем Дмитренко он приступил к работе.

Позировать художнику люди труда соглашались неохотно. Век усовершенствованной фотографии наложил отпечаток на психологию. Для многих это занятие ассоциировалось с каким-то легкомыслием, несовместимым с повседневным трудом.

Дни проходили напряженно. Постепенно люди к нему привыкли. Появились охотники в нерабочее время выкраивать для художника один-два часа.

Участие в благотворительном фонде требовало отдачи.

Пришедший с мрачного, неизведанного мира СПИД со стороны всех людей доброй воли требовал незамедлительных действий.

Цифры, приведенные санитарно-эпидемиологической службой, говорили сами за себя. Первым из районов области, куда отправился Франц, было местечко Гайсин. “Как мог в этом чудесном зеленом местечке, среди бескрайних цветущих полей появиться такой монстр как СПИД?!” Это для художника, обладающего натурой идеалиста, оставалось загадкой.

“Жизнь человеческая коротка, — думал Франц. — Пройдет несколько десятков, а возможно и сотен лет, люди победят тяжкий недуг. И грядущим поколениям захочется узнать кто же достойный жил на этой земле. Кто первым подал на Украине руку помощи, сраженным СПИДом. Имена и фамилии этих людей, предприятия, на которых они трудились. Кто они эти люди?”

Историческая справка. Украина. Подолье. 2009 год.

Гайсинский мясокомбинат. 178 человек. Основан в марте 1944 года на базе городского забойного пункта. Является дочерним предприятием акционерного общества на правах собственности трудового коллектива. Согласно законодательства Украины имеет право проводить экономическую деятельность — экспорт, импорт товаров, налаживать прямые производственные связи с зарубежными субъектами предпринимательской деятельности, организовывать оптовую и розничную торговлю на территории Украины и других стран.

Руководит предприятием Качур Николай Иванович, 1947 года рождения. Человек новой формации, вникающий как в работу сложного механизма предприятия, так и в социальные проблемы Украины XXI века.

Историческая справка. Украина. Подолье. 2001 год.

Гайсинский спиртзавод. Основан в 1880 году на базе винокурни. Мощность завода 3000 декалитров в сутки. В год мощность составляет 825 тысяч декалитров. На предприятии работают классные специалисты: Отрошко О. М., Лавров П. М., Кравец О. И., Низинковский В. П., Колисниченко А. В., Чапалюк Н. П., Коломиец Т. М.

Главный инженер предприятия — Шмалый В. В.

Руководит предприятием человек новой формации, прошедший путь от начальника смены, главного инженера до директора — Жмурко Владимир Михайлович, 1962 года рождения.

Историческая справка. Украина. Подолье. 2001 год.

Барский завод сухого молока, как маслосырзавод был организован в 1928 году. С того времени в процессе работы завод постоянно преобразался.

В 1973 году было окончено строительство нового завода — сухого обезжиренного молока. Мощность завода по проекту в перерасчете на натуральное молоко составляет 102 тонны в смену. В состав нового завода вошли цех сухого молока с вакуумно-выпарными установками, производства Германии, а также сушильной установкой, производства Чехословакии.

Маслоцех, производства Германии, обладает мощностью 2 тонны масла за час, цельномолочный цех обладает мощностью разлива молока три тысячи бутылок в час.

В 1987 году был введен в действие цех мороженого с линией М-6-ОЛВ мощностью 500 килограмм в час. Завод работает на сырье близлежащих населенных пунктов, а также перерабатывает сливки, которые завозятся с других заводов Винницкого объединения.

В трудное время перестроечного периода завод ищет и находит выход из создавшегося сложного положения. Так, был организован цех по производству зефира “Барский”. В данное время, после введения линии, цех вырабатывает 150—200 килограммов зефира.

Завод принимает участие в реконструкции и строительстве очистительных сооружений Барского птицекомбината.

Благодаря инвесторам, в 1999 году модернизирован цех мороженого. В связи с появлением новых линий, вырабатывается мороженое в брикетах. Ассортимент увеличивается с четырех до двенадцати сортов. Для увеличения производительности в данное время строятся холодильные камеры. Появляется новый для завода вид продукции — “Масло крестьянское особенное”.

Прибыль на одной тонне — 1089 гривен.

Рентабельность — 14—18%.

Экономия молочного сырья до 50 %.

Руководит предприятием человек новой формации и доброй воли Желиховский Владимир Иосифович. Подолянин, выходец из села Канонецкое Барского района. Человек, имя которого добрыми поступками известно на Винниччине.

Историческая справка. Украина. Подолье. 2001 год.

Открытое акционерное общество “Володарка” (ОАО “Володарка”) создано в процессе приватизации государственного предприятия — швейной фабрики им. Володарского в марте 1996 года.

Предприятие находится в центре города Винницы, имеет коммуникационные сети, удобное транспортное сообщение. Общая площадь земельного участка, отведенного предприятию для пользования, составляет 11636 кв. метров, в т. ч. под производственную сферу 9954 кв. метров. Численность работников на 1.01.1999 г. составляет 1300 человек.

Собственниками акций общества являются физические лица — 2000 человек. В момент приватизации предприятие было в наихудшем технологическом состоянии. Швейное оборудование уже отработало на то время по 10-15 и больше лет.

Приватизировавшись, предприятию необходимо было немедленно совершить техническое переоснащение производства, ввести новые технологии по пошиву швейных изделий, выпускать конкурентоспособную продукцию как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Начиная с 1996 года и по настоящее время предприятие проводит техническое переоснащение и реконструкцию производственных помещений. Для модернизации производства за этот период было закуплено оборудования на сумму 9735,2 тыс. грн.

Приобретено новое современное оборудование для выполнения работ в раскройном комплексе (автоматизирована система конструирования одежды, настилки ткани на раскрой и обмеловки настилки с использованием систем “Ассист” и “Гербер”), линия влажно-тепловой обработки пиджака мужского немецкой фирмы “Бризай” и современные специальные, универсальные машины, автоматы и полуавтоматы немецкой фирмы “Дюркопф Адлер” и японской “Джуки”. Для внедрения такого высокопродуктивного оборудования построено и введено в действие газовую котельную для производства качественного технологического пара и компрессорную для обеспечения пневматических операций прессов и автоматов. С консультационной помощью специалистов Германии внедрено несъемный процесс изготовления брюк мужских на линии “Пилот”. Это дало возможность повысить продуктивность труда на 30 процентов.

В период экономического кризиса в Украине покупательская способность населения очень снизилась, поэтому, чтобы выжить, необходимо было выходить на внешний рынок. И запад предложил помощь на условиях чрезвычайно тяжелых — работа на давальческом сырье.

На современном этапе предприятие расширяет партнерство с иностранными заказчиками на пошив швейных изделий, расширяет торговые связи на территории Украины и за ее рубежами. Открыты торговые фирменные магазины в городе Винницы, экспортируется продукция в Россию.

Материалы для производства швейной продукции предприятие закупает в коммерческих организациях, а также в Чехии, Словакии, Германии.

Выпуск продукции за 1999 год составил 593,0 тыс. единиц швейных изделий. Объемы продукции в оптовых действующих ценах 12885,2 тыс. гривен, что в сравнении с 1995 годом увеличено в три раза, продуктивность труда в сравнении с 1995 годом возросла в два раза. После проведения комплексных технических мероприятий численность работающих увеличилась на 300 человек. Предприятие работает в двухсменном режиме.

За период деятельности ОАО “Володарка” не было случаев травматизма. Предприятие экологически чистое, загрязняющие выбросы в атмосферу и вредные сливы в канализацию не совершаются.

На балансе предприятия числится детский сад на 100 мест, который содержится в удовлетворительном состоянии и принимает детей работников фабрики.

Таким образом, ОАО “Володарка” успешно работает, обновляется, наращивает экономические показатели. За четыре месяца 2000 года изготовлено 249,3 тыс. единиц швейных изделий, что на 66,1 тыс. шт. больше, чем за 4 месяца 1999 года. Объем продукции в действующих ценах возрос на 167,5 процента. Продуктивность труда возросла на 17,2 процента. Среднемесячная зарплата составила 249,7 грн. и выплачивается без задержки.

После перевода в город Киев бывшего директора ОАО “Володарка” Леонида Тарасовича Гавриша, который неоднократно участвовал в акциях по оказанию благотворительной помощи больным и обездоленным, нынче руководит фабрикой Касьяненко Михаил Иванович, 1948 года рождения. Уроженец села Мельниковцы Винницкой области Немировского района. Человек новой формации, хороший семьянин, воспитавший сына и дочь. Получил высшее образование у нас, на Подолье, в Винницком политехническом институте.

НОЧНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

“Интервью у Порошенка я все же заполучил, — удовлетворенно констатировал Артем Фляжников— Интересный все же мужик. Как человек, и как политик. Честно говоря, спортсменов встречать в большой политике доводится не часто. Спортсмены в основном подаются в бизнес. Впрочем, у Порошенка спорт, кажется, проходил как хобби...”

Размышления Артема Фляжникова прервал пронзительный крик, исходящий от трамвайной остановки возле универмага.

Многочисленные прохожие сначала замедляли шаг, а затем, словно манекены, отороженно изменяли направление.

Вспомнилось заклинание, которое целительница Злата призывала толпу повторять ежедневно и ежечасно. Стишок по сложности рифмования был на уровне начинающего разговаривать ребенка: “Ангел мой, иди со мной. Ты впереди, я за тобой!”

Все гениальное просто. Через минуту Артем был на месте. Двое спортивного сложения парней затаскивали молодую девушку в нутро черного “Форда”.

— Мужики, завязывай беспредел! Отпустите девчонку!

— Че-го?.. — качек в спортивном костюме повернулся к Артему. — Пошел на хер чувак, иначе размажу по асфальту.

Группа одетых в форму мужчин заинтересованно остановилась.

— Ребята, кончайте борзеть, отпустите девушку.

Качек нырнул в машину и вынырнул с пистолетом в руке.

— Пошли вон, козлы, иначе перестреляю.

Летчики не испугались, окружили машину.

— Двоих застрелишь, а остальные вас на куски порвут, — прохрипел один из офицеров.
— Отпустите девчонку.

С горки, со стороны театра мигая огнями ехала милицейская машина.

Качки отпустили девушку и “Форд” рванул с места.

Удивлению Фляжникова не было предела. Буквально два дня тому назад фотографию девушки помещали в газете RIA на приз “Лучшее фото”.

Сексуальная внешность девушки вызывала заслуженное восхищение коллег.

Изящная шея заканчивалась головой лани с огромными ярко-голубыми глазами.

Но “гвоздем программы” была фигура девушки: тонкая талия, длинные абсолютно правильной формы ноги и шикарный бюст.

Подвыпившие офицеры составляли непрошенную конкуренцию.

— Спасибо, ребята. Это моя девушка, можете идти. Я ее успокою.

Нехотя компания из восьми человек удалилась.

Девушка плакала склонившись на металлические перила.

— А знаете, Галя, вы выиграли приз “Лучшее фото” в газете где я в свое время работал ,
— сказал Артем и взял девушку за руку.

Она удивленно на него посмотрела.

— Откуда вы знаете, что я послала свое фото?..

— Имею некоторое отношение к газетам. Работаю журналистом в самой у нас известной газете « 33 КАНАЛ»

Грозное небо осветило солнышко. Девушка улыбнулась.

— Вот это номер... Я-я этого не ожидала.

Фляжников расхохотался:

— Честно говоря, я тем более. Подобное случается только в индийских фильмах. А теперь давайте познакомимся. Меня зовут Артем.

— Тот самый Артем, Фляжников? Я часто читаю ваши публикации.

— Тот самый, — несколько раздраженно ответил Артем. — Но немного информации о вас.

— Одинцова, имя вы уже знаете. Работаю искусствоведом здесь, в Виннице.

— Странно, что мы с вами не были знакомы раньше. Я частый гость на выставках произведений искусств.

— Ничего странного. Я работаю в Виннице всего два месяца. Приехала из Киева.

— А теперь о самом неприятном, — сказал Артем. — Кто эти ребята из “Форда”?

В глазах Галины промелькнул страх. Она неожиданно оглянулась.

— Пойдем отсюда, Артем, эти люди скоро будут здесь. Мою квартиру они караулят, придется снять номер в гостинице.

— Это не проблема. Гостиница облпрофсоюза, в которой, кстати, располагается редакция газеты “RIA”, самая дешевая в городе. Отсюда не более десяти минут.

Она сняла одноместный номер. Всю дорогу до гостиницы девушка молчала. Чувствовалось, что в “Форде” были не просто хулиганы.

Отличающие журналиста черты взяли верх. Артем нарушил молчание специфическим вопросом:

— Кто эти люди, Галина?.. Возможно, я вам смогу помочь.

Она внимательно на него посмотрела.

— Вам действительно можно верить?

— Во всяком случае, я еще никого не подводил.

— Обыкновенная мафия. Пасут меня уже два года. Выбивают сведения о стоимости картин, признанных лучшими на той или иной выставке. Требуют сведения о художниках и не только...

По щеке скользнула слеза. Артему стало по-человечески жалко девушку.

— Перестаньте плакать. Необходимо заявить в милицию.

— Заявляла. Расплатилась выбитым зубом и двумя фингалами.

— Здесь, в Виннице?

— Нет, в Киеве. Поэтому и переехала сюда. Думала оставят в покое. Не оставили. Требуют сведения о картинах, признанных лучшими на выставке стран СНГ в прошлом месяце. Они прослышали, что одна из картин, кстати вашего земляка, была оценена зарубежными экспертами в огромную сумму.

— В какую? — любопытно спросил Артем. — Времена Гогена и Рембрандта канули в лету.

— Не говорите глупостей, Артем, — девушка нервно передернула плечами. — В мире сейчас множество художников, полотна которых оценивают в десятки миллионов. Тот же ваш бывший земляк....

Артем умышленно сказал глупость. Хотелось втянуть поглубже девушку в разговор.

— Ну и кто же из моих земляков пишет картины стоимостью в миллионы? Я что-то о таких не слышал.

— Могу поведать. Художник из Жмеринки Франц Бялковский. Его картина “Украинские Афины” на выставке в Киеве была оценена только одним немецким коллекционером и миллиардером Эриком Кляйном в 200 тысяч долларов. Заверяю, эта сумма не потолок. Художник все предложения о продаже полотна отклонил.

— По какой причине?

Галина развела руками.

— Творческих людей трудно понять. Но, думаю, это временное нежелание мастера расстаться с любимой вещью. Обычно это проходит с появлением нового. У художника, в частности, с появлением нового полотна.

В третий раз за сегодняшний день нервы журналиста сжались в пружину, затем, встряхнув организм, впились в мозг.

— Как вы сказали, Галина, Франц Бялковский? Вы не ошиблись?

— Господи, Артем, я вчера приехала из Киева. В моих кругах только и разговаривают, что об этом полотне. Говорят, оно заряжает совершенно ощутимо человеческий организм положительными эмоциями. Многие посетители галереи лишились хронических недугов. Говорят, на выставке присутствовал миллионер итальянец Гай Антонели. Ону глубоко убежден, что благодаря созерцанию этого полотна полностью излечился от хронических мигреней. Француз Поль Жермен заявил, что у него исчезли приступы панкреатита. Такое наблюдается только с полотнами Ван- Гога . Думаю, цена полотна “Украинские Афины” вскоре составит десятки миллионов.

— А знаете, Галина, я знаком с этим человеком, — немного торжественным голосом произнес Фляжников. — Недавно я присутствовал на заседании членов благотворительного Фонда помощи ВИЧ-инфицированным и онкологическим больным гражданам. На повестке дня стоял вопрос о приеме Бялковского Франца Андреевича в члены благотворительного Фонда.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ РОТШИЛЬДА

“Зверь массажа” полюбился не только Войтовичу и Феликсу. Добрая половина кремлевской знати пользовалась услугами маленького человечка — обладателя волчьих глаз и необъяснимого преступного обаяния.

Шли годы. Обслуживающий персонал Кремля менялся словно ландшафт перед глазами солдата армии Александра Македонского. Киномеханики и парикмахеры, дворники и повара по хитрому замыслу вождей, во избежание раскрытия тайн, уходили в небытие.

Но бывший курганский приказчик Павел Космаков избежал участи быть расстрелянным в подвалах НКВД. Мало того, оставаясь массажистом и парикмахером уже только троих из элиты, получил пост хранителя запасников Оружейной палаты и Третьяковской галереи.

Мечта сбежать в Китай и открыть свое дело в Харбине ушла вместе с годами. Жизнь была легкой, а то, что проходило через его руки, не могло присниться даже индийскому радже. Золотые изделия Древней Руси, усыпанные бриллиантами и изумрудами, тяжелые блюда червонного золота, утыканные пылающими рубинами гуще, чем южное небо звездами, “яйца” Фаберже, десятки картин Рафаэля, Рембрандта, Тициана, Гогена, Пикассо — все это и тысячи других произведений искусства, стоящие миллиарды, проходили через руки Космакова.

Один раз в год Павлуша Космаков и его молодая жена Руфина Иосифовна посещали родные города — Курган и Кустанай. Бывшие знакомые бывшего приказчика в Кургане покоились на кладбище. Отдав дань молодости и безвинно убиенным им людям, он отправлялся в город Кустанай.

Здесь хорошо помнили Войтовича, а его посланник имел власть, граничащую с самим Аллахом.

Руфина Иосифовна отъезжала на пикник в чудесный сосновый лес возле станции Семиозерка, а Павел Космаков один, на черной “Эмке” отправлялся к “брату” в поселок Джетыгара.

Земля вокруг ствола старой шахты заметно осела. Деревянный сруб совершенно сгнил. Теперь, чтоб спуститься в шахту, приходилось брать канатную лестницу огромной длины. Один конец Космаков прикреплял к штанге железной лебедки, сохранившейся со времен англичан, другой — сбрасывал в черный провал.

Глубокой ночью с рюкзаком за спиной маленький человечек спускался в отпугивающий зев шахты.

Теперь подземелье второго горизонта напоминало сказочную пещеру графа Монте Кристо. В маленьких сундучках вдоль стены сверкали груды драгоценных камней, украденных в кремлевских хранилищах. Десятки картин, античные скульптуры странно и зловеще смотрелись в мраке подземелья.

До рассвета у него как всегда оставалось два часа. За это время маленький человек пытался физически ощутить свое богатство. Тысячи золотых монет, издавая жалобный звон, просачивались через его пальцы. Словно шах соски наложниц он ощупывал драгоценные камни, оставляя на пальцах и ладонях бороздки от острых граней.

Картины он не любил, но, зная их ценность, смотрел на них с уважением. Скульптуры античных мастеров, также стоящие миллионы, вызывали у него удивление своей хрупкостью, несоответствующей, по его мнению, с огромной ценой.

Система, по которой наиболее дорогие произведения искусства оставались непроданными, срабатывала безотказно. Когда сумма достигала предела, на аукционе появлялся работник аппарата внутренних дел и объявлял, что та или иная вещь по государственным соображениям продаже не подлежит.

К тому времени связи кремлевского “кладовщика” были неограниченны. Расплачиваться приходилось щедро, но золота из заброшенной шахты хватало. Бизнес Павла Космакова процветал.

И все же бывали моменты, когда кремлевского Гобсека охватывал панический страх. Как правило, такое ощущение он испытывал после бесед с плотным человечком, обладателем круглых очков. Казалось, змеиные глаза видят все. В такие моменты Павел Космаков врывался в кабинет старого друга:

— Пора завязывать, Ян!.. Толстый хорек что-то подозревает. Ты уедешь за границу, а меня он в Бутырках подвесит за яйца и снимет шкуру.

Человек без нервов Ян Войтович был несокрушим:

— Брось гнать пургу, Павел. Он сам боится. Не сегодня-завтра генералы его пустят в расход.

Слова Войтовича успокаивали расшатанные нервы. Для полного расслабления Космаков выпивал стакан Греми¹, закусывая сушеной дыней.

— Убери Гриневича. После последнего аукциона он затребовал сумму, которая больше твоей доли.

Наполовину латыш, Ян Войтович обладал дикой скупостью. Желваки под пергаментной кожей вздулись.

— Сколько?!. Сколько запросила эта мразь?!

— Двадцать тысяч золотом.

— Ладно, сделаем по-старому принципу. Отправлю его в командировку, с которой он не вернется.

— А как быть с каталогом оставленных вещей за последние пять лет? Пожар уже не пройдет.

Войтович поморщил лоб. Но в гениальности этого человека Космаков не сомневался.

— Отправим якобы на экспертизу в Ленинград. По дороге устроим налет. Кстати, Павлуха, по каким ценам ты сплавляешь это барахло? — улыбнулся мертвой улыбкой садиста.
— Может, увеличим мою долю?

Войтовича Космаков не боялся и хорошо знал. Возиться с товаром инквизитор-латыш в жизни не станет. Звонкое золото с рук компаньона — другое дело.

— На десять процентов согласен. А если ты не согласен, попробуй сам. Кроме головной боли ничего не наживешь.

— Ладно, ладно, Павлуха, не горячись, — хлопнул его по плечу Войтович. — Проценты я принимаю и пусть каждый занимается своим делом.

В 1952 году сотрудница кремлевского отдела кадров, его законная жена Руфина Иосифовна, родила Павлу Космакову сына. Вглядываясь в бесцветные близко посаженные глазки младенца, бывший приказчик думал: “В стране пролетариата родился новый миллионер. Кем вырастет этот человек, что скажет, когда отец покажет ему сокровища казахстанского подземелья?”

1-«Греми»(высококачественный коньяк)

КИЛЛЕР ИЗ РУМЫНИИ

Петр Мунтяну не хотел углубляться в Украину. От Винницы рукой подать до Черновцов, там пропускной пункт Порубне и родная Сучава.

В принципе, Румыния была его родиной только по паспорту. Жизнь проходила в странствиях.

Капитал, который Петр приобрел, будучи уникальным “чистильщиком”¹ в Нью-Йорке, позволял ему мотаться по всему свету.

Киллеры редко живыми выходят из игры, но Петр сумел вовремя слиться, благодаря счастливому случаю, который в корне изменил жизнь.

Причиной тому послужил заказ на убийство одного из профсоюзных лидеров. Политическое убийство всегда имело две стороны. Одну — крайне негативную, вторую, при умелом использовании, — приносящую дополнительные деньги.

Розыск был действительно мощным. Но то, что ему удалось прихватить в роскошном особняке конгрессмена, начисто изменило его жизнь.

Две картины Гогена стоимостью в двадцать и сорок миллионов долларов позволили ему перечеркнуть прежнее ремесло и заняться “честным” бизнесом.

Пластическая операция была выполнена столь искусно, что “спрятанным концом” мог бы позавидовать любой американец, проходящий по линии программы защиты свидетелей.

Новые документы, отпечатки пальцев и лицо позволяли Мунтяну по несколько раз в год огибать без боязни земной шар. Дела шли успешно, но вскоре румын понял, что в его бизнесе, как и в прежние времена, без пистолета с глушителем не обойтись.

К тому времени у него уже была возможность самому пистолет не носить, а нанимать для этого определенных людей.

Страны бывшего Союза таили в себе несметные богатства и были ему хорошо знакомы. В пивных Череповца он впервые научился ломать “клиенту” кастетом челюсть, применять нож и старый добрый тэтэшник.

Три года за решеткой в Таганке принесли дополнительные навыки в знании славянской психологии и умение выживать, довольствуясь куском хлеба. Но это было в прошлом. Теперь же Петр сидел за хорошо сервированным столом в одном из ресторанов Винницы и ожидал своих ребят.

Когда Петр увидел, что к столику подходят только двое, в чуть раскосых глазах вспыхнул недобрый блеск.

— Где девушка?! Я уже две недели сижу в этой паршивой дыре и плачу вам баксы!

Круглолицый качек с перебитым носом надтреснуто выдавил:

— Г-хрл-гадом буду, шеф, козлы помешали. В последний момент впряглись.

Второй оказался более разговорчивым:

— Молчи, Скелет, я скажу. Шеф, она начала кричать, собралась куча народа. Место людное, могли упасть на хвост менты.

Петр почесал костяшками правой руки колючий подбородок. Ужасно захотелось, чтоб на пальцах оказался кастет.

— Где ваш дух?! Я вам приволок классные стволы. Пару выстрелов, и бычье разбежится.

— Вряд ли, это были летуны, офицеры.

Румын положил локти на стол. Губы поползли в хищной улыбке, обнажая ряд жемчужных зубов.

— Летуны — не менты, они без пистолетов. Скелет солгал.

— Клянусь, шеф, при них были стволы.

— Ладно, — окончательно успокоился румын. — Бабок больше не получите. До субботы не будет информации — пойдете к фене в базарный рекет.

Отсутствие комфорта, вынужденное безделье начинали раздражать. Неожиданно появилось ощущение, что за ним следят. Петр из немалого опыта знал: навязчивые мысли иногда по странной закономерности воплощаются в реальность. Маленький украинский городишко по этой самой закономерности вдруг мог превратиться в мышеловку. Необходимо было как-то встряхнуться, вывести себя из подобного состояния.

Нанятое им быдло, как про себя называл румын подручных, жадно опустошало тарелки, наполненные красочной, тем не менее, сомнительного качества жратвой.

После нескольких рюмок “Немировской” Скелет внес предложение:

— Шеф, может вам подогнать телку или сразу две? У нас это теперь делается без проблем. Набираю по мобильному 054 — и готово.

Ему действительно было грустно. Две недели в Украине он лишен женского общества. Вспоминались бордели Гонконга, где буквально месяц тому назад он отдыхал. Азиаток Петр не любил, выбирал всегда голубоглазых, белокожих девушек из Европы. Ее звали Кшися и она была из Гданьска. Проститутка разожгла его до такой степени, что он перестал предохраняться. Он снял ее на два дня и почти все это время, восхищаясь великолепно развитыми бедрами, занимался оральным сексом. После сорока восьми часов непрерывного секса, искусанная, растертая плоть затребовала медицинского вмешательства. Теперь все прошло, почему бы не пригласить в номер хорошую девочку?

Петр рассеяно посмотрел на Скелета, затушил до половины выкуренную сигарету и сказал:

— Завтра делаем разгрузочный день. Закажите парочку белокожих девушек, оденьте приличные костюмы и в 22.00 — за этот же столик.

Его слова у подручных вызвали смех. Двойной подбородок Скелета запрыгал в кисельном танце и опять вызвал желание что есть силы врезать по нему чем то тяжелым.

— Ги-ги, шеф, вы сказали белокожую девушку. У нас в Виннице негритянки не снимаются.

Второй, по кличке Лох, перестал смеяться, огрел Скелета локтем.

— Заткнись, баран!.. Шеф! У нас в городе негров до фига. Если захотите, найдем негритянку.

— Я же сказал, белокожую. Приведете черную или желтую, — отрахаю вас.

Его слова произвели впечатление. Они мельком взглянули друг на друга и мгновенно замолчали.

1-чистильщик (проф. убийца уничтожающий улики)

РАЗНЫЕ ЛЮДИ

Работа над полотном, которое он назвал “Природа бытия”, двигалась медленно. Подбор композиции в отображении производства, связанного по специфике с отталкивающим для человека явлением — смертью, оказался исключительно сложным. По замыслу картина должна была в себе совместить элементы абстрактного отображения жизни и смерти, где логика и вдумчивое рассмотрение приводят к правильному пониманию. Таким методом пользовался великий Пикассо в написании знаменитой “Герники”. Франц понимал, что в глазах “зеленых”¹ своей работой он обретет врагов, тем не менее без колебания воплощал замысел в жизнь.

С Наташей они встречались только ночью. Работа требовала полной отдачи сил. Целыми днями Франц пропадал на производстве.

Три раза в неделю он совершал поездки в районные центры области. Проблема СПИДа на Украине превратилась для него в проблему даже более важную, чем написание картины.

Несмотря на убеждение молодежи, что поколение отцов произошло в условиях жестокости, большинство руководителей, оказывающих помощь ВИЧ-инфицированным, выходили именно из прошлого. То самое окаянное прошлое опять и опять протягивало руку помощи беспардонному беспечному будущему. Лицо будущего было неприглядным.

Молодая женщина, руководитель фирмы, смотрела на Франца холодными, пустыми глазами, и от ее слов ему по-настоящему становилось холодно.

— Лечить ребенка бесполезно. Не проще ли в последние дни окружить его любовью?

Как могла сказать такое женщина, мать, жена? Даже инквизиция считала своим долгом помогать обездоленным, активно занималась благотворительностью. Каким же должно быть “сердце” у этой изящной, любящей блеснуть “умом” молодой женщины?

Хозяин ломбарда, отец семейства на просьбу помочь ВИЧ-инфицированным детям, зараженным бытовым путем, безапелляционно заявляет: “Зачем их лечить, таких нужно уничтожать”.

Директор одного из городских рынков, владелец продуктовых супермаркетов, “убитый” болезнью родного человека, тем не менее заявляет: “Какая может быть благотворительность в этой разоренной стране?!”

“Странные люди, — думал Франц, — для всесильного властелина — времени — второго хозяина на земле после Бога, годы человеческой жизни — песчинка в безбрежности Космоса. Пройдет мгновение и вот ты уже на смертном одре. И тогда каждый из тех несчастных, которые уходя из этой жизни, взывали к тебе о помощи, явятся, чтобы с немим укором или с улыбкой посмотреть в твои глаза. Что ощутишь ты в тот момент, что ответишь на вопрос: почему был равнодушным?.. Подумай”.

ОПЯТЬ КРОВЬ

Поезд Москва— Акмола отправлялся с казахского вокзала. Приобретенное Василием оружие вынуждало к путешествию по железке.

Константин внутренне злился, но чувствовал, что Василий поступил правильно. Бывшие страны Союза теперь являли собой плацдармы, где действовали как вооруженные банды националистов, так и группировки обыкновенных бандитов.

Дорога была дальней. До Кустаная в обшарпанном вагоне пришлось провести почти трое суток.

Василий часами валялся на верхней полке и о чем-то размышлял. Харасанов перечитывал подшивки газет, купленных на перронах многочисленных вокзалов.

Баха Семенов небезуспешно убалтывал заспанных проводниц, проводя массу времени в служебных купе.

Российская и казахская таможи принесли Харасанову давно забытые чувства. Нервы напряглись до предела. Оружие обеспечивало большие неприятности.

Чувствуя состояние Харасанова, Василий его успокаивал:

— Брось психовать, Костя!.. Пистолеты я закурковал в подушке. Даже если найдут, можно будет отказаться.

Пограничники делали свой бизнес . Их интересовали больше громоздкие вещи, за которые вчерашние спекулянты, а ныне бизнесмены рассчитывались зеленой наличкой.

Толстая проводница мозолила глаза. Измотанный Баха отчаянно пытался провести последние часы на своей полке.

Василий прибегнул к старому приему.

— Я вижу вам понравился наш больной, — удивил проводницу загадочными словами. — Ну и как, у него еще не было приступа?

— Какого приступа? — она удивленно вскинула рыжие ресницы, блеснув голубизной поросячьих глаз. — Ваш Борис здоров как бык!

— Правильно, девушка. Я понимаю, что вы имеет ввиду. По этому поводу даже есть поговорка: “Ученых считают по головам, а дураков по х...”. Но вам необходимо знать: ваш и наш Баха болен маниакальной шизофренией. Везем его с больницы закрытого типа в обычную психушку.

От Златоуста до Кустаная проводница в купе не появилась. Все это время Баха крепко спал.

* * *

Пыльный город дремал в красных лучах восходящего солнца. Толстобрюхие аксакалы в железнодорожной форме важно разгуливали по перрону.

— Давай, давай, граждане, прахади, не задерживайся, — распорядился начальник вокзала, явно путая вокзал с колонией общего режима.

Баха, который был в Казахстане впервые, ликовал:

— Мужики, да здесь полно красавиц. Говорят, японки признаны самыми красивыми в мире.

— Какие японки, придурок? — рассмеялся Василий. — Это казашки. В городе они еще живут ниче, а у себя в аулах — мухи, вонь, болезни.

Баха удивился:

— По ним не видно, одеты классно.

— Сними с нее шмотки, там пуд грязи.

— А что, я бы снял. Никогда с азиатками не трахался.

Василий охладил его пыл словами:

— Запомни, Баха, казашки — мусульманки. Даже самая задрипанная из них с тобой в постель не ляжет. Другое дело кореянки — их тут полным-полно, и у них совершенно другой менталитет.

Баха поскреб голову.

— Кореянку так кореянку. Я согласен, только давай сначала разыщем сынишку Пашки Космакова.

Знание языка и основных черт философии казахов, первойшей из которых является любопытство, спасало их от многочисленных зевак. Но одежда явно подводила. Изысканная фирма отличалась от попугайных секондхендовских шмоток, в которые поголовно одет народ бывшего Союза.

Они остановились в гостинице “Турист”. Баха тут же принялся насиловать телефон.

Наконец абонент ответил. Баха театрально отбросил назад голову, затем приложил палец к губам.

— Да, да, из Санкт-Петербурга. Старый друг твоего отца, приехал купить что-то новенькое.

Разговор длился не больше минуты. Лицо Бахи сияло. Эти два обстоятельства Константина насторожили.

— Дело в шляпе! — сказал Баха. — Через полчаса к нам в номер привалит сынишка Пашки Космакова Булатик.

— Еще один Булат, — процедил Харасанов. — Казахстан без Булатов, что Россия без Иванов.

— Ну это понятно, — улыбнулся Баха. — Но почему еще один?

— У нашего общего с Василием знакомого Жарылгапова был братец, кажется, Булатом звали.

Василий настороженно блеснул глазом.

— А может это он?

— Не может. Космаков русский, а у Жарылгапова предки — казахи, в придачу с аристократического Джуза¹.

— И все же этот пыльный городишко мне не нравится. Все пялятся друг на друга, какой-то тихушный быт, — сказал Василий, и вытащил из сумки пистолеты.

Баха, который впервые увидел у них оружие, вытаращил глаза.

— Ну, мужики, вы даете! Не хватало мне париться в Карлаге. Да у вас денег море, зачем вам стволы? Действуйте бабками.

— Заткнись, Баха, — рявкнул Василий. — В душе ты барыга. Есть вещи покруче, где бабки не проконают.

— Какие вещи?

— Кровная месть, например.

— Вообще-то, да, я не подумал.

— В дальнейшем думай, и не пори косяков.

Мокрый, с полотенцем в руках, Харасанов вышел из душа.

— Не номер, а собачья буда — все слышно. Давай, мужики, перестрашуемся. Васек, бери ствол и спрячься в клоповник².

* * *

Маленький, серенький человечек кошачьей походкой прошел в номер, за ним ввалились еще трое. Без приглашения они уселись на диван, наступило тягостное молчание.

Такой прыти от визитеров они не ожидали. В этой сцене было что-то чисто гангстерское, густо наполнявшее кровь адреналином.

Интеллектуал по натуре, имевший в Штатах дело с людьми дипломатического склада, Харасанов чувствовал как его внутренности вновь заполняет угасший вулкан злобы.

— Кто из вас Булат Космаков? — мрачно спросил Харасанов.

— Ну я, пахан, — маленький человечек забросил ногу на ногу. — А чего так мрачно, не отдохнули с дороги?

— Вообще-то у нас должен был состояться разговор один — на - один. Зачем вы привели с собой людей?

— Эти ребята мои деловые партнеры. У меня от них секретов нет.

На партнеров тройка не походила. У мордovorотов явно были весьма своеобразные обязанности.

— Не тяни, пахан, гавари сразу, что хочешь купить и покажи бабки.

Картина вырисовывалась все больше. В первый же день они наткнулись на местную банду.

Десять тысяч долларов у Харасанова были в наличных, остальные он поместил на международную банковскую карту.

— А что ты мне можешь показать? Привез что-нибудь?

— Ну ты, пахан, даешь... Сначала ты засвети бабки.

Константин все понял. Скорее всего, это был не сын Космакова. Видимо, телефон Космакова прослушивался. В гостиницу приехали ребята, не имеющие понятия о полотнах.

Небрежным жестом Харасанов вытащил из кармана халата пачку долларов и показал пришельцам. Лица вспыхнули, глаза алчно заблестели.

— А теперь показывай, что привез? — улыбнулся Харасанов. — Где твой товар?

Маленький человечек паралитически дернул шей и под белым воротничком мелькнул фрагмент профессиональной татуировки.

— Мы, пахан, не привыкли прадавать! Этот город наш, сгружай бабки и чеши в свой Питер.

Один из троих наставил на Баху 16-й калибр двухствольного обреза. В руках у двоих были “макары” с набалдашниками на стволах.

— Может, передумаете, мужики? — улыбнулся Харасанов. — Где ваше мусульманское гостеприимство? Мы ведь у вас в гостях.

— Заткнись, козел питерский!.. Выкладывай остальные бабки, иначе опедерастим и отрежим бошки.

Крови Харасанов не хотел. Мелькнула мысль: “Преступника тянет на место преступления. Так оно и есть, опять Казахстан, опять смерти”.

— Эй, орелики, быстро поднять ручки, — раздался за спиной компании голос. — Стволы можете бросить на пол. Горничная еще в номере не убирала.

Все произошло мгновенно. Один из троих повернулся и выстрелил наугад. Пуля пробила фанеру полки для головных уборов.

Раздались два сухих щелчка. Тот, что стрелял, и верзила с обрезом повалились на пол. Баха совершил тигринный прыжок, но перестарался. Хилая шейка лжебулата хрустнула, глаза закатились. Третьего из налетчиков Харасанов оглушил ударом кулака в ухо. Единственный живой валялся на полу без сознания. Харасанов не хотел уходить, не получив хоть какую-то информацию.

— Выстрелов никто не слышал. У нас в запасе максимум двадцать минут. Ребят явно ожидают в холле, но, если учитывать, что нас могут пытать, — улыбнулся Харасанов, — пока не сунутся.

“Бультерьер” явно любил водные процедуры. После шестого погружения сознание возвратилось.

— Хочешь жить — отвечай, — сразу же приступил к делу Василий. — Куда подевался Булат Космаков?.. Он живой?..

Толстяк оказался крепким только внешне. Подбородок запрыгал:

— Жив-живой... У него в городе три магазина. Мы его контролируем.

Харасанов продолжил:

— Он знает о нашем приезде?

— Нет, мы прослушиваем его телефон. Космакова не было дома.

— Как называются магазины, чем он торгует?

— Ювелирные изделия, золото...

— С кем он живет — есть жена, дети?..

— Есть жена, детей нет.

— Точный адрес.

— Нуркена Абдирова, 44, трехэтажный особняк.

— Все, дорогой, ты нам здорово помог, — сказал Василий. — А теперь — прости, ты сфотографировал наши лица.

Харасанов отбросил стул, бросился к Василию.

— Стой!.. Не нада!..

Последовал сухой выстрел, верзила нырнул под воду в последний раз.

— Зачем ты это сделал?.. Почему ты такой кровожадный?!

Глаз Василия источал адский блеск. Белые губы дрожали.

— Для чего ты меня вытаскивал в Штаты?.. Для чего, я спрашиваю тебя?!

Двумя руками он схватил Харасанова за отвороты халата и рванул на себя.

— Чтоб опять загнать в казахстанскую зону?! Это быдло погубило в своей жизни самое малое пять человек. Столько же он изнасиловал женщин. Уверен, он крутился и с рекетом, и с ментами. Если бы я его не шлепнул, мы бы через три часа парились в “Белом лебеде”, так называется кустанайская тюрьма. А еще через неделю — на “четверке”. Так называется зона, которая расположена здесь, прямо в городе. Ты опять хочешь “присесть”?.. Вперед, я тебя не держу! Сходи в гостиничный кабак, дополнительно засветись.

Баха разволновался. Ему становилось страшно. Панически не хотелось в тюрьму.

— Мужики, будем сваливать, но куда?..

Харасанов понял, что Василий абсолютно прав.

— Извини, брат, я потерял голову. Что будем делать, у тебя больше опыта?

Василий двумя пальцами помассировал переносицу. Здоровый глаз раздирала жгучая боль.

— Собираем шмотки, выходим через черный ход, на “тачку” и — в Челябинск. До Челябинска на такси всего четыре часа. Там Россия, будем выезжать в Кустанай и возвращаться.

ПУТАНОЙ СТАТЬ ЛЕГКО

Опьянение обволакивало Ларису Бутулину все больше и больше. Пистолеты сначала испугали, затем привели в восторг. “Деловые всегда при оружии, — решила Лариса. — С такими ребятами можно не опасаться”.

Больше других ей понравился Алик. Хорошо воспитанный, сильный — он без конца приглашал ее танцевать. Гоша был несколько мешковат, а Петр, которому перевалило за тридцать, отпугивал пристальным взглядом и властными манерами.

После очередного танца Петр сказал Алику слова, которые ее по-настоящему испугали.

— Скелет, ты, кажется, увлекся. Эта телка моя, ты понял?

Воспитанный кавалер Ларисы на поверку оказался совсем не воспитанным.

— Да бери ее, шеф, хоть сейчас... На хрен она мне нужна!

Они говорили шепотом, но слух у Ларисы был отменным.

Эдик где-то околачивался, наконец появился. Он долго о чем-то шептался с Гошей, затем пригласил девушек в холл на перекур.

— Лариса, в тебя влюбился Петр, — сказал Эдик. — Ты хотела иметь много денег, вот твой шанс. У него в Румынии и Венгрии свои фирмы.

Она запротестовала:

— Он мне совсем не нравится. Если бы Алик...

— Алик — щенок, и на побегушках у Петра. Они оба у него на побегушках.

Этого она не ожидала. Ей очень хотелось уйти с Аликом.

— Откуда ты знаешь? Я тебе не верю.

Бедро пронзила резкая боль. Щипок Ольги немного отрезвил девушку.

— Она согласится, Эдик. Оставь нас вдвоем.

Когда сутенер ушел, девушка обняла Ларису.

— Соглашайся, дурочка. Поверь мне, у этого клиента можно попросить тысячу долларов за ночь.

Лариса испуганно вырвалась из объятий.

— Какого клиента, что ты имеешь в виду?

Теперь разозлилась Ольга.

— Как называется твоя деревня?.. Деревня дураков?.. Эдик самый известный сутенер в городе. Он дает тебе заработать, а ты ломаешься.

Лариса все поняла, и безвольно села на диван. Захотелось воды.

— Так мы проститутки?.. А как же шоу-бизнес?..

Ольга расхохоталась:

— Шоу-бизнес, агентство моделей... Какая разница? Все сводится к проституции, только названия разные. Не будь душой, чтоб не пожалеть. Завтра утром у тебя будет штука.

Алкоголь притупил чувства и смазал реальность. Слова о тысяче долларов вышли на первый план. “Такие деньги у себя в деревне не заработать за два года...”

— Но у меня был всего один парень, я боюсь...

— Небось, в стогу с ним барахталась, а напоследок он у тебя попросил пачку “Примы”...

Лариса внимательно посмотрела на Ольгу и неожиданно расхохоталась.

— Откуда ты знаешь, он действительно попросил у меня денег, но на пиво.

— Как же иначе, подруга, в этой стране настоящих мужиков всего два процента, остальные — побирушки.

— А кто в этом виноват? — зло спросила Лариса. — Ответ ты знаешь?

— Знаю!.. Виноваты ребята, которые правили нами с 1917 года. Вернее, те, которые пришли к власти в 70-х годах. Превратили страну в подпольный бардак. Сами с любовницами на курортах, а жены вместо них решают государственные вопросы. Директор завода с Астрахани везет икру, снабженец из Якутии камушки¹, председатель зверосовхоза — шкурки песка. Когда пришла перестройка — бросили народ и одним махом перекрасились в господ. Поэтому приходится таким, как твой парень из деревни дураков, работать бесплатно, а таким как мы — зарабатывать передком.

В холле появился Петр. Зеленые глаза струились светом желания.

— Почему леди ушли?.. Прекрасная музыка, много вина — нужно гулять.

Его русская речь была странной, носила иноземный отпечаток. Массивные перстни, усыпанные бриллиантами, излучали богатство. Лариса решилась.

— Перекур окончен, пойдём, Петр, кутить.

Губы румына скривились в подобие улыбки.

— Это мне нравится. Знаешь, оказывается в нашем ресторане есть шестизвездочный грузинский коньяк.

* * *

Гостиничный номер румына, средненький по европейским понятиям, произвел на Ларису огромное впечатление. Вычурная мебель, на которой стояли вазы с цветами, огромный бар, залитый сверкающими бутылками различной конфигурации, чистая ванная комната, после европейского ремонта еще не изуродованная отечественным клиентом — все выглядело шикарно.

Руководствуясь напутствиями Ольги, Лариса скрыла восхищение и пошла ва-банк.

— А теперь извини, Петр, мое личное время на сегодня окончено. У меня еще впереди работа, которую я не сделала.

Глаза румына сверкнули сталью.

— Сколько тебе должны заплатить за работу? — спросил он, притягивая девушку к себе.

— Пятьсот долларов... Я выступаю в шоу.

— Плачу тысячу пятьсот, — выдавил Петр, и бросил на стол пачку купюр.

Ее кожа была упругой и бархатной, абсолютно отличалась от кожи дорогих женщин, которых он покупал в борделях Америки и Европы. Прошедший отличную школу в искусстве любви, он мгновенно нашел ее аэрогенные зоны. Румын стал на колени возле огромной кровати, развел ноги девушки и начал марш языка, который был нескончаем, вскоре охватил полностью изумительное тело девушки. Грудь Ларисы бурно вздымалась, и вдруг замерла, охваченная этим огненным маршем.

Через десять минут тщательной подготовки, желание девушки было столь сильным, что она не выдержала и, всхлипывая, обхватила шею румына. Эта ночь стала для Ларисы ночью, послужившей началом ее новой жизни, которая в итоге принесет девушке нескончаемый шлейф страданий и бед.

КУСТАНАЙСКИЙ ЮВЕЛИР

Поспешное бегство из Кустаная Харасанова раздражало. Анализируя последние события, он пришел к выводу, что поступил опрометчиво, вновь возвратившись в эту страну.

“Неужели я авантюрист? — думал Харасанов, — Ведь для меня важен не столько результат приобретения полотна, сколько сам процесс его добычи”.

Сердце подсказывало, что это именно так. В его крови явно есть примесь крови неизвестного дальнего предка бродяги-пирата, живущего вечным риском.

По настоянию Василия, прежде чем опять посетить Кустанай, в Челябинске они провели десять дней. Харасанов по этому поводу отпустил колкое замечание:

— Чувствуется, Васек, что ты во время отсидок всегда мечтал о побеге. Все у тебя сводится к десятидневке... На десять дней берем продуктов, на десять дней заказываем номер, через десять дней поедem в Кустанай...

Василий не обиделся.

— Ты прав. После побега зэка из лагеря оцепление на рабочем объекте снимают десять дней спустя. Это крепко засело в моей башке.

Баха и Константин рассмеялись. Замечание попало в точку.

* * *

Пригородный поезд Челябинск—Кустанай пересек русско-казахскую границу.

Шустрые таможенники проверили документы, содержимое сумок и вежливо откланялись. Американцы пока были редкими гостями в этой части бывшего Союза. Значки волонтеров “Красного Креста” освобождали от более тщательного досмотра.

Словно разведчики в годы оккупации, по городу они ходили отдельно. Гордость Кустаная — школа милиции — ежегодно выбрасывала за свои стены сотни бездельников, большее количество из которых, благодаря баранам, оставались в городе. Откормленные юнцы при погонах группами мотались по городу, придираясь к каждому, с их точки зрения, подозрительному человеку.

Неподалеку от гостиницы “Целинная” находился ювелирный магазин. На правах старого знакомого внутрь вошел один Баха.

— Мне бы поговорить с хозяином. Если не ошибаюсь, его фамилия Космаков?

— Не ошибаешься, дорогой, — словно из-под земли появились два охранника в камуфляжной форме. — Издалека, земляк, приехал?

Баха опешил. Отношение к покупателю здесь напоминало отношение к подследственному следователя в “Крестах”.

— Какое вам дело, парни? Зовите Булата Космакова, я его старый знакомый.

Здоровенные казахи не унимались.

— Назови свою фамилию, мы ему доложим.

Баха едва подавил нарастающее бешенство.

— Борис Семенов из Санкт-Петербурга.

Глазок и микрофон невидимой камеры сработали мгновенно. В помещении появился невысокий человек с острым лицом и близко посаженными волчьими глазами. Не будь это лицо молодым, Баха узнал бы в Булате его отца Павла Васильевича Космакова.

— Здравствуйте, уважаемый, пройдите в мой кабинет.

Фешенебельный кабинет поражал роскошью. Парчовая драпировка на окнах, кожаные диваны говорили о процветании фирмы.

— Присаживайтесь, любезный. Желаете сделать покупку? Что-либо экзотическое с Востока?..

— Казахстан — еще не восток, — проявил Баха немалые географические познания. — Но покупку действительно желаю сделать. Ваш покойный отец — Павел Васильевич — некоторое время продавал мне весьма интересные полотна. Возможно, предчувствуя свою смерть, он предложил мне продолжить дело с вами — его сыном.

— Повторите вашу фамилию, — мертвым голосом сказал обладатель уникальных глаз. — Как вас величать, и какое название носила последняя картина, приобретенная вами у моего отца?

— Мою фамилию вы уже знаете, тем не менее, я — Борис Семенов, известный в определенных кругах под кличкой Баха. Что касается полотна, оно носит название “Штиль у берегов Ямайки”.

— Кто автор? — как-то злобно спросил ювелир.

— Пардон!.. Обычно сначала называют автора, запомню, — жеманно сказал Баха. — Художник — ныне покойный и всем известный господин Айвазовский.

Ювелир молча поднялся с кресла. Открыл сверкающую дверцу бара.

— Припоминаю. Отец мне о вас говорил. Давайте его помянем, и скажите что именно из его коллекции вы желаете приобрести.

Коньяк поражал запахом и вкусом. От жидкости в рюмке исходил запах анжери, усаженной цветами всех широт.

— Ваш коньяк — что-то невероятное. Где вы его приобрели? Назовите марку.

— Не назову, потому что не знаю. Он хранился сначала в подвалах Шлимана¹, а затем попал ко мне.

“Хорошо живут казахстанские миллиардеры, — подумал Баха. — А еще совсем недавно лакали кислый кумыс”.

Он попросил налить еще.

— Не увлекайтесь, Баха. Последствия принятия этого напитка неизвестны. Возможно, через минуту-вторую нас постигнет участь жителей Трои, или ученых, рискнувших изведать “черной похлебки”, столь любимой древними спартанцами.

— Что вы имеет ввиду? — похолодел Баха. — Не хотите ли сказать, что вы меня отравили?

Маленький человек расхохотался. Из волчьих глаз побежали слезы.

— Успокойтесь, дорогой, я пошутил. В последнее время шутки такого рода успокаивают мои нервы.

— Плохие шутки. Предпочитаю от смерти держаться подальше, — сказал Баха.

— Но ведь дней десять тому назад вы были от смерти на волоске .., не так ли?

— Что вы имеет ввиду?

— Отвечу. Ваши приключения в гостинице “Турист”. Ведь это вы и ваши друзья отправили на тот свет четверых. Не скрою, для меня с вашей стороны это оказалось большой услугой. Но приступим к делу. Полотно какого художника вас интересует? Век, название картины?

Этот человек был уникален во всем. Гибкий ум, интеллект говорили: иметь с ним дело совсем небезопасно.

— Век XX –й полотно малоизвестного художника Бялковского “Революция на Земле глазами марсиан”.

— Ч-ч-то?!. Я не ослышался? — изумился ювелир. — Но ведь это полотно не может быть продано, оно ...

Космаков вскочил с кресла и порывисто приблизился к Семенову.

— Откуда вы узнали о его существовании? Отвечайте!

К резким переменам, происходящим с этим человеком, Баха начал привыкать. Тем не менее, нервный всплеск, возникший в тот момент, был непонятен.

— Все продается и покупается, господин Космаков - младший. Ваш отец преспокойно сплавлял мне полотна Сурикова и Поленова, Пикассо и Рембрандта...

Космаков сделал жест и сказал слова в той последовательности, от которой Баху бросило в жар.

— Стало быть, вам позарез нужна только эта картина? — провел ребром ладони ниже подбородка.

“Черт возьми, да он унаследовал от папаши и слова и жесты”, — удивился Баха.

Это смачное “стало быть” и классический жест пиратов — были неотъемлемой частью Космакова -старшего.

— Покупка картины ваша идея, или в деле замешаны те двое? — продолжал Булат.

Баха скривился.

— Они лохи, богатые американцы союзного происхождения. Что я им всуну, то они и проглотят.

— Но откуда вам известно о приобретении этого полотна моим отцом? Вы так и не ответили.

— Зачем так нервничать? — спросил Баха. — В Киеве на выставке я встретил автора этой картины, — обманул Баха, — Франца Бялковского. Он рассказал, что полотно у него реквизировали в 70-х годах, и он хотел бы его вернуть. Предложил сто тысяч.

— В каких деньгах, — осведомился Космаков, — гривнях или фунтах?

— Не иронизируйте, Булат, — рассердился Баха. — Гривня будет повыше российского рубля, да и вашего тэньге тоже.

— Но вы не ответили.

— В фунтах, конечно, — опять солгал Баха.

— Я вам дам сто тысяч фунтов, и сегодня - же убирайтесь вон из Казахстана. Эта картина мне дорога, как память об отце, его последний подарок сыну. Так что соглашайтесь, пока я не раздумал.

В мозгах Санкт-Петербургского барыги пронесся вихрь порочных мыслей. “Сто тысяч фунтов — это же целое состояние. Господи! Неужели такое возможно?!”

— Принимаю, только наличку, — безапелляционным тоном заявил он. — Платите хоть сейчас, и сегодня мы свалим.

Через пять минут Булат Космаков вынес портфель и выгрузил на стол целую гору пачек к с изображением на купюрах милейшей в мире женщины.

— С вами приятно иметь дело, — воркующим голосом произнес Баха. — Но, скажите честно, что с вами происходит?

Космаков поморщился.

— Не философствуйте, как вас там, Баха. Вы освободили меня от Лени Рыжего, здешнего бандита. Уже за одно это можно хорошо заплатить. И еще. Мне не нужен шлейф визитеров из Санкт-Петербурга. Скажите своим, что полотна у меня нет, оплатите, наконец, дорогу в Штаты, и на этом конец.

Баха прекрасно понимал, что молодой Космаков чего-то недоговаривает, но больше искушать судьбу не стал. О таких деньгах он даже не помышлял. Единственной его задачей теперь было обмануть Василия и Константина.

— Хорошо, но у меня к вам есть просьба: пусть ваши ребята вывезут меня на хорошей машине за город. Мне необходимо от американцев оторваться хотя бы на два часа.

* * *

В ста метрах от ювелирного магазина на противоположной стороне улицы стоял зеленый “Жигуль”. Константин Харасанов и Василий Коваленко внимательно слушали беседу между Борисом Семеновым и Булатом Космаковым.

— Как тебе наш Баха? — процедил Василий. — Завалю барыжную рожу, гадам буду!

— Ты, как всегда в последнее время, поришь горячку. Отсидел полжизни и не перестаешь удивляться подлости барыг. Лучше давай поразмыслим над загадкой. Кажется, с этим полотном связано что-то другое, покрытое тайной. Космаков не стал бы давать полмиллиона фунтов проходимцу, будь он человеком думающим только о деньгах. Уверяю, за этим что-то стоит...

Василия не переставала мучить моральная сторона поступка Бахи.

— Но, скажи, Костя, какая скотина! Если-бы я ему не присобачил жучок, он бы нас точно обкатал.

— Да замолчи ты наконец. Кабы да кабы... Баху необходимо хорошенько пугнуть и отправить в Питер. Он барыга, а у барыги не хватит духу стать нам на дороге.

Василий раздраженно массировал переносицу. Прodelка Бахи в его понимании требовала немедленных действий.

— Неужели мы сейчас его отпустим? Ты в своем уме?

— Я этого не говорил, но за джипом нашей тачке не угнаться.

— Так что же, черт побери, делать?

— Пересядем в такси. Напротив, через дорогу, стоит “Форд”.

Черный джип тронулся с места, мгновенно набрал скорость и ушел далеко вперед.

Таксист беспристрастно заметил:

— Машина сильная, но не скоростная. Далеко не уйдет.

В микрофоне раздался треск, затем они услышали диалог Бахи с невидимым водителем:

— Через пять минут зайдет солнце. У вас темнеет быстро.

— Это точно, но куда держим путь, шеф?

— В Семиозерный район на станцию Аман Карагай... Это далеко?

— Прилично, шеф, минут тридцать пилить придется.

Василий положил руку на плечо Харасанова.

— Бахе плевать на документы и шмотки в гостинице. Тикает сука!

— И на нас тоже плевать, — заметил Харасанов. — Ладно, Васек, делай с ним, что хочешь.

Таксист с опаской посмотрел на клиентов. Что такое ненужный свидетель он знал хорошо.

— Ты, брат, не бойся, — сказал ему Харасанов. — Тот козел, что в джипе, увез мою сестру за границу и продал. Что с такими делают?

— Сутенер, что ли?

— Точно, не одну душу загубил.

— Тогда его нужно одеть на х..., а потом оторвать голову.

— Нет, убивать мы его не станем, — продолжал Харасанов, — отоварим и сдадим в милицию. Мне еще надо сестру отыскать.

На станции Баха отпустил джип и направился в хорошо освещенный бревенчатый домик, на котором красовалась вывеска с надписью: Готель “Айша-биби”.

“Оригинально”, — процедил Баха и вошел внутрь.

Василий с Константином укрылись в тени огромных сосен.

— Сейчас он выйдет, — сказал Константин — пойдет наводить справки об отправлении ближайшего поезда.

— Откуда ты знаешь? — чмыхнул Василий. — Телепат, что ли?

— На юридическом курсе психологии прошел отлично. Впрочем, не нужно быть психологом, чтобы понять: основная задача нашего Бориса — сбежать от нас подальше.

Через сорок минут дверь гостиницы открылась. Из гостиницы вышел джентльмен в черном костюме при галстуке и шляпе.

— Ты поспешил с выводами, Костик. Думаю, Баха принимает ванную, если у них имеется горячая вода.

— Да нет, Васек, я не ошибся. Это и есть наш Семенов. Успел у кого-то в карты выиграть шмотки, а может и увел.

Вместо кейса у Бахи был уже шикарный портфель.

— Так, Васек, внимание. Хомутаем его на повороте в конце аллеи. Будь внимателен: он хорошо владеет карате. Лучше всего долбани тэтэшником по башке.

Когда Баха поравнялся с деревом, Василий, словно обиженная долгим бездействием, пружина выскочил и ударил его рукояткой пистолета по голове.

— Вяжи ему руки и тяни в лес, — сказал Харасанов. — Посмотрим, что запоет эта птица.

Сознание возвратилось быстро. Баха очумело вертел головой, пытаясь осмыслить происходящее.

— Где ..., где я ..., вы кто?

— Мы того ..., лесные гномы, — наклонился Василий и осветил фонариком свое лицо. — Пришли познакомиться с новоявленным Рокфеллером.

Харасанов включил запись разговора Бахи с ювелиром.

— Ну и как, узнал гномов? — спросил Харасанов.

Баха молчал. Василий передернул затвор береты.

— Не ходить тебе больше, дорогой, по Невскому, не бродить с любимой белыми ночами по набережной.

Баха взмолился.

— Мужики, забирайте бабки, но не убивайте. Бес попутал, гадам буду!

— Я в бесов не верю, — сказал Василий. — Они нам только снятся.

— Но почему? Васек, думаю, ты ошибаешься, — возразил Константин. — Бесов на земле сколько угодно, и вот один стоит на коленях, — пнул Баху носком ботинка.

— Мужики, не убивайте, я вам еще пригожусь.

— Пригодишься, если рот пошире откроешь! — рявкнул Василий. — Ты, бес поганый, с самого начала задумал нас прокатить!

Константин почувствовал: еще мгновение и Василий Баху пристрелит. Крови больше не хотелось.

— Чем пригодишься, говори?..

— Я много думал, и понял: это не сын Космакова Булат, а сам Пашка. Гадом буду, это сам старик, но выглядит он на тридцать лет.

Удивленные они молчали. Баха понес ахиною, граничащую с безумием. “Возможно, таким образом он хочет спасти свою жизнь?”

Василий не выдержал:

— Что ты буравишь, бес? За кого нас держишь?

— Мужики, клянусь, это сам дед. Я видел раньше его сына, у того на правой руке нет пальца. Глаза голубые, как море на картинах Айвазовского. У деда глаза зеленые. Походняк тот же, базар тот же, — перешел на жаргон. — Одного не пойму: как он сумел помолодеть?

Чувствовалось, что Баха говорит правду. Сто тысяч отступного непонятно за что подтверждали вывод.

— Так, что ты предлагаешь, что хочешь этим сказать? — спросил Баху Харасанов.

— Думаю, у деда десятки миллионов. Он хочет скрыть какую-то тайну, и решил подешевле откупиться.

Василий презрительно сказал:

— Ты сам, говнюк, дешевка. На эти деньги можно купить сотню тебе подобных

Баха молча проглотил обиду.

1-Шлиман археолог который открыл Трою

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ.

Верность Грея не укладывалась в дубовых головах прапорщиков и солдат. Все без исключения удивлялись этому животному.

Там, на свободе, у Нины Золотоножки было три собаки.

Два дога и один английский бульдог для маленькой Жмеринки были редкостью. Что касается Грея, который ожидал свою хозяйку у стен тюрьмы, — это был здоровенный дог мышинной масти, преданный и надежный.

Золотоножка любила собак и общалась с истинными знатоками и владельцами четвероногих друзей. Однажды Нине на выставке собак в Виннице довелось познакомиться с таким человеком. Игорь Однорог, весьма достойный, имеющий немалые связи, помогал Золотоножке в подборе элитных пород. И не только... Немалым было удивление Золотоножки, когда в первые же дни заключения ее посетил адвокат - легенда Подолья - Владимир Мультиян.

Хорошо иметь много друзей. Игорь Однорог, узнав, что произошло с Золотоножкой, нанял ей этого человека для защиты. После камерной резни впервые Золотоножка осталась одна. Ее поместили в одиночку, а камеру расформировали. Но после многодневных допросов администрация все же выяснила, что в ночном побоище участия Золотоножка не принимала.

Жутко и грустно в тюрьме быть одному. Сначала одиночество кажется спасением... Тишина, возможность отдохнуть несколько успокаивают нервы. Но по истечению 10-15 дней тишина медленно, медленно заполняется странными звуками. Появляются шумы, которые не прекращаются ни днем ни ночью. Они постепенно нарастают, становятся громогласными и режут ушные перепонки. Откуда эти шумы никто не знает. Доктора считают, что происходят изменения в психике человека, верующие - что начинаются козни дьявола. Если исходить из того, что одиночка предназначена как наказание, вероятнее всего, правы верующие. Но ничего не бывает вечным. Вскоре ее опять переводят в общую камеру и сразу же весточка от друзей. Адвокат на словах передает привет, а прапорщики посылку от Оли и Юрия Ильницких. Проходит время и опять поддержка от личного парикмахера и, фактически родственницы по кумовству, Таи.

Что значит в тюрьме поддержка с воли? Думаю, исчерпывающе на этот вопрос сможет ответить только тот, кто был в заключении. В момент весточки от друзей сердце наполняется радостью, человек вскакивает с нары и старается поближе находиться к стальной двери. Ему начинает казаться, что она откроется и последует, к примеру, приказ:

- Никифорова... на выход с вещами!!!

Но, к сожалению, весточка от друзей это еще не свобода. Быть или не быть ей свободной решают другие люди, которым, по большому счету, наплевать на твои страдания. Зачастую они прикрываются законом для собственного обогащения или продвижения по служебной лестнице. Именно по такому принципу Нина Золотоножка оказалась в тюрьме. Подчеркивая этот факт, автор желает сказать, что подобный вывод основан на опросе множества жмеринчан. Опрос проводился журналистом по принципу соблюдения независимого мнения. Ответы людей звучали приблизительно так: "Вы про Нинку Золотоножку..? Так ее же подставили!" Трудно себе представить, чтоб женщина смогла купить хорошее мнение о себе у тысяч опрошенных.

А сегодня Нину Никифорову в очередной раз привезли на суд в город Яр.

- Владимир Владимирович, - обращается Нина к адвокату, — скажите, дорогой, в который раз меня сюда привозят? Говорю честно, я со счета сбилась. Мультик улыбается профессионально, только уголками губ. Глаза остаются озабоченными, лоб наморщен.

- Ох, Нина, - думаю, раз в двадцатый. Крепко они в вас вцепились, не хотят отпускать. Как то так получилось, что для кое кого посадить вас стало делом чести. Он тут же вносит поправку:

- Я имею в виду, идеей фикс. Чести у таких людей нет и быть не может. Нина вздохнула.

- Владимир Владимирович, но мне от этого не легче. Сил с каждой поездкой становится меньше. А самое гадкое, это приходится повторять одно и то же. Постепенно перестаешь верить самому себе. Мультиан опять улыбается и ложит ей руку на плечо.

- Нина, неужели вы не понимаете — у них на это все и рассчитано. Система отработана столетиями до мелочей. С одной стороны — давление тюрьмой, с другой — изнурительные допросы, где основной элемент внушение. Есть масса случаев, когда в процессе этой мясорубки люди сходили с ума или кончали самоубийством. Но вы, Нина, у меня ассоциируетесь почему-то с образом сильной женщины... Джен Эйр, например. Ничего ее не могло сломить. На лице у Нины появилась ироничная улыбка.

- Хитрец вы, Владимир Владимирович. Свои проблемы потихоньку перекладываете на мои плечи. Не бойтесь, я не повешусь. А вот вы пошевелитесь. Ведь меня сюда этапируют в двадцатый раз а вы, дорогой, из золотой пятерки адвокатов.

Мультиан ее слова пропускает мимо ушей.

- Думаю, Нина, на этот раз не ошибусь если скажу, что вас выпустят на днях. У них действительно на вас ничего нет.

ИЗВРАЩЕНЦЫ

Перевод в новую камеру для Нины Никифоровой, со странным прозвищем ЗОЛОТОНОЖКА, не был сопряжен с трудностями. Когда она переступила порог с “ватой” под мышкой, так называют в украинских тюрьмах спальные матрасы, последовал выкрик.

- Девки, да это же Золотоножка... Ее мне при выводе на прогулку показывали!

Как по мановению волшебной палочки для Нины освободили нижнюю койку, заварили чай.

- Слышали мы и про тебя и про вашу хату, где вы завалили козлик этапированных, — подседа к Никифоровой зэчка в авторитете.

- Ну, допустим, про резню в 45-ой хате весь централ знает, а про меня лично откуда? - спросила Нина.

- Я с Ингой в вокзальной хате два дня просидела. Она мне про тебя рассказывала. Попросила, если встретимся — дать поддержку.

Нина горько улыбнулась.

— Когда Инга уходила по этапу, она просила Мери давать мне поддержку. Мери уже нет в живых. Так что ты, дорогая, держись от меня подальше.

Сильной, с орлиным профилем зэчке ее слова не понравились.

- При чем здесь ты и смерть Мери? Она пострадала не из за тебя. Вся ваша хата, кто остался в живых, должны за Мери молиться. Если бы не впряглась Мери, те коблихи вас точно опустили. В Казахстане полный беспридел, а они из тамошней зоны, что возле Караганды. Карлаг — это отголосок сталинщины. Золотоножка подумала, и пришла к выводу, что ее новая знакомая, которую звали Вандой, права.

“Связывать смерть Мери и свое пребывание на центральной глупо”. В этой камере царили свои порядки. Тот возможный предел моральной и физической чистоты, который в прежней камере поддерживали Инга и Мери, отсутствовал. Когда наступило время отбоя, женщины как-то странно засуетились и начали развешивать серые простыни, чтоб отделить одну нару от другой. Золотоножке послышались мужские имена, а через некоторое время она убедилась, что там, за простынями, действительно произносились мужские имена. Это был камерный секс, или, проще сказать, извращения, которые культивирует правящий класс, лишая человека свободы.

“Толик, работай глубже языком” -слышалось за простыней справа. “Витек, раздвинь ножки шире я возьму...обхвати меня за талию...”

Нина в ужасе натянула одеяло на голову, сожалея в тот момент, что она не глухая. Ей не верилось, ей даже не приходило в голову, что все происходит именно так: просто и деловито.

Еще через мгновение Золотоножка почувствовала что-то непонятное, происходящее у ее ног. Резким движением она сбросила одеяло с головы и увидела красивую шатенку, которая голая стояла на ее койке. Безмянный палец девушки производил ритмичные движения в половом органе. Томно прикрыв глаза, она прошептала:

- Золотоножка, я тебя хочу. Увидишь, мы друг друга классно удовлетворим.

Цепко ухватившись руками за железные боковины койки, Золотоножка напрягла тело и, что есть силы, ногой ударила лесбиянку в лицо. Девушка, сметая на пути навесной шкаф, разметаю ложки, миски, кружки полетела на парашу.

Камера всполошилась. Из-за развешанных простыней появились злые лица женщин.

- Вы че, суки, кайф ламаете!?! - послышалось слева и справа. - Че не поделили..? Она тебе не нравится Золотоножка? - сказала Ванда. - Бери другую.

Бледная, словно полотно, Нина сидела на наре и тяжело дышала. Позднее, уже на свободе, припоминая этот случай, она еще и еще раз убеждалась, что тогда ей по настоящему было страшно. Страшно не от того, что одна из зэчек предложила ей занятия извращениями, а от того, что все люди в этой камере, которые олицетворяли на тот момент для нее сообщество людей, так далеко ушли от Бога. Ведь ни один человек в этой камере не сказал:

- Люди! Что вы делаете!!? Это все противоестественно! У вас есть отцы, есть или будут мужья, дети. Как сможете вы после освобождения смотреть им в глаза!?

Эту ночь Золотоножка не спала. Утром ее вызвали к адвокату. Периодически прижимая руку к области сердца, чувствуя колики и задышку, она побрела длинным коридором.

ВИЗИТ БУЛЬТЕРЬЕРОВ

После очередного всплеска событий, каковыми в этом городе является, к примеру, приезд очередной шоу-звезды или убийство зажавшегося барыги, город Жмеринка отдыхал.

Молодежь, как и пятьдесят лет назад, гуляла по перрону всех шести платформ, съедала пирожок с горохом, а кто побогаче, отправлялся в заведение Игоря Якубовича “Рилакс” выпить чашку кофе и послушать хорошую музыку.

— Как ты думаешь, Франц, эти фотографии соответствуют действительности? — спросил Юрка Мазур по прозвищу Малыш у Франца, указывая на пейзажи Жмеринки до 1917 года. — Где Якубович их раздобыл, не знаешь?

— Не знаю, Малыш, где раздобыл, но выглядят они вполне правдоподобно. Созерцая эти фото, клиент в воображении проходит путь от лошадки до суперэкспреса, и тихо радуется в ожидании горячего блюда.

— Я не радуюсь, — раздраженно возразил Малыш. — У нас в городе уже вторую неделю не работает сауна.

Франц заметил:

— Но ведь ты, Юрок, в этом городе являешься исключением. Спортсмен, любитель девушек, предприниматель — все в одном лице. Успокойся, углубись в старину. Посмотри на эти домики, улицы — эк-зо-ти-ка. Ведь прошлое всегда с нами.

Юрка Мазур махнул рукой, выпил стакан “Боржом” и вышел на улицу.

* * *

Ставшее знаменитым полотно Франц хранил дома. Сначала была мысль абонировать в банке сейф, но для Жмеринки 2011 года эта идея выглядела до нелепости смешной.

Наташа постоянно находилась в Виннице. До окончания учебы оставалось три месяца. Он радовался ее успехам, и старался от учебы не отрывать

Работа над новым полотном продвигалась медленно. Словно влюбленный юноша, пишущий девушке письма и тут же их уничтожающий, Франц изводил сотни листов в поиске божьего зерна.

Люди физического труда, как правило, были далеки от его мучительных переживаний. После одного-двух сеансов они начинали смотреть на художника скептически: “Узнаю, рожа моя, чего тебе еще парень нужно?” Но для удачного штриха, в корне меняющего полотно, необходимы тысячи эскизов. И лица людей, производящих продукцию для сотен тысяч себе подобных, все же ложились сначала на бумагу с чуть насмешливым выражением глаз.

Поздно вечером, когда Франц изнемогал над отработкой одного из фрагментов полотна, в квартире раздался звонок.

За дверью стояли двое. Лицо мужчины показалось Францу знакомым.

Визит Артема Фляжникова, журналиста и коллеги по фонду, несколько удивил. Одного взгляда художника было достаточно, чтобы понять: визит носит не случайный характер.

— Ради Бога, извините, но обстоятельства вынудили посетить вас неотлагательно, — сказал Фляжников, и попросил разрешения войти.

— Д-да, конечно, раздевайтесь, но что случилось?

Они прошли на кухню, Франц прикрыл дверь.

— Для начала, Франц, у меня есть огромная просьба личного характера, — продолжил Фляжников, — покажите мне полотно “Украинские Афины”. Не в службу, а в дружбу.

— И вы за этим приехали? — улыбнулся Франц. — Сейчас принесу.

Они долго рассматривали полотно, не произнося ни слова.

— Ну и как? — обратилась девушка к журналисту. — Вы убедились в моей правоте?

— Убедился, Галина. Безусловно, полотно — шедевр.

— Это я уже слышал, ребята, — раздраженно сказал Франц. — Меня интересует истинная причина вашего визита.

— Конечно, Бялковский. Сейчас вы все узнаете.

Журналист вытер платком мокрый лоб, присел на табурет.

— Все дело в том, что вам угрожает реальная опасность. Кстати, прошу прощения, познакомьтесь — Галина Одинцова, киевский, а теперь винницкий искусствовед.

Девушка расскажет вам много интересного.

Она нисколько не драматизировала, и Франц понял: за его полотном начинается настоящая охота. Защитить его здесь, в Жмеринке, власть вряд ли сумеет. Необходимо самому искать выход.

Из раздумий его вывел голос Фляжникова.

— Предлагаю два варианта: отдать полотно под охрану соответствующих органов или абонировать в банке сейф для той же цели.

Франц скептически посмотрел на Артема.

— Завтра весь город будет показывать на мою пятиэтажку пальцами, восклицая: “Здесь живет миллионер Бялковский!”. Этот вариант отпадает.

— Тогда второй...

За дверью послышался шум, затем раздался короткий звонок.

Галина испуганно прижала руки к груди.

— Думаю, нам придется применить третий вариант, — сказал Фляжников, — они уже здесь.

Растерянный Франц подошел к двери. Артем прижал палец к губам, сжал Францу плечо. После третьего звонка за дверью раздался сиплый голос:

— Хозяин, вам телеграмма с Москвы.

Франц попытался отстранить журналиста.

— Это от Харасанова ..., не бойтесь, ребята.

Теперь Фляжников сжал его плечо мертвой хваткой. Боль электрическим разрядом пронзила шею.

— Да вы что, отпустите плечо, — разозлился Франц. — Принесли телеграмму от моих друзей.

— Уточните от кого телеграмма ... Спросите фамилию отправителя.

За дверью послышалась возня.

— Фамилия написана неразборчиво, чего тянешь хозяин? Сам прочитаешь.

Фляжников отпустил плечо художника, склонился над большой спортивной сумкой. Через секунду они увидели у него в руках короткоствольное помповое ружье. Франц опешил.

— Да вы очумели, Фляжников. Не вздумайте стрелять!

Журналист сделал шаг вперед и направил ствол на дверь.

— Ружье зарегистрировано. Сейчас произойдет то, что квалифицируется как самозащита.

Огромной силы удар легко, как былинку, сорвал дверь с петель. В спальне закричала мать.

Двое в масках, вооруженные пистолетами, попытались проникнуть в помещение. Выстрел дуплетом прозвучал громогласно, словно из гаубицы.

Первому из бандитов картечь вспорола живот, словно цыганский плуг целинную землю. Второй, зажимая простреленное плечо, уносил ноги в неосвещенную глубину подъезда.

* * *

Петр Мунтяну без конца одергивал белоснежный манжет, поглядывая на циферблат роскошного “Ролекса”. “Время вышло! Что делать? Если они в милиции, никто не даст гарантию, что Алик и Гоша станут держать язык за зубами. Тогда вместо картины и родной Сучавы придется пилить срок в каменоломнях Сокерян”.

Петр позвонил в справочное бюро железнодорожного вокзала и узнал в котором часу отправляется ближайший поезд на Кишинев.

После двенадцати дня тревога переросла в паническое состояние. Румын метался по номеру, без конца выглядывая в окно.

Еще через час, после часу дня, Петр вытащил из шкафа добротный чемодан и начал собирать вещи. Предчувствие опытного человека подсказывало, что необходимо уносить ноги.

Телефон жалобно пискнул, затем издал короткую трель. Петр схватил трубку.

Звонила позавчерашняя девица, кажется, Лариса или Людмила.

Голос девушки его немного успокоил. Проведенная с ней ночь была действительно удивительной. Девушка просила встречу повторить.

— Петр, вы меня не забыли?.. Очень хочу опять с вами встретиться.

— К сожалению, милая, сегодня не могу, дела.

Она помолчала, затем сказала обиженно:

— Вы обещали увезти меня за границу ... уже забыли?

Он хорошо помнил свое обещание. Знакомый перекупщик живого товара в Чикаго сгрузил бы за эту девушку не менее пятидесяти тысяч.

— Помню, милая, но придется немного ...

В прихожей открылась дверь, затем раздался грохот. Петр швырнул трубку на стол и выскочил из зала.

Бледный, как полотно, закатив глаза, Скилет лежал на полу. Из-под черного пиджака на светлый линолеум пробивалась красная струя.

Вызывать скорую было равносильно самоубийству. Тишину унылого гостиничного коридора никто не нарушал. Все было спокойно. Румын вытащил из аптечки флакон и наклонился над пришельцем. Не дождавшись, когда раненный как следует прочихается, железными пальцами Петр схватил его за волосы.

— Где картина?.. Вам удалось захватить полотно?!

— Нет, у художника оказалось оружие. Гоша убит, мне удалось уйти...

— Как вы хотели захватить полотно, говори!

— Я представился почтальоном, но он меня выкупил, не захотел открыть дверь. Пришлось дверь взломать...

У Петра от злости свело скулы. “Миллионы, которые фактически были у него в руках, благодаря первобытным методам работы ушли навсегда”.

Петр прошел в зал, снял со стола литую пепельницу и обвернул тонким полотенцем. Затем возвратился в прихожую и сильным ударом в темя оглушил раненного.

Не теряя ни минуты, он схватил чемодан и покинул номер.

Дежурный администратор заинтересованно посмотрела на румына.

— К вам поднимался ваш товарищ, кажется, с ним что-то произошло?

— Гулял где-то на свадьбе, подрался. До вечера вы его не тревожьте, пусть проспится.

Она улыбнулась. Черноволосый красавец ей явно нравился.

— Может, вызвать скорую помощь?..

— Нет необходимости, я сам медик. Возьмите сто долларов, я хочу продлить номер еще на два дня.

Она поспешно схватила зеленую бумажку, улыбнулась еще шире.

— Но здесь очень много, номер стоит восемьдесят гривен за сутки.

— Пустяки, — подмигнул Петр. — Сегодня я занят, а завтра как-нибудь окончательно сочтемся, — смутил женщину туманным обещанием.

* * *

На железнодорожном вокзале скопилась масса пассажиров. Все поезда, включая скорые, по таинственной причине беспардонно опаздывали. Петр понял, что если сейчас он не выберется из этого города, свободной жизни придет конец.

Владелец новенького “Форда” с готовностью предложил услугу. Маршрут клиента его несколько удивил.

— На такси до Могилев-Подольского? Дороговато, почему не поездом?

— Зачем спрашивать, ведь ты хорошо знаешь о задержках поездов.

— Да нет, я так, я согласен, — затараторил таксист. — Но у меня условие: оплатите дорогу сразу.

Не торгуясь, Петр отдал таксисту деньги. Машина выехала на улицу Соборную и, быстро набирая скорость, понесла румына прочь от подольской милиции.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СЫНА

Куда определить единственного сына, названного в честь страны, где он хранил сокровища, Булатом, Павел Космаков не раздумывал.

Едва достигнув восемнадцати лет, юноша был зачислен в элитную школу МВД им. Дзержинского. В конце 60-х, по окончании заведения, он сразу же получил назначение, о котором выпускники училища могли только мечтать.

Очень часто таможенники закрытого для рядовых граждан Союза аэропорта Шереметьево-2 вместе с постоянно меняющимися иностранцами, имеющими дипломатическую неприкосновенность, видели щуплого молодого человека, обладателя близко посаженных удивительной голубизны глаз. В руке у него, пристегнутый “браслетом”, всегда был внушительных размеров кейс, в который им никогда не доводилось заглядывать.

Сопровождать финансовых курьеров, посланцев бунтующих против империализма стран, было исключительно засекреченным делом. К двадцати пяти годам Космаков уже имел чин полковника КГБ, и множество наград.

Но однажды, сопровождая посланца одной из героических восставших стран Латинской Америки с денежной дотацией в размере десять миллионов долларов, Булат Космаков бесследно исчез.

Контрразведка вскоре доложила, что коммунист латиноамериканец также не “доехал до дома”. Началось разбирательство, после которого звезда кремлевского банщика резко закатилась. Пирамида дала трещину, потеряла один камень и медленно начала рассыпаться.

Как говорится в библии, за твои грехи приходится страдать твоим близким. Руфина Иосифовна не выдержала потери единственного сына, и вскоре умерла от лейкемии. Хитрый Войтович к тому времени растворился где-то между островами Океании и перед Пашкой Космаковым, девяностолетним, волком встала дилемма: как жить дальше?

Братия Ежова и Берии канула в вечность. Его, как свидетеля многих “интересных” дел партийной верхушки, теперь никто не собирался преследовать. Все произошло потрясающе бескровно. Павла Васильевича Космакова вызвали в Кремлевский отдел кадров и спокойно известили:

— Уважаемый товарищ Космаков, вы славно потрудились во благо общего дела. Вот вам, дорогой, персональная пенсия ..., отдыхайте. Да, еще скажите, куда отправитесь на постоянное место жительства. Желательно бы остаться в Москве. Квартирой мы вас обеспечим.

Немного удивившись его решению отправиться в северо-западный Казахстан, тот же начальник отдела кадров, полковник КГБ спокойно ответил:

— Ну что ж, поезжайте. Ваше желание — для нас закон, — сказал смиренно опустив глаза. — Сегодня же позвоню, чтобы вам наши тамошние товарищи выделили хорошую квартиру.

Ночью бывший приказчик и банщик-чекист долго не мог уснуть. Калейдоскоп памяти впервые к старости острыми углами врезался в мозги. “Жизнь прожита. Я сказочно богат, но к чему все это? Сын позарился на какие-то паршивые десять миллионов и сбежал. Почему я ему вовремя не рассказал о сокровищах, скрытых в джетыгаринской шахте?.. Все могло быть по-другому. Через пять-десять лет эта прогнившая система лопнет, как мыльный пузырь. И тогда мы с ним смогли бы осесть миллионерами в любой процветающей стране мира”.

Сон пришел только под утро. Так повторялось каждую ночь.

* * *

Поездка в Казахстан затягивалась. Подводило здоровье. Изнурительная бессонница как-то сначала незаметно начала превращать еще крепкого старика в ходячую развалину.

Однажды в ванной, абсолютно равнодушный к предметам туалета, Космаков взгляделся в зеркало и обомлел. Блестящая поверхность отражала включенный лик больше зверя, чем

человека. Звериное лицо, столь любимое чекистами, все больше превращалось в откровенную морду волка.

Необходимо было что-то предпринимать. Несмотря на затворнический образ жизни, кремлевские ребята не остановятся перед тем, чтобы упрятать его в психушку.

Космаков постригся, тщательно выбрился и смазал волосы бриллиантином. Затем позвонил в Домодедово и заказал билет на 510-й рейс Москва—Алма-Ата до города Кустаная.

“Хватит хандрить, или ты превратишься в овцу, — прошептали его губы. — Сын живой, находится где-то за границей. С моими деньгами будет несложно его разыскать!”

ТАИНСТВЕННОЕ ПОЛОТНО

Воздушный лайнер произвел промежуточную посадку в Кустанайском аэропорту.

Элегантно, но несколько старомодно, одетый старичок прошел в здание аэропорта. Мышиного цвета берет, пестрый шарф, широкополый, но короткий макинтош относили старичка к своеобразной когорте людей творческого труда художников или скульпторов. Внушительных размеров тубус и дерматиновый чемодан подтверждали подобный вывод. Огромные черные очки скрывали почти половину лица этого человека, говоря о возможных ожогах или плохом зрении.

Прыгающей походкой загадочный старичок вышел с аэропорта, подошел к первому попавшему таксисту и сказал:

— Молодой человек, сколько будет стоить довезти бедного старика до районного центра Джетыгара?

Тирада вызвала у таксиста улыбку.

— Не говори, пахан, выкрутасами. Мы в Казахстане к этому не привыкли. Если есть пятьдесят баксов — садись, довезу.

Старичок долго рылся в портмоне, наконец вытащил две купюры.

— У меня только сорок. Уважишь старика, довезешь?

Таксист открыл дверцу:

— Что с тобой, пахан, делать? Садись.

Белая “Волга” серебристой птицей мчалась сквозь бескрайнюю казахстанскую степь. Времена бездорожья канули в вечность. Голубая лента асфальта издавала свист под колесами автомобиля.

Откинувшись на заднее сиденье, бывший приказчик, казалось, спал. На самом деле в старом, но все же цепком, мозгу проносились противоречивые мысли.

“Что ожидает его при оседлой жизни в Казахстане? С одной стороны он будет рядом со своим богатством. С другой — “кремлевцем” обязательно заинтересуются в маленьком провинциальном городке. Может, как мечталось в молодости, уехать в Китай?.. Но теперь Китай для помещения капитала не наилучшая страна... Другое дело Австралия или США”.

— Эй, старик, через десять минут будем в Джетыгаре, — сказал водитель такси, напомнив, что время тачанок и его молодости кануло в лету.

— Остановите, пожалуйста, здесь. Я пройду пешком, — сказал Космаков несколько удивленному таксисту. — В этих местах прошла моя юность, хочу вспомнить.

Таксист хохотнул:

— Чего тут вспоминать, пахан? Это не Крым, степь голимая.

Хорошо ориентируясь, Космаков свернул в степь и направился к едва виднеющимся в дымке холмам.

“Пока дойду — стемнеет, подумал он. — Через пару часов пастухи погонят скот домой. Никто меня не заметит”.

Фирменная лестница из пластика с удобными лепестками ступеней значительно облегчала спуск.

Озеро в подземелье увеличилось. Чтобы перейти на другую сторону, довелось по шею погрузиться в воду.

“Через год нужна будет резиновая лодка, — подумал Космаков. — Хоть-бы не затопило шахту”.

В “его” подземелье все находилось на своих местах. Это обстоятельство Космакова успокоило. Он переделся, сел на железный ящик и вытащил из тубы последнюю добычу. Картина принадлежала кисти Ван-Гога и была, как и многие другие, неизвестна миру.

Спешить на этот раз ему не хотелось. На протяжении многих лет в подземелье он собрал множество осветительных приборов. От керосинок — до шахтерских “головок” и суперсовременных подводных фонарей. Поролоновые матрасы, шерстяные одеяла, ящики с консервированной пищей — все это позволяло находиться в шахте неограниченное время.

Сегодня ему как никогда захотелось посмотреть свое богатство.

Космаков вытащил из ящиков дюжину карабинов и выстроил вдоль монолитной стены прикладами вверх. Затем бечевкой, не жалея холста, закрепил все имеющиеся у него полотна к оружейным прикладам. Вдоль противоположной стены он разместил десятки бюстов и

статуэток античных скульпторов. После проделанной работы Космаков поставил на ящики шахтерские лампы и включил.

Произошедшее было потрясающим и необъяснимым: подземелье озарилось голубоватым светом, но исходящим не от светильников, а от многочисленных полотен. Мертвую тишину пронзили звуки, которые могут слышать только астрономы, слушая бесконечный Космос.

Мозг Космакова погрузился в непонятное состояние полудремы. Мысли вышли из-под контроля. Что это было?

Настоящие экстрасенсы и маги, владеющие тайнами белой и черной магии, хорошо изучили подобное явление: разобщенные в Космосе души умерших, по необъяснимой прихоти высших сил, сконцентрировались здесь, в этом подземелье. Из глубин Космоса сюда, в глубины земли, пришли вымученные гением художника субстанции людей, когда-то запечатленных на полотнах, которые перешли в тонкий¹ и огненный² мир. Они были невидимы, тем не менее они существовали. Они редко посещали шумный мир земли, места, где бушевали низменные страсти. Их мир был черным миром Космоса, относительно таким же, который царил в этом подземелье.

Космаков явственно ощутил порывы ветра, отдаленные голоса, легкие прикосновения к своему телу. Тишина подземелья ожила. Ему становилось все страшнее от того, что он слышит звуки, ощущает прикосновения, но никого в подземелье не видит.

Возле одной из картин, на которой были изображены странные существа, наблюдавшие из прозрачной, неземной сферы за людьми, он, охваченный паническим ужасом, остановился. Огненные пауки, такие же, как на полотне, копошились, заполняя неизученное пространство подземелья. Через некоторое время огненная река этих существ лавиной поплыла куда-то в черные недра земли.

“... И перед грешником разверзнутся пучины ада...” — прошептали губы Павла Космакова. После этих слов он без сознания упал в огненную, но не обжигающую реку пришельцев из другого мира.

* * *

... Шахтерские “головки” источали слабый красный свет. Он лежал на поролоновом матрасе и не мог открыть глаза.

Наконец Космаков вскочил, заменил аккумуляторы и вытащил из рюкзака солдатскую “баклажку”. Глоток спирта привел его в чувство.

“Что это было?.. Усталость старческого мозга или реальность?”

Космаков посмотрел на часы. Там, на поверхности, уже рассвет.

Оставив все как есть, он вылез из подземелья, засыпал щебенкой люк, после чего поднялся на поверхность.

Жухлую степь освещало белое солнце. Пели сверчки. Неподалеку жил своей жизнью старый поселок.

Невыносимо захотелось к людям. Космаков прыгающими шагами, не оглядываясь, направился к хорошо видимому поселку.

Через сорок минут быстрой ходьбы он достиг первых домов. Облупленные пятиэтажки выглядели как призраки на фоне голой степи.

Захотелось пить. Возле дома с вывеской “Продовольственный магазин” Космаков остановился. Дверь открылась. В проходе застряла толстенная казашка. Она зазывно махнула ему рукой и сказала:

— Савсем нет сегодня пакупатель. Прахади, дарагой, первым будешь.

Кроме сигарет, водки и дешевого вина на полках он ничего не увидел. Подавляя раздражение Космаков спросил:

— Почему так бедно живешь, где продукты, минеральная вода?

— Минеральная вода и продукты в центре. Здесь общаги, молодежь живет.

— А что, молодые у вас не кушают, святым духом питаются?

Физиономия расплылась в улыбке:

— Ани любовью живут. Бери бутылку и заходи в гости. У меня падруга русская.

Космаков разозлился еще больше:

— Ты что, тетя, надо мной смеешься? Нашла молодого!

Она улыбнулась еще шире.

— Чего прикидываешься? Я бы сама с тобой пошла, но вера не позволяет.

Он хлопнул дверью, выматерился и вышел.

В центре поселка картина изменилась. Появился ресторан, многочисленные магазины.

— Чего желаете, молодой человек: воду, пиво? — спросила симпатичная официантка.

Ему стало дурно. Обрывая пуговицы, он рванул ворот рубашки.

— Вам плохо?!. Вот вода, выпейте, пожалуйста, — протянула она ему наполненный стакан.

Оттолкнув ее руку, он вскочил с кресла. У гардероба, в облупленной раме возвышалось огромное зеркало. Космаков подбежал к зеркалу. В блестящей поверхности полированного

стекла отражался молодой мужчина лет тридцати с узким, жестким лицом и близко посаженными зелеными глазами.

УБИЙСТВО СУТЕНЕРА

После третьего визита в гостиницу Лариса Одинцова убедилась, что богатый любовник бесследно исчез. “Заработанные” доллары она поделила: пятьсот отправила родителям, остальные положила под проценты в один из самых надежных банков города Винницы — банк “Аваль”.

Вскоре “приключение”, произошедшее в ресторане гостиницы “Южный Буг” повторилось. Лариса опять отнесла кругленькую сумму в банк.

Эдик действительно оказался самым крутым сутенером города. Клиенты, которых он подбирал, занимали высокие посты в администрациях разных городов. Некоторые из клиентов были обыкновенными бандитами, но платили не скупясь.

Честно говоря, обслуживать бандитов Лариса не любила. “Качки” с оттопыренными ушами под конец гулянок напивались и секс проходил с элементами садизма.

Лопоухий верзила, у которого татуировки лезли изо всех щелей, явно перебрал.

— Эй, коза, — злобно обратился он к Ларисе, — падай на колени. Возьмешь у меня ..., а Гебельс заедет сзади. А-ба-жаю групповуху...

Она попыталась выскочить из номера, но его товарищи схватили ее за руку.

— Ты куда, сучка!.. Две сотки за что получила?!

Она закричала. Эдик, как всегда, был за дверью. Порчи “товара” он панически боялся.

— Парни, завязывай беспредел, — попытался он урезонить пьяных бандитов.

Раньше это у него неплохо получалось.

В недоумении они уставились на сутенера.

— Он че, бес, оборзел? — спросил лопоухий у своего кореша. — Давай, Жека, его вместо телки трахнем.

Резким ударом кастета лопоухий сбил Эдика с ног. Удар пришелся в висок.

Они привязали Ларису к отопительной батарее и делали что хотели. Эдик валялся в луже крови. Через некоторое время бандитов кто-то спугнул. Они ушли.

Пронзительные крики девушки наконец услышали. Молодые лейтенанты весело ржали, наблюдая за привязанной к батарее девушкой. Несмотря на красоту, ее им было не жалко.

Эдик умер в первой горбольнице. Вдвоем с Ольгой они его похоронили.

После смерти Эдика Ольга нашла другого сутенера. В поисках клиентов Рэм был не таким крутым как Эдик, но “съемная” цена девушек осталась прежней.

На валютном счету у Ларисы в банке “Аваль” было уже двадцать тысяч. Для любого крестьянина из ее села подобная сумма была пределом.

И все же мечта стать фотомodelью Ларису не оставляла. Прослышав, что в Доме офицеров состоится конкурс красоты, она выставила свою кандидатуру.

На конкурс съехалось множество девушек. Большинство из них красотой не отличались. Их привезли мордатые нувориши из районов, которые искали применение шальным деньгам.

В гримерных царил умопомрачительный бедлам. Полуголые девушки лихорадочно напяливали на себя дорогие тряпки. Ожидая “выгона кобылиц”, сутенеры готовились стать продюсерами, модельерами и еще бог знает кем.

Ей стало противно, тем не менее на подиум она вышла. Шикарная фигура и красное мини-платье, как всегда, произвели фурор. Зал гремел аплодисментами. Провинциалки, одной из которых до недавнего времени была она сама, смотрели из-за кулис злобными глазами.

Конкурс она выиграла и тут же получила приглашение уехать в Киев сниматься в кино. Элегантный, высокий мужчина кажется действительно был из киностудии «Факир». Это подтвердили множество людей. Она слишком не обольщалась, тем не менее спросила:

— И что я буду играть?.. За кем стану носить туалетную бумагу?

Он рассмеялся.

— Зачем так, Лариса? У меня для вас есть потрясающая роль. Только поймите меня правильно...

Он не дала ему закончить. Интуиция позволила угадать будущую роль.

— Какуюнибудь Лолиту или интер-девочку?..

Денис удивленно вскинул бровь.

— Странно, вы почти угадали. Только перечисленные вами персонажи нынче не в моде. Хочется чего-то зрелищного. Сумеете сыграть роль Таис Афинской?

Лариса ответила честно:

— Не стану лгать. Я не знаю кто эта женщина.

Он улыбнулся теплой, дружеской улыбкой.

— Ничего удивительного. Она из красивой древней легенды. Давным-давно в Греции жила куртизанка...

Лариса опять его перебила:

— Куртизанка это то же самое, что сейчас проститутка?

От ее прямоты он даже покраснел.

— В то время перед куртизанками преклонялись известные люди — полководцы, философы. Куртизанки, помимо искусства любить, обладали незаурядным умом. Мужчины к ним прислушивались, нуждались в советах...

— И все же, они были проститутки, — зло сказала девушка. — Отдавались за деньги.

— Пусть будет по-вашему, Лариса. Они были проститутки и отдавались за деньги.

Он начинал нервничать. Его душа старалась избегать пошлостей, каковыми переполнен этот мир.

— Так вы поедете со мной в Киев? — спросил.

И она поняла, что спрашивает он в последний раз.

— Поеду, — ответила Лариса. — Но у меня в этом городе масса незаконченных дел.

— Вот и отлично, — улыбаясь сказал он. — А сегодня сам Бог нам велел отпраздновать вашу победу.

Лариса испугалась. Во всех винницких ресторанах ее знали как представительницу самой древней профессии. Он угадал ее мысли.

— Не бойтесь, я вас в обиду не дам.

Его слова были приятны, тем не менее, она рассердилась.

— С чего вы взяли, что я чего-то боюсь? Ответьте!

Денис все перевел на шутку.

— Но ведь вы звезда. По ВДТ вас показывали целый час. Поверьте, не все люди хорошо воспитаны.

Лариса успокоилась.

— Здесь рядом есть ресторан, называется “Пекин”. В ресторане дегустируется чудесная китайская кухня.

Через десять минут они сидели в уютном зале и слушали нежные песни берегов Янцзы и Хуанхэ.

Журчащая мелодия окончательно успокоила расшатанные за день нервы. Денис вдыхал удивительный аромат, исходящий от ее волос, и тягучее, словно ямайский ром, который они пили, желание цепко охватывало его молодое тело.

В люксовом номере, который он снимал, ставшее обоюдным, желание достигло апогея. Словно в американском триллере они поспешно стаскивали с себя одежду, помогая друг другу. Он не любил сексуальных извращений, тем не менее ничто человеческое было ему не чуждо. Она во второй раз отдавалась по любви и совсем потеряла голову.

Молодой мужчина обхватил ее сильными руками и она почувствовала, как женская плоть сомкнулась вокруг горячей мужской плоти.

В его богатой приключениями жизни она была далеко не первой. Тем не менее, в этот раз все было по-другому. Ему хотелось бесконечно ее ласкать, говорить нежные слова, которые он раньше никогда не произносил. Это была любовь, которая, словно хищный зверь, или быстрая река, подстерегает каждого из нас на жизненном пути.

Они провели удивительную ночь. Пробуждение было легким и радостным, совершенно не напоминало пробуждение с потными, воняющими водочным перегаром, клиентами.

Он еще спал. Голая, она села в кресло возле кровати и внимательно всмотрелась в лицо мужчины.

Денис был действительно красив. Мужественное лицо обрамляли русые вьющиеся волосы. Красивая шея гармонично переходила в хорошо развитые мускулистые грудь и плечи. Словно скульптор, Лариса провела пальцами по этому лицу и он проснулся.

— Который час, милая? — нежно спросил Денис, и улыбнулся детской улыбкой.

— Уже десять, — ответила она. — Пора мне из номера уходить.

Горький профессионализм в ее словах заставил его поморщиться.

— Почему уходить? Я же сказал: тебя никто не обидит.

— При тебе, возможно, нет. Но когда буду проходить мимо горничных, обязательно обзовут шлюхой.

Из гостиницы они вышли вместе. На улице стоял чудесный солнечный день.

— У меня сегодня масса дел, — сказал Денис. — Необходимо профессионально раскрутить твою победу в местной прессе.

— Но ведь информация прошла по телевидению, будет и в газетах.

— Этого недостаточно. Какое издание в Виннице наиболее популярно?

— Думаю, 33 «КАНАЛ» и «RIA». Газеты резко отличается от остальных. Ребята смелые, работают без комплексов.

— Очень даже отлично, — сказал Денис. — Сегодня же закажу рекламный материал. Присядем на скамейку, подготовим текст.

* * *

Ольга встретила ее приход ироничной улыбкой. “Пробить” эту выдавшую виды женщину было невозможно.

— Хочет сделать из тебя “звезду” в Киеве? — искренне удивилась она. Затем подумала и сказала:

— Небось, пронюхал сколько у тебя денег на счету, поэтому увивается. Гони его, Лорка, в шею.

Лариса разозлилась:

— Какие деньги?.. Ты хоть понимаешь, я выиграла первое место на конкурсе красавиц!?

— А разве там были красавицы? — съязвила Ольга. — Одни деревенские телки. Это ты у нас немного пообтесалась.

Лариса влепила ей пощечину и выбежала из квартиры.

* * *

В 16.00 они с Денисом встретились опять.

-Я уезжаю, Лариса. Подготовлю для нас в Киеве отдельное жилье. Это займет не больше недели. Вот тебе на первое время пятьсот долларов. Звони по этому телефону и прощу без глупостей. Она посадила его в поезд а сама поехала к Ольге мириться.

По дороге к Ольге ей неожиданно стало дурно. Лариса потеряла сознание а когда пришла в себя оказалось, что ее привезли в больницу. Щуплый ,нервический, мужчина смотрел на девушку с какой то затаенной жалостью .

-Что со мной случилось?- спросила Лариса -почему- так тошнит и кружится голова... Неужели я беременна?

Врач инфекционист Игорь Матковский не имел лицемерной привычки обманывать пациентов.

-Без сознания вы были целых 18 часов. Здесь не стационар но в стационаре вам придется все же полежать.

-И все же чем я больна-настаивала Лариса.

-К сожалению у вас нарушена иммунная система в связи с ВИЧ инфекцией. Но возьмите себя в руки и не отчаивайтесь. Поверьте - новейшие методы лечения позволяют нашим пациентам прожить целую жизнь.

ЮЛЯ , ТЫ МОЯ РАДОСТЬ!

И все же город, в котором ее мучили бесчисленными судами, подарил ей радость. Стараниями адвоката Владимира Мультяна Золотоножке предоставили свидание с семьей.

Многое произошло на свободе за время ее отсутствия: гибли люди в освободительных войнах, устанавливались новые рекорды в спорте и пополнялась чудесами книга ГИНЕСА. В семье Золотоножки, например, также произошло событие от которого почти каждая женщина на земле приходит в восторг. Золотоножка стала бабушкой. У ее сына Руслана и его жены Насти родилась дочь, которую назвали Юлей. Золотоножка предугадала знаменательное событие. По статистике большинство людей в погоне за куском хлеба не веруют в существование иных измерений, которые нас окружают. Души у этих людей закованы в панцирь холодной рутины и равнодушия. Вещих снов они не видят, а если и видят, утром забывают. А ведь высшие силы порой открывают перед нами таинственные врата, пройдя через которые можно узнать будущее. Но для проникновения в таинственный мир необходимо время свободное от жизненной гонки, возможность окунуться в мир созерцаний.

Много за высокой стеной и колючей проволокой у человека времени. Что касается углубленного созерцания, каждый человек, лишенный свободы, после двух-трех месяцев, проведенных в неволе, погружается в этот сладостный мир. Накануне рождения внучки Золотоножке приснился сон: в огромном солнечном зале люди со счастливыми лицами накрывают столы. Сон был вещий, и если принять во внимание, что девочка родилась на Богородицу, жизнь ее должна определяться счастьем, светлым разумом и любовью.

Пути Господни неисповедимы. Как добился Владимир Мультян разрешение на свидание Нины Никифоровой со своими близкими, оставалось загадкой. Счастливая Золотоножка, которая более года не видела родные лица, стояла возле мрачного КПЗ и плакала. Сын Руслан протянул ей годовалую внучку Юлю и сказал:

-Держи, мама, произведение искусства... Как две капли воды похожа на тебя. Золотоножка бережно обняла мягкий сверток и продолжала плакать. Ее муж — Дима Никифоров — взял жену за плечи и слегка встряхнул:

- Перестань, Нина, ты должна радоваться!... Жизнь продолжается, у тебя есть наследница.

- Но ведь от счастья тоже плачут, - ответила Нина. — Вам, мужчинам, этого не понять. Оказывается, стать счастливым можно даже здесь.

Вместе они пробыли около часа. Когда прапорщик напомнил, что время вышло, Нина протянула живой сверток невестке Насте.

Расставаться ужасно не хотелось. Нина посмотрела в глаза Владимира Мультяна таким взглядом, от которого ему стало не по себе.

- Господи, Владимир Владимирович, ну сделайте же чтонибудь! Умоляю вас, скажите, когда закончатся эти мучения? Я хочу домой!

Мультян ответил на удивление, жестким, твердым, голосом.

- В прошлый раз я вам совершенно официально заявил, что в ближайшие дни вы будете свободны. Ваш срок, а вы провели за решеткой почти полтора года, истекает через неделю. Оправдательного приговора не ждите... В этой стране компенсации за моральный и материальный ущерб выплачивать не принято. А если честно, Никифорова, те люди, фамилии которых вы не захотели назвать следствию, этого не стоят. Вряд ли они оценят услугу маленькой, стойкой женщины, которая оградила от позора их честь и сохранила для них свободу.

После его слов лицо Нины приняло знакомую Мультяну маску каменного сфинкса. Ответ последовал тот же, что и на протяжении многих месяцев следствия:

- За мной никто не стоит. А если бы и стоял, приносить людям страдания не в моих правилах.

Такой подход к делу удивлял видевшего виды адвоката. Обычно подследственные ломались с первых дней пребывания в тюрьме. Здоровенные мужики, попадая за решетку, готовы были утопить, как говорится, даже родную мать. Каждое уголовное дело пестрело от фамилий людей, которых, чтоб выгородить себя, брали слабодухие, как говорится, “прицепом”. В какой-то мере все ее знакомые и друзья так же не понимали подобного упрямства. Казалось, назови она фамилию человека, который оставил злополучные деньги у нее в буфете, и узкие тюремные двери откроются. Ведь тюрьма для женщины — смерть. Но моральная смерть была для Нины Никифоровой куда страшнее смерти физической, что она и доказала своим поведением.

Заключенные одной из камер Ярского КПЗ день встречи Нины с внучкой запомнили надолго. Импровизированный стол, застеленный целлофановой скатертью, был в диковинку даже для дежурных прапорщиков. Не всегда в своих семьях охранники видели такое обилие отборной пищи - колбасы “Салями”, копченого мяса, красной рыбы, пирожных, конфет и

прочей снеди. Что касается спиртного - деньги в местах лишения свободы, впрочем как и на воле, полновластные господа. За здоровье внучки Нины Никифоровой, Юли, в Ярском КПЗ пили все: и прапорщики и заключенные.

НОВЫЙ ГОД-ПО ЦАРСКИ

Близился Новый год. У свободного человека может сложиться впечатление, что там, за высокой стеной, люди этот замечательный праздник не празднуют. Совсем не так. В мужских камерах по всем правилам конспирации в импровизированной посуде выстаивается брага. Ее выдерживают в резиновых сапогах, целлофановых мешках, любой доступной емкости. В женских камерах из перетертого печенья, масла, сахара изготавливаются торты. В самый канун Нового года, когда охрана навеселе, возможен даже обмен изделиями между мужскими и женскими камерами. Что касается поздравлений — сотни надушенных, перевязанных серебряными ниточками писем гуляют по тюрьме.

После сердечного приступа Золотоножку перевели в другую камеру. Сама она с подобной просьбой к администрации не обращалась. Какими бы серьезными не были причины у заключенного, для перевода такая просьба в тюрьме будет воспринята враждебно. “Попросил перевод — значит стукач или опущенный”. В новой “хате” народ жил сам по себе. Есть такие камеры, куда подлые люди длительное время не проникают. Здесь царит относительное миролюбие, нет враждующих блоков. Такие камеры чем-то напоминают больничные палаты на свободе. Люди по желанию делятся друг с другом пищей, нет слезки, в общем, не создают дополнительные трудности.

О Золотоножке знали и в этой камере. Женщины, у которых были нижние места, взволнованно засуетились, ожидая, что Нинка Золотоножка принадлежит именно к категории подлых эзков и начнется беспредел.

- Извините, девушки, — вежливо повела себя Нина, — я с больнички. Сердце шалит. Может кто уступит нижнее место.

Это “извините” для Дубовской тюрьмы было чем-то вроде грома среди ясного неба. Все знали какой контингент сидел в 16-ой камере, где произошла резня. Заключенные женщины были уверены, что Золотоножка растопырит пальцы, ткнет хозяйку нижней нары в подбородок и заявит: “Сваливай, козлиха, на вертолет, ты здесь тащишься не по праву!”

Одна из заключенных, явно интеллигентных корней, засуетилась.

- Безусловно, занимайте нижнее место, Нина Героновна, сердце, знаете ли, вещь серьезная.

Она свернула целиком с матрасом свою постель и положила на верхний ярус. Нине было жаль эту серьезную, высокую женщину с печальными глазами, но сердце у нее действительно еще пошаливало. Забираться на верх - постоянно держать тело в напряжении... Ей действительно нужен был отдых.

За створчатыми жалюзи и решеткой шел снег. Когда заключенные периодически для проветривания снимали застекленную оконную раму, в камеру попадали белые хлопья.

Грусть о доме и о сыне ржавчиной разъедала душу. Иногда сердце успокаивалось, а порой начинало колотиться в бешеном ритме. Временами Нине казалось, что адвокат ее обманывает, ее дело безнадежно. Но тщательный анализ в здоровых, не деградированных, как у большинства заключенных мозгов, подсказывал, что по ее освобождению ведется большая работа.

Неожиданное событие, благодаря Золотоножке, позволило заключенным этой камеры отпраздновать Новый год по-царски. Перед самым праздником ее неожиданно вызвал к себе начальник тюрьмы. Когда Золотоножка прошла в огромный кабинет, глаза отказались поверить увиденному. В кабинете полковника находился ее хороший приятель по свободной жизни Петро Порошук.

- Вот, Нина Героновна, решил сделать вам новогодний сюрприз, — сказал начальник тюрьмы. Только из уважения к вам и к Петру... Обычно у нас такие вещи не практикуются.

Петро долго, как-то растерянно, тряс Нине руку. Из его слов она узнала, что город всколыхнул ее арест.

- Люди не дураки, Нина, знают, что тебя подставили. Твой адвокат опрашивает сотни людей. Собирает подписи. Так что если даже осудят, выйдешь на поруки.

От подобных разговоров Нина устала, хотя в присутствии начальника тюрьмы слышать подобное было приятно. Разговор длился более часа, а когда пришло время уходить, Петро протянул ей огромный пакет.

- Вот, Нина, с разрешения начальника тюрьмы прими передачу.

То, что принес Петро Порошук, и на свободе можно было смело назвать царским подарком. На столе у заключенных камеры 46 в ту Новогоднюю ночь были свежая черешня, ананасы, помидоры и апельсины, шоколад и печенье.

РЯДОМ СО СМЕРТЬЮ

Адвокат Владимир Мультян был прав. Кому-то из власть имущих до ломоты в костях хотелось “убрать” Золотоножку. Анализируя события прошедших лет, Нина терялась в догадках. Она понимала, что ее, казалось бы, заурядное место, вокзальной буфетчицы вызывало зависть у многих. Люди обожают считать чужие деньги и тому, кто имеет дело с деньгами, пусть даже в силу своей работы, приписывают миллионные доходы. И еще: как бы это не выглядело смешным, именно на вокзале в Жмеринке формируется общественное мнение. Ведь Жмеринка железнодорожный город. “Кто мой заклятый враг?” — думала Нина. — Ведь обвинение о даче взятки только предлог”. Ответ где то был, но распутать этот клубок интриг Нине Никифоровой и ее адвокату было пока не под силу.

В Ярском КПЗ, которое видело, как и всякое КПЗ, безбрежное море горя, она уже стала своей. Молоденькие старшины и лейтенанты, завидев ее, сочувственно вздыхали. В камере, где она сидела, постоянно были сигареты и чай. Но кроме лейтенантов и старшин в этом городе были и другие люди. Интересный все же народ прокуроры и судьи. Они сделаны из того же теста, что и остальные. Точно так же хотят кушать, оправляются, боятся холода и голода, любят красивых женщин, но вот злобы у них неизмеримо больше, чем у обычного человека. К примеру, давно было замечено умными людьми, что эта категория облеченных властью людей, ужасно не любит применять в практике презумпцию невиновности, которая базируется в основном на интуиции. Тем не менее, что то на подобии формулировки виновен по интуиции суда в нашей славянской стране звучит в судах ежедневно. Вот и сегодня вертлявый прокурор с шальными глазами шизофреника в процессе обвинительной речи твердит:

- Такие люди, как Никифорова, опасны для общества! Я требую...

Адвокат Владимир Мультян опять опровергает нагромождение ложных обвинений, якобы свидетельствующих о преступной деятельности Нины Никифоровой. Все повторяется сначала.

Наконец этап. В “вагонзаке” как всегда холодно. Контингент привычный. Большинство этапированных женщин сидят за “воровство курей” и разбитые головы мужей алкоголиков. Система должна работать. Судебный аппарат должен получать деньги. Этих людей, как и Золотоножку, бесплатно катают по железной дороге десятки раз. Неожиданно для всех, ночью, Золотоножку выдернули из насиженного “купе” и бросили в другую клетку. Нина не

может понять причину такого решения конвоя, но причина, безусловно, есть. В этой клетке везут двоих заключенных женщин-убийц куда то в Россию на место преступления.

Нина напрягла зрение, осмотрелась. На “инкрустированной” железом лавке, по-турецки поджав ноги, сидела молодая женщина. Никакого сходства с бомжовками или авторитетами, находящимися на Дубовском централье. Слева сидит другая, постарше, и курит. Зэчки одеты в одинаковые, довольно дорогие, спортивные костюмы. Та, которая курила, как бы встряхнулась и посмотрела на Нину. Золотоножке стало не по себе. Таких глаз в своей жизни она не видела. Белесые, равнодушные, они смотрели словно из могилы.

- Привет, девчата, - бесхитростно говорит Золотоножка. - У меня есть чай. Может, попросим конвой заварить?

-О-о-о-о-о, чай э-э-это хорошо... - сказала та, что сидела словно на сеансе медитации. Мы о-о-чень чай любим.

Золотоножка сразу уловила прибалтийский акцент. Эти двое были залетными птицами из уже совершенно чужой страны.

Солдат до странного услужливо принес кипяток. Крепкий цейлонский чай и внушительная глыба халвы с арахисом развязали языки.

Когда Золотоножка упомянула о недавней резне и о коксунских беспредельщицах, латышки заинтересовались. А когда Нина упомянула о Мери, одна из них цепкими пальцами схватила ее за плечо.

- Мери убили!?? Ты врешь, это не правда!!!

- Я не лгу, мы были подругами. Вот ее дневники, а это, — Нина показала чертёж, — она сделала своей рукой. Вот ее автограф.

Латышка разволновалась.

-Не могу поверить! Мы с Мери сидели на “Крестах” и оттуда вместе освобождались. Я тогда участвовала в Бакинской заварухе.

Латышка Олэ вытерла скупую слезу. Женщина действительно хорошо знала Мери, как по заключению, так и по вольной жизни. Вторая латышка подошла к ней и что-то сказала на непонятном для Нины языке. Олэ резко ответила и неожиданно толкнула ее в грудь. Завязался спор. Как бы ощутив напряжение Золотоножки, Олэ перешла на русский.

- Не стану сама и тебе не дам! - выкрикнула она подруге. - Вернешь начальнику конвоя деньги! И без фокусов, ты меня знаешь!

Золотоножка деликатно молчала, но о чем шел спор уже начала догадываться. Взгляды, которые во время спора латышки бросали на нее, кое о чем говорили.

Наконец Олэ обратилась к Золотоножке.

- В общем, Нина, мы латышские снайперы, участвовали в Чеченской войне. Нас также обвиняют в Приднестровской бойне, поэтому держат на Украине. Вчера начальник конвоя нам заплатил по 100 баксов, чтоб тебя убить. Но ты не бойся, мы делать этого не станем.

“Прав был Владимир Мультиян, - подумала Золотоножка, — ее таинственный враг переступил последний рубеж, нанял тюремных киллеров”.

Когда на станции заключенных женщин из вагона перегоняли в черное нутро “автозака”, Олэ бросила спичечный коробок под ноги вертлявому седому человечку — начальнику конвоя:

- Держи, капитан, обратно свои баксы. Мы передумали.

Этот случай помог Никифоровой Нине по-другому оценить ход событий и свое пребывание в тюрьме. Заставил набраться терпения и мужества. Она поняла, что ее любит и ей покровительствует та сила, которую в народе уже тысячи лет люди называют Богом.

В СТАНЕ ВРАГОВ

Жизнь — карточный домик. Выдернешь ту карту, что пониже, домик рассыплется. Именно такой, фундаментальной, картой у Димы Никифорова была его жена Нина.

Невозможно определить пути Господние. Порой вслед за радостью к человеку приходит беда. Вот и в день ареста Нины с утра Дима получил диплом инженера газового хозяйства, а во второй половине дня шок — арестовали жену.

Не дай Бог человеку испытать подобное. Но молодой человек, воспитанный в армейском духе, не растерялся. Пересилив смятение, он тут же принялся за дело. Изменить что-либо оказалось ему не под силу. Откуда было знать бывшему офицеру, воспитанному в благодушной армейской среде, о кознях и крючкотворстве “тайной канцелярии”. Ведь еще в царские времена благородное офицерство не находило и не желало находить общий язык с ребятами в полицейских мундирах. Времена изменились, но отношения между этими двумя категориями людей остались прежние. Как говорится в старом, избитом анекдоте: “мая твая не панимает”. Прокурор, которого Дима Никифоров пылко убеждал в невинности супруги, наиграно вздыхал и обещал разобраться. Следователь загадочно улыбался и также обещал разобраться, а продажные друзья призывали залить горе водкой.

Но Дима Никифоров понимал, что заливать беду водкой — это удел слабых. Через пару дней, когда он убедился в бездействии местных властей, молодой человек отправился в

прокуратуру города Киева. Но киевские бюрократы ничем не лучше, чем областные и районные. Опять же заверение на словах во всем разобраться, а на деле обычное равнодушие.

Возвратившись из Киева, Дима Никифоров убедился, что на этом его беды не закончились. Имея диплом редкого, престижного вуза, он представлял потенциальную угрозу для людей, работающих по его профилю. Удар ниже пояса не заставил себя долго ждать. Перспективного инженера Никифорова переводят в отдаленный райцентр Ильинцы на аналогичную должность. Вырисовывается такой себе Бермудский треугольник — Жмеринка, Дубовка, Ильинцы. Как говорится, дай Бог силы. Жизнь Димы становится наподобие жизни коммивояжера, который постоянно в дороге. Но что больше всего доставало Диму Никифорова, так это лицемерие и подлость большинства окружающих его людей. Вокруг него только и звучало:

-Ой, да неужели Нину посадили? Ах, а мы все ее так любили! Как же ты теперь один? Подлецы вели себя несколько иначе:

- Что ж теперь тебе, Дима, стать монахом!? Нина старше тебя, она пожила в свое удовольствие. Ты живой человек — пей, гуляй, пока молод!

Но Дима Никифоров все эти напутствия пропускал мимо ушей. Кое-что в этой коварной и прекрасной жизни бывший офицер, а нынче главный инженер газового хозяйства одного из райцентров Винницкой области, уже успел понять: “праздник закончился, пришли испытания, через которые он должен с честью пройти”.

КАМЕРНЫЕ ТАРАКАНЫ И РЫЦАРИ ПЛАЩА И КИНДЖАЛА

В замкнутом пространстве что-то происходило. Обостренный слух поначалу уловил отдаленный писк мышей. Мягкий, шевелящийся комок с верхнего яруса свалился на лоб и мгновенно исчез.

Камера спала. Взволнованная Нина села на железную койку, чувствуя, что ей уже не уснуть. Еще через минуту появился новый гость. Впрочем, огромные черные тараканы в камерах не гости, а, скорее, хозяева. Их в самом прямом смысле уважают, понимая, что эти насекомые символ терпимости и неприхотливости, как и люди, находящиеся в неволе. Насекомое подползло к ноге Нины и, словно желая что-то сказать, встало на задние лапки. Нина погладила пальцем черную глянцевую спинку совершенно не пугливого насекомого.

- Что хочешь сказать, парнишка, я внимательно тебя слушаю.

Усатый сверкнул бусинкой глаза, покачал головкой со стороны в сторону и с достоинством куда-то пополз. “А ведь это знак, — подумала Нина.- Старые зэчки говорили камерные тараканы приносят только хорошую весть.” Удивительно. Камера по-прежнему спала. Тюрьма испокон веков ведет ночной образ жизни. Народ после отбоя до утра режется в карты, передвигает нарды и шашки.

Возбужденная Нина проследила, как таракан подполз к щели возле умывальника и, что опять поразило женщину, медленно развернулся в ее сторону, и словно прощаясь, встал на задние лапки. “Господи, хоть бы плохое не случилось,” -подумала Нина, но опять вспомнила зэковское поверье - камерные тараканы приносят только добрую весть.

Нервы настолько возбудились, что она закурила. Откуда-то с верхней нары раздался голос:

-Золотоножка, ты закурила?.. Не верю своим глазам.

Заклоченная спрыгнула с верхнего “этажа” и пошла на парашу.

- Не собираюсь я начинать курить, — сказала Нина, -просто нервишки сегодня сдают.

- А ты плюнь на все. Пусть будет, что будет, — послышался голос справа.

Камера просыпалась. О ночных гостях Нина рассказывать не стала. Расскажи она о мышах и тараканах, — в ее ауру полетели бы дополнительные камни. Ведь до конца никогда не знаешь, какие люди тебя окружают.

Принесли убогий завтрак. Нина с отвращением съела постную жижу, после чего выпила крутого чая из лучших цейлонских сортов. Но нервы не успокаивались. Словно в ожидании чего-то заныло сердце.

Около 11 утра металлическая дверь открылась. Показался в сопровождении охраны заместитель начальника тюрьмы. Прозвучали знакомые для всех слова:

- Никифорова, на выход с вещами!

Нервы у Нины мгновенно расслабились. Бросило в сон.

Уже на коридоре заместитель начальника сказал ей невзначай:

-Идешь на волю, Никифорова, почему не радуешься?

Нервная система, которая напрягалась тысячи раз, реагировать отказалась. Нина посмотрела в глаза майора сонными глазами и по-детски спросила.

- Честно на волю?.. А ты майор не обманываешь?

Это “честно” было для видевшего виды майора столь неожиданным, что он рассмеялся.

- Ты, Никифорова, в детском садике что ли? Я с тобой не в игрушки играю. Пошли в камеру хранения, получишь вещички и кати в свою Жмеринку.

Затем майор доверительно положил ей руку на плечо и добавил:

- Таких как ты, Нина, на моей памяти еще не было. Молодец... Никого не сдавала, прошла испытания на 5. Мой тебе совет - держись на свободе от гнилых людей подальше. Запомни, чем человек выше рангом, тем он в моральном смысле гнилее. И не обязательно, что в тюрьме не сидел. Ну да ладно об этом, — майор улыбнулся и залихватски щелкнул пальцами.

- Там за тобой муж приехал с родственниками, адвокат.

Ох, и гульнешь сегодня!!!

Измочаленные нервы по-прежнему баррикадировали приход радости. Нина пока ничего не ощущала. Отсутствующими движениями она одевала на себя вольное платье, замшевый пиджак, туфли.

Когда она надела привычную одежду, в организме возник странный комплекс неполноценности. Чего-то во всем этом явно не хватало. А именно: мешали руки, она не знала, куда их деть.

- Что, Нина, - встревожено спросил майор, — чего то из вещей не хватает?

Его слова вывели ее из оцепенения. Она вспомнила. “Золото!!! Два моих перстня остались у начальника тюрьмы!”

- Все в порядке, майор, — ответила Нина.— Передайте начальнику тюрьмы, что я на днях к нему заеду с презентом. И вам, кстати, майор, также привезу отличный коньяк.

День был солнечный и теплый. За стеной Дубовского централа, на уже свободной территории, возле сверкающего лаком Мерседеса, Нину Никифорову ожидала группа родных людей. Неровным шагом Нина подошла к сыну с невесткой и молча взяла на руки Юлю. Глаза девочки смотрели куда-то в голубое небо, а лицо выражало безмятежное спокойствие. Внезапно Юля перевела взгляд на лицо бабушки и залиvisto рассмеялась. Этот живой детский смех, словно растопил глыбу льда в измотанной душе Нины. Исчезла сонливость. Опять захотелось жить. Нина поцеловала внучку и подняла над головой:

- Расти большой, моя радость, пусть твоя жизнь будет счастливой и долгой!

Неподалеку от тюрьмы, в метрах сорока, стоял Джип с затемненными окнами. Двое мужчин со специфическими лицами рыцарей меча и кинжала наблюдали праздник Нины Золотоножки.

-Ну что ж, Герман Фридрихович, будем надеяться, что Мария Богуславская перед смертью рассказала Никифоровой где спрятаны картины. Вот только общались они совсем мало.

Обладатель такого же мощного подбородка, Герман Фридрихович заметил:

- Зэчки рассказывали, они в камере делали какие-то рисунки. Я приказал нашему человеку в центре ее на выходе обыскать, но старый мудака Маркушин его в смену не поставил. Теперь с паршивой перестройкой шмоны по выходу отменили. Придется включить вариант “Виктория -2”. Но Жмеринка маленький городишко, воровство на квартире Золотоножки вызовет резонанс.

- Конечно, вызовет, если ты пошлешь громил с убойного отдела. Пошли “клопа”. Сама Никифорова не поймет, что у нее на квартире побывали гости. В крайнем случае, если у нее тайник в “голове”, поедем за ней не только в Россию, но и на край света. Эти две картины на аукционе в Швейцарии потянут на миллионов 20. Недавно японец купил всего одну картину Гогена за 40 миллионов зелени. В нашем случае не хуже. Чего стоит только один Рембрандт!

- Продать будет тяжело, — бросил Герман Фридрихович. - Картины Рембрандта все на учете.

Старший по званию улыбнулся улыбкой змеи.

- Какой учет!?! Бросьте ты Герман эту совдеповскую бухгалтерию. Сразу видно в ОБХЭС начинал. Есть масса полотен величайших художников мира, о которых никто не знает. Они хранятся в частных коллекциях фанатиков миллионеров, миллиардеров и Бог знает кого. Как говорится, “только свисни!” Лишь бы картины у нас были.

-Но свистеть нужно тихо, — заметил Герман Фридрихович. —Хоть в этом вы со мной согласны?

Змеиная улыбка на массивном лице обозначилась еще ярче. Открылся тонкогубый рот, показался кончик языка напоминающий жало:

-Ш-ш-ш-то-ж, Герман Фридрихович, здесь вы, пожалуй, правы.

И СЕКС И КЕКС И ПРЕЛЕСТИ СВОБОДЫ

Первые дни на свободе проходили как в тумане. С утра до вечера кухонный стол ломился от яств, а стулья от худых и толстых задниц многочисленных посетителей.

Гостей приходило много. Умиротворенная Нина принимала всех - и врагов и друзей.

А по ночам доставалось огромной, двуспальной кровати. Организм, привыкший к стабильной жизни на свободе, но однажды попавший в экстремальные условия требовал компенсации.

Скованность первых дней исчезла. Нина могла часами играть с жизнерадостной, веселой внучкой ни на секунду не переставая смеяться. Золотоножку смешило буквально все:

подвыпивший милиционер, идущий на ковер к начальнику, близ находящейся линейной милиции, Ивану Бучинскому. Толстая проводница, вытирающая жирные пальцы о полы форменного мундира. Малыш, с визгом требующий у мамы порцию мороженого. Ей хотелось жить, радоваться этому ярко-жёлтому дню, и багровому вечером солнышку. С внучкой на коленях до поздней ночи она сидела во дворе и любовалась желто-белым диском в черном небе загадочной луны. Говорят, для адаптации человеку после тюрьмы необходимо минимум полгода времени. И это действительно так. Великое творение Бога — человеческий организм — имеет свойство восстанавливаться быстрее, чем происходит его разрушение в неволе.

Иногда по вечерам Золотоножка просматривала свой архив, который ей удалось вынести из Дубовского централа. Каждый свой стих, каждая строчка из дневника, теперь ее удивляла. Казалось невероятным, что все зафиксированное в дневниках пережила именно она — маленькая женщина с благодушной улыбкой.

В голове роились противоречивые мысли. С одной стороны непреодолимо хотелось увидеть тайник и найти брата Мери, с другой — боязно опять окунуться в криминальный мир.

Прошла неделя. Как-то, валяясь на диване, Нина увидела по телевизору утонченное лицо итальянского аристократа. Затем ее слух уловил слова переводчика, от которых ей стало жарко.

“Вот уже больше ста лет ведется поиск двух украденных полотен Рембрандта — это картины “КАРТОЧНАЯ ИГРА” и “ДЕМОН СОБЛАЗНЯЕТ ВЛАСТЕЛИНА”. Цена полотен измеряется десятками миллионов фунтов стерлингов. Сердце Золотоножке подсказывало, что именно эти картины хранятся в Гатчинском тайнике.

Даже мысли, а не только обладание большими деньгами, обостряют чувство опасности. Как-то подсознательно Золотоножка ощутила, что за домом следят. По ночам возле дома слышались приглушенные шаги, из коридора порой долетал непонятный скрежет.

Нина свернула карту Гатчинской усадьбы, сначала тщательно запаяла при помощи утюга в целлофан, затем поместила в металлический цилиндр, предназначенный для хранения продуктов. Не дожидаясь сына, вызвала по телефону такси и уехала в деревню. Через два часа, когда застолье с родителями подошло к концу, Нина вышла в густой сад и под старой черешней глубоко закопала цилиндр. На следующий день около 9-ти утра она уже была дома. Буквально через 15 минут по ее приходу раздался звонок. Сын сообщил, что в эту ночь дома не ночевал. Нина пошла в библиотеку. “А ведь на верхних полках я пыль так и не убрала” -

вспомнила раздосадованная женщина и отправилась в кладовку за раскладной лестницей. Еще через минуту Нина включила в библиотеке специальное освещение, где лампами служили бутафорные книжные тома, вмонтированные в стеллажи таким образом, что несведущему человеку отличить их от настоящих книг было невозможно. Голубоватый яркий свет осветил гордость Нины — огромную библиотеку. При первом же взгляде на книги сердце Золотоножки обмерло. Выстроенные под шнурочек корешки книг теперь напоминали строй добровольцев, которые о дисциплине знали только понаслышке. Как бы в подтверждение визита непрошенных гостей на корешках книг отчетливо были видны многочисленные отпечатки пальцев.

Сердце бешено заколотилось. Нина поняла, что на спокойной жизни на свободе можно поставить крест.

Неведение всегда сопряжено с душевными страданиями. “Кто и с какой целью проник в квартиру?” - размышляла Нина. Казалось невероятным, что о карте Мери может знать кто-то на стороне. “Эчки разошлись по этапам. Ночных бесед Мери и Золотоножки никто не слышал. Мери ушла навсегда. “Золотоножка терялась в догадках. Опять же, ее враги, которые упрятали ее в тюрьму, были “овощи” с другого поля. Их могла интересовать только смерть Золотоножки. Для этого у них не было необходимости проникать в квартиру, рыться в книгах. Размышления и поиск всегда приносят результат. “Кто-то знает о законсервированных картинах, стоящих миллионы фунтов стерлингов”, - пришла к выводу Нина. Внезапно лицо женщины озарила лукавая улыбка. Нина открыла шкаф с письменными принадлежностями и не задумываясь скопировала на тетрадный лист карту Острова Сокровищ из знаменитого романа Стивенсона заменив существующие обозначения от себя массой иксов с игреками.

Домой она возвратилась поздним вечером. Кейс с картой лежал на прежнем месте, но в том, что карта побывала в чужих руках, у Нины не было сомнения. Еще через час она позвонила подруге, что уезжает в Крым отдыхать.

« БАБЕНКУ УБИРАТЬ НЕ ХОЧЕТСЯ»

- Кажется, клоп отлично сработал, и мы с вами разбогатели, — процедил, разглядывая карту, Олег Князев. Каждое слово он произносил с непонятной брезгливостью, Герману порой казалось, что произносить слова начальнику спецотряда “Саламандра” было невыносимо тяжело. “Посоветовать ему дать обет молчания, что ли? Ладно, сделаю это когда

буду готов уйти с арены. А может и влеплю пулю промеж глаз. - тешил себя надеждой 40-летний полковник .

- Но карта довольно странная, - продолжил Князев. - Сплошная вода и этот остров. Сразу видно, тайник где-то под Питером. Что касается иксов, над ними придется поработать. Шифр больно дурацкий, а из этого следует, что может быть и не разгаданным. Тогда, Герман, тебе придется Золотоножку отловить и прогладить утюгом, чтобы расколосась! Но эго оставим на последний момент. Предполагаю, билеты она возьмет на поезд в Крым, а сама же махнет к холодному морю.

Видавший виды гебешник Герман Войцеховский удивлялся Князеву. Удивительная прозорливость этого человека, умение не светиться были доведены до совершенства. Практически никто из укомплектованного спецами подразделения «Саламандра» раньше не слышал ничего о Князеве. Ходили слухи, что до перестройки он был резидентом в Южной Америке. Другие заверяли, что его лицо несколько раз мелькало в окружении генерала Стерлигова младшего. И вот здесь на Украине, никого и нечего не опасаясь, этот человек заявляет:

- Отхватим, Герман за картины, как минимум, куш по 10 миллионов зеленых на брата, положим на свои счета в надежные банки и — бай-бай славянский мир. Затем, по - Сталински добродушно улыбаясь, добавил:

- Или ты еще хочешь послужить?.. Говори, не стесняйся.

Единственное, что в таких случаях оставалось Герману, это собраться с силами и произнести:

- Ш-ш-ш-товы, Олег Пантелеевич, — я с вами.

- А теперь поговорим о клопе, — продолжил разговор “человек-змея”. Эта бестия только на первый взгляд исполнительная и преданная. Могу поспорить на 1000 баксов, что минимум 5 копий нашей карты он запустил на расшифровку по своим каналам. Уверен, он разберется в этом ребусе раньше нас. Вот тебе и дополнительная работа, Герман. Вызывай завтра из Москвы “чистильщика”, а после того как «клоп» развяжет язык, в мешок с цементом и в Буг. Да, “чистильщика” придержи до возможной встречи с Золотоножкой. Но это только в том случае, если она нас в течение 10 дней не выведет на картины. Честно говоря, бабенку убирать не хочется. Она наших кровей, крепкий орешек. Я бы даже предложил кое-кому взять ее к нам на службу. А что ... умна, красива, на таких сейчас даже в дипкорпусе мода. Длинноногие бляди там уже приелись. Западная Европа и Америка опять возвращаются к

типу женщин а ля Мерелин Монро. Честно говоря, я и сам бы не прочь дожить с этой бабенкой где-нибудь на Мальдивах.

- А как ее муж? - невзначай спросил Герман. -Ведь он не глуп и в прошлом офицер. Есть еще один немаловажный фактор.

Князев опять остановил мертвый взгляд на переносице Войцеховского.

- Какой? Говори, дружище.

- Он молод, Олег Пантелеевич. На 15 лет моложе Золотоножки и на 25 моложе вас. Улыбка Войцеховского, как у всех жестоких людей, была неповторима. Тонкие губы поползли к левому уху.

- В каком году вы окончили школу “штирлицев” в Москве?

- В 90-м, Олег Пантелеевич.

Сразу чувствуется, что в 90-м. В мое время первой заповедью чекиста была заповедь Сталина:

“Нет человека — нет проблемы!” С тех пор в этом отношении мир не изменился.

- Пожалуй, время тогда было слишком опасное даже для чекистов, — попытался возразить заместитель. — Год-два — и свои своих же убирали до седьмого круга. Князев процедил:

- Гибли в основном дураки. А Ворошилов, Каганович, Вишинский были поумнее, потому и выжили .Среди интеллигентов взять хотя бы того же Алексея Толстого... масса людей жили, как сыр в масле...

“Как же, катались как сыр в масле, - подумал Войцеховский, - а в случае прихоти сухорукого, сдавали своих жен и матерей на “живодерню”.

- Ну, а если бы вам, Олег Пантелеевич ,пришлось подписать бумагу под сфальсифицированным компроматом на вашу мать или отца, как бы вы поступили, - не сдержался Войцеховский.

Князев ответил равнодушно с интонациями скучающего человека:

- Я, Герман, детдомовский, родителей не знаю. Но, если вспомнить детдом, там каждый второй подросток мечтал найти родителей, чтоб им отомстить за поломанную жизнь. В этом мире нет жалости и быть не может. Сталин это очень хорошо понимал.

Разговаривать с Князевым на темы морали было абсолютно бесполезно. Сытый, как правило, не понимает голодного, как и здоровый больного. Впрочем, подобное сравнение здесь уместно только наполовину. Есть люди, которые после перенесенных холода и голода, душевных и телесных мук, стали только сострадательнее и великодушнее.

..ВОВРЕМЯ СМЫТЬСЯ

Новый начальник жмеринской милиции подполковник Федор Семенович Пороховой с нарядом милиции приехал буквально через 10 минут после разбойного нападения на квартиру Франца. Раненый бандит в луже крови не подавал признаков жизни.

Не лишенный юмора полковник сказал слова, после которых все рассмеялись:

- Можно подумать, что дверь вышибал Дукалис... Хорошая работа. Франц заметил:

- Не будь здесь Артема Фляжникова, этот Дукалис положил бы всех.

- Согласен с вами, но, позвольте, Фляжников, ознакомьтесь с вашим разрешением на ношение оружия.

Артем подал удостоверение.

- Документы в порядке, полковник, вот собирался в ваших лесах поохотиться, заехал к другу, а тут — пожалуйста.

Федор Пороховой внимательно на него посмотрел.

- Ну это решат эксперты, а сейчас хотелось бы, Франц, взглянуть на вашу новую картину. Кажется, именно за ней к вам наведались непрошенные гости.

Франц вздохнул с облегчением. Подставлять Фляжникова, лгать, теперь не имело смысла.

- Кстати, Артем, вы, кажется, работаете в рекламно-информационном еженедельнике «33 КАНАЛ» Регулярно читаю вашу газету. Думаю, через пару дней сможете написать сенсационную статью о бандитском налете на квартиру известного художника.

- Ага, напишет рекламную статью, - улыбнулся Франц. — И через неделю мою квартиру ограбят на этот раз успешно.

- Не ограбят. Сдайте полотно на хранение в Жмеринское отделение банка “Аваль”, еще получите разрешение на ношение оружия, купите “Форт”. А вы, Фляжников, посоветуйте людям, как поступать в подобной ситуации, все опишите в своей газете и будет польза.

Когда через два дня Франц и Артем пришли в Жмеринский райотдел милиции, уже в милицейском холле чувствовалось необычное оживление. Шустрые менты странно улыбались друг другу, бегали по коридору, хлопали двери кабинетов”.

Подполковник Федор Пороховой обратился к журналисту:

- Фляжников, диктофон при вас?..

Нет?... Тогда возьмите у меня на столе бумагу и ручку.

Сегодня в Виннице мы задержали второго вашего знакомого. Заодно проведем опознание.

Скованный наручниками, в бинтах, парень вел себя абсолютно спокойно. Показания были такими, от которых у Франца и Артема перехватило дыхание. Только в кабинете Федора Порохового Франц до конца осознал - ситуация требует серьезного контроля. Его полотна в самом прямом смысле приравниваются к шедеврам изобразительного искусства, и за ними охотится мафия.

ПОСПЕШНОЕ БЕГСТВО

Петр Мунтяну сидел в баре первого класса румынского отеля “ДУНАЙ” и с облегчениемпил рюмку за рюмкой отличный виски.

“До чего же страны бывшего союза изменились” - рассуждал сам с собой румын-космополит. Чутье старого волка подсказывало — на этот раз ему невероятно подвезло. Он сумел уйти, и будь все трижды проклято, если его еще раз потянет за украинский кордон.

Все на этот раз в бывшем Союзе стало для него враждебным даже вода и питье. Красочная жратва из винницких магазинов отозвалась в его организме странной аллергической реакцией. На спине и груди появилась сыпь. Петр Мунтяну в очередной раз принял горячий душ, смазал тело дорогим израильским кремом-антибиотиком и лег спать. Ночь он проспал тяжелым, тревожным сном, а наутро обнаружил, что бурая сыпь покрыла уже все тело. Анализ крови Петр Мунтяну сдал уже через полчаса. Около 12 дня в номере раздался звонок. Его вызвали в медицинский центр куда он сдал кровь. Молодой врач порывисто положил ему руку на плечо и сказал на родном румынском:

- Крепитесь, Петря, мы у вас обнаружили вирус ВИЧ. Придется заняться длительным, серьезным лечением.

НА МОРЕ Я ПОЕДУ ОДНА

Дмитрий Никифоров ездил в отдаленный райцентр на работу практически через силу. Остывший за полтора года дом опять стал уютным и желанным. Хотелось находиться дома, а, не, вцепившись в руль «Волги», пожирать голубые километры трассы. Но работа есть работа. Никифоров ночевал в сырой неудобной комнате, жевал сухой завтрак и отправлялся на работу.

Самое страшное осталось позади. У Нины дома нервы потихоньку успокаивались, нужно делать карьеру.

Такого поворота дела в жмеринском районе не ожидали. Недоброжелатели мечтали, что Нина выйдет из заключения лет через семь, десять. Продажные друзья юлили, льстили, он старался их просто не замечать.

У газового хозяйства, как серьезной структуры, возникло много проблем. Некоторые фирмы творили в области беспредел, игнорировали десятилетние наработки профессионалов.

Безусловно, были и мощные отлаженные фирмы, которые взяли на вооружение новейшие технологии. Но так же как Гонконг наводняет мир подделкой, фирмы-однодневки наводнили область и Украину некачественным товаром.

Несмотря на усталость, Дима Никифоров улавливал, что с женой что-то творится. Прошло безудержное веселье, и желание общаться с кем бы то ни было. Нина запирала дверь и подолгу оставалась наедине.

Наконец Дима не выдержал.

— Очнись, Нина, ведь ты на свободе. У тебя сын, муж, внучка... Чего еще нужно человеку для счастья?

Нина улыбалась мужу, обнимала, и как-то виновато отвечала:

— Я и радуюсь ..., только по-своему.

В один из таких приездов она сказала мужу:

— Поеду-ка я, Дима, на теплое море отдохнуть. Ты не против?

Он только обрадовался, хотел сам предложить, но боялся, что его неправильно поймут.

— Бери внучку и езжайте... Сегодня же куплю билеты.

— Нет, Никифоров, я поеду одна... Какое-то внутреннее раздражение, хочется побыть одной.

Она действительно испытывала подобное состояние, но была еще причина, о которой ему говорить было просто опасно.

— Ну что ж, поезжай одна. Вот только «бархатный сезон» прошел. Море не такое теплое.

— А я купаться особенно не хочу. Просто побродить по берегу. Представляешь: камера 16 квадратов и огромное море!?

Он не представлял. Такое боязно даже представить свободному человеку.

Через час он принес ей билет на проходящий ночной поезд. После 12 ночи Нина Никифорова при помощи мужа удобно разместилась в комфортабельном СВ и поехала к новым приключениям.

Они сидели в последнем вагоне скорого поезда и раздраженно разговаривали. Спортивного вида коротышка отрывисто бросал двужильному болезненного вида товарищу:

— Я пойду один и куплю в ее вагоне для нас места. Она не заметит.

Двужильный перебил:

— Засечет стерва. Князь говорил Золотоножка баба ушлая. Пусть сначала уснет, ждать каких-то 30 минут..

Они выдержали всего 20 минут. Тренированной походкой они практически за считанные секунды прошли через состав и обратились к проводнику 2-го вагона:

— Свободные купе есть, батя?.. Хотим до Симферополя выспаться. Платим сверху.

— Вообще-то свободных мест нет, но через час может выяснится, что одно освободилось. Закупила тут одна шальная бабенка целое купе, а сама куда-то смылась.

Крепыш даже присел от неожиданности, затем, игнорируя инкогнито, пихнул проводнику в нос пластиковый четырехугольник:

— Спецслужба, старый, ... открывай в темпе купе.

Они еще надеялись, что вещи Золотоножки на месте. Ужасно хотелось в это верить.

Отделанный красным деревом провал зиял мягкой пустотой. Пустота была очевидной во всей емкости фешенебельного купе.

— Какая станция, старый? — упавшим голосом спросил изможденный на вид агент.

— Да мы только отъехали, мужики. Остановок не было, только за Гниванью малость притормозили.

— Какого черта, почему? — прошипел крепыш.

— Путя стари, тут так завжды машинисты роблять.

Крепыш схватился за голову.

— У-у-у ... стерва хитрая. Перехитрила таки. Где ее теперь гадину искать? Может, она в Питер свалила, а, может, и в Юрмалу. Там тоже много воды и курорт имеется.

ЧЕРТ В ЮБКЕ

Принимать решение ей было не впервой. Скорый стремительно набирал скорость, но Золотоножка знала: за Гниванем поезд пойдет медленнее.

Нервы были напряжены до предела. Ночь стояла прохладная, моросил дождь. Расставаться с белоснежной постелью и мягким диваном ой как не хотелось.

Сумку Нина не открывала. Уже после полустанка Селище, где скорые поезда никогда не останавливаются, она была готова.

Ретивый проводник шастал по вагону неустанно. Дважды стук в купе сопровождало заискивающее: «Дамочка, чаю индийского не хотите?.. Ой какой чай смачный».

«Придется прыгать из окна, — четко решила для себя Нина. — Старый из тамбура выпрыгнуть не даст... Жаль, «специалку» напрасно прихватила. —

Окно легко поддалось усилию. Капли дождя хлестко ударили в лицо. — Ничего, — прошептала Нина, — в тюрьме о дожде приходилось только мечтать.»

Женщина влезла на круглый стол и по-лягушачьи полезла в продолговатый черный проем. Внушительных размеров сумка была явной помехой. Но ни одна женщина не оставит свой гардероб даже при извержении вулкана.

Когда тело начало проваливаться в ночь, Нина бросила в черный провал сумку и кубарем полетела под откос.

Приземление оказалось удачным. Тело, которое немало тренировалось, всегда имеет преимущество.

Расчет выпрыгнуть из поезда в районе поселка Селище был двойным. Во-первых, замедлялось движение поезда, во-вторых, отличная асфальтированная трасса на Винницу и в сторону близлежащих райцентров.

Нина надела дождевик, и через 15 минут вышла на лесную трассу.

Водители легковых машин предпочитали не останавливаться. Разгул бандитизма наложил отпечаток на психологию людей.

Шофер огромного грузового форда оценивающе посмотрел на маленькую женщину и сказал:

— Я еду из Гамбурга. Довезу до Винницы, если потрахаемся... Ну как, договорились?

— Конечно, дорогой договорились, почему не обслужить такого красивого?

Шофер удовлетворительно хмыкнул и артистическим жестом пригласил Нину в кабину.

— Так зачем откладывать, дорогая ...

Нина развернулась так, что открытая дверца машины осталась у него за спиной.

— Становись коленями на сиденье... Я сейчас, — сказала она.

Глаза водителя покрылись масляной краской.

— Свет пусть горит, я хочу все видеть, — сглатывая слюну сказал он.

— Полусогнувшись Нина положила водителю руки на плечи, теребя куртку, пальцы заскользили ниже. Внезапно, когда ее руки уже были у него на животе, произошло то, чему целый месяц ее учила Мери.

Взлет, и сцепленные пальцы Золотоножки обхватили затылок, как про себя назвала она водителя, — «гамбургского петуха». Широкий лоб с маху врезался в Нинино колено. Ударом ноги она, словно мешок с гнилыми лагерными фуфайками, сбросила его из машины и села за руль.

Водить машину ее научили сын и муж. До тюрьмы это увлечение не давало ей покоя целый год. Соседи смеялись: «Бросай, Нина, буфет, поезжай в Нижний Тагил грузовики водить».

На Барском шоссе машин попадалось больше. Несмотря на ночь, трасса сверкала частыми огнями проходящих тракторов.

Под Винницей Нина обогнула ночной автовокзал и свернула на Хмельницкую трассу. Если до утра удастся проскочить все посты ГАИ, завтра можно будет из Хмельницкого аэропорта вылететь на Питер.

ЧТО ЖЕ ЭТО ЗА ЧЕЛОВЕК!?

После того как жизнь, висевшую на волоске, удалось спасти, Максимов особенно ощущал вкус свободной жизни. Опять в тюрьму очень не хотелось, уже не говоря о вполне вероятной возможности распрощаться с жизнью. Поглядывая на Василия, Баха еще и еще раз убеждался: у одноглазого чешутся руки его шлепнуть.

Заработать 100 тысяч фунтов не получилось. Кроме всего он утратил в глазах этих двоих свой авторитет.

Василия Коваленка Баха панически боялся. Прекрасно зная уголовный мир, не боясь самого черта, он ловил себя на мысли, что боится в этой жизни только одноглазого.

Случай после роковой ночи еще раз его убедил, что по духу и физической силе Коваленко стоит намного выше его. Раздетые до пояса они столкнулись в душевой и, как это бывает только по молодости, шутя схватились бороться.

Знаменитая мельница, которую неожиданно применил к Василию Баха, оказалось детской забавой по отношению к этому человеку. Перехваченная Бахой рука Василия, не поддалась и

шея Бахи оказалась зажатой в изгибе руки «одноглазого дьявола». Бросок через бедро был такой силы, что оглушенный, подавленный Максимов 20 минут сидел под умывальником не произнося ни слова.

«Господи, да что же это за человек? — терялся Баха в догадках. По всем параметрам зона должна была его измочалить, сломить. Ведь сидел он неизмеримо больше, нежели я».

* * *

Слежка за Космаковым теперь носила особенный характер. Как ни странно, Харасанов пообещал при удачном завершении дела возратить 100 тысяч фунтов питерскому барыге и вору и отпустил в свободную слежку по Кустанаю. Василий не возражал. Но Баха начал волноваться. Эти двое явно на его счет имели свои соображения. Баха не выдержал:

— Мужики, что то я не пойму — вы не боитесь меня отпустить?

— Дурак ты, Баха, — искренне сказал Харасанов. — Ну убежишь ... останешься без денег, без дела, один в этом веселеньком мире. А если хорошо сработает, возвращу тебе деньги и выведу в Штаты. Подумай сам.

Эти слова произвели в душе питерского вора и барыги целый переворот. Он верил Харасанову, ужасно сильно захотелось вторую половину жизни прожить по-человечески.

— Мужики, дайте мне мобилку, нет, лучше две. Клянусь, я выведу вас на место, где он хранит картины. Оставайтесь в Челябине, каждый час будем держать связь.

ОТДЫХ В ЗЛАТОГЛAVОЙ...

Неуклюжий ИЛ прилетел в Москву ранним утром. Совершенно не сомневаясь в том, что Пулково обложили ее новые «друзья», Золотоножка из Хмельницкого прилетела в Москву.

Чтоб хоть как-то разгрузить нервную систему, женщина решила остановиться на несколько дней в Москве.

«Картины подождут, а бандиты успокоятся», — решила про себя Нина, до конца не осознавая с кем имеет дело.

Мечта детства посетить Мавзолей теперь, когда ореол великого вождя с этого все же гениального человека слетел, стала реальностью.

В длинной очереди, следующей в обитель Владимира Ульянова, медленно продвигалась незаметная в сером одеянии монашка незнакомого ордена.

Привыкших ко всему охранников вначале смутило появление в этом царстве мертвых монашки, но датчики, избобличающие металлические предметы, молчали, а насчет вероисповедания у ребят из охраны никаких инструкций не было.

Во второй половине дня Нина ознакомилась с непревзойденными по красоте шедеврами Оружейной палаты и отправилась отдыхать в шикарный люкс гостиницы Москвы.

* * *

Сон был сладким и долгим. После пробуждения Золотоножка долго нежилась в огромной кровати дорогого номера.

Здесь уже была другая, мало знакомая подольяину, шикарная жизнь. В карте ресторанного меню, поданного в номер, она выбрала экзотические фруктовые салаты, много рыбы и дичи. Два фужера шампанского окончательно укрепили хорошее настроение и Нина вышла из гостиницы посмотреть ночную Москву.

НА ЭТОТ РАЗ НЕ ОТСТУПАТЬ

Визит питерского барыги разбередил душу. Павел Космаков два дня не выходил из роскошного кабинета, ощущая где-то под сердцем сосущую боль.

Ста тысяч английских фунтов ему было совершенно не жалко. Его богатству могли позавидовать все вместе взятые нефтяные и бриллиантовые короли.

Глядя на пришедшего к нему молодого парня, который так жаждал каких-то паршивых 100 тысяч, он вспоминал своего сына.

«Почему Булат позарился на 10 миллионов долларов? Ведь он ему все же намекал, что после его смерти Булат станет миллионером».

От сознания того, что он до конца не раскрылся сыну, хотелось выть. К сожалению, эта молодая, новая оболочка не омолодила его душу и не стерла воспаленную многими прегрешениями память.

Словно зверь Космаков метался по кабинету не находя ответ ни на один поставленный вторым «я» вопрос.

Внезапно его мозг посетила мысль, от которой он содрогнулся. Возможно та космическая сила, с которой он столкнулся в джетигарикской шахте, поможет ему возвратить сына. Страх

и желание вернуть сына переплелись в столь мощный клубок, что он упал на кожаный диван и заплакал.

Раздался условный звонок, в кабинет прошел охранник. Он уже знал, что с хозяином что-то происходит, вел себя осторожно.

— Булат Павлович, пришли драгоценности из Лондона... Смотреть будете?

— Имя сына прозвучало ударом томагавка по голове. Космаков выхватил старый наган из ящика стола и выстрелил в охранника.

Пуля пролетела мимо.

— Хозяин, что с вами? — испуганно спросил он.

— Пошел вон, — задыхаясь выдавил Космаков. Затем что-то вспомнил и, собравшись с силами, приказал:

— Через час заправить джип, полный бак. — И, соблюдая извечную конспирацию, добавил:

— Поеду на дачу, малость отдохну. До послезавтра чтобы от вас не было никаких звонков.

* * *

Теперь уже широкую заасфальтированную дорогу на Джетыгару пожирали мощные колеса гигантского джипа. Быстрой езды Космаков не любил. Память сохранила купеческие транспортные средства от арбы до лихой брички. Его знобило. Хотелось остановить машину, лечь, закрыть глаза, но желание попытаться увидеть сына, побеждало.

* * *

Когда Космаков сел в джип, у Бориса Максимова засосало под сердцем. Тем не менее, верный обещанию, он позвонил Харасанову и назвал номер джипа.

Интуитивно Харасанов почувствовал, что они в одном шаге от удачи.

— Баха, денег не жалея, нанимай скоростную машину и за ним.

Стоянка такси находилась поблизости ювелирного магазина. Молодой казах, невесть за какие деньги купивший 600-й Мерседес, скучал возле сверкающего черным никелем монстра.

Баха уже успел приобрести некоторые навыки в изучении восточных языков.

— Барма жок малай, поехали за той машиной.

Казах улыбнулся и ответил на чистом русском:

— Покажи зеленые, дядя, тогда и поедем.

Максимов засветил водителю ворох стодолларовых, и они понеслись вдогонку за джипом.

* * *

В таком мерзком физическом состоянии Павел Космаков еще не был. Через полчаса джип окончательно сбавил скорость — шикарная машина ехала так, словно за рулем сидел стажер.

— Держи расстояние в 200 метров, чтобы тот козел не заметил хвост, — весело сказал Баха таксисту. — Вот, возьми полста наперед, — поразил сам себя небывалой расточительностью.

Таксист любопытствовал:

— Он че, мужик, тебе дорогу перешел? Богатый должно быть мужик ... тачка стоит бешенных денег.

— Твоя потянет не меньше, где взял 600-й?.. И какого черта сделал из нее такси?

Водитель рассмеялся.

— Все так говорят... А тачку мне подогнал дед с Афгана. Он там америкашкам какие-то услуги оказывает, имеет машин целый гараж.

На средней скорости две машины ехали в направлении казахо - российской границы еще добрых два часа.

Человек в джипе скорость не увеличивал, Бахе захотелось поспать.

— Слыш, мужик, изменится пейзаж, ты меня толкай!

— Не понял, — бросил таксист, — у нас пейзаж почти везде одинаковый.

— Ну не знаю, приедем в поселок что ли, как он тормознет, меня разбудишь.

Сон Бахи был коротким, но очень ярким и тревожным.

Бахе приснилась его сестра Мери, родной Санкт-Петербург. Как будто сестра на личном свидании вместе с деньгами передала ему записку в которой признается, что две картины якобы украденные, у нее, в поезде от него утаила. Уже на вахте она обернулась и крикнула: «После освобождения встретимся на даче у Гоши Ковалева ... Помни, брат». Он силился ей что-то сказать, язык не повиновался, рука, которой он попытался ей помахать, одеревенела...

— Мужик, мужик, проснись, — услышал Баха слова, а затем толчок локтем в бок. — твой джип свернул с трассы в поле..

Баха открыл глаза, встряхнулся.

— Где мы, что это за огни там вдалеке?

— Мы почти на российской границе. Здесь недалеко поселок Джетыгара....., а там, за рекой, Россия — Оренбургская область.

— Сворачивай за ним, — скомандовал Баха. — Выруби свет, но старайся его не упустить.

Они углубились в лес холмов, джип петлял по замысловатому лабиринту степных дорог как прежде на малой скорости.

Наконец огромная машина остановилась. Из нее вышел человек небольшого роста.

— Интересно, что ему здесь нужно? — любопытствовал таксист. — Надел рюкзак и пошел вон за тот холм.

— Я видел, не слепой, — начинал злиться Баха. — Там дальше есть поселок, у него там дочка живет, моя невеста. Понимаешь, браток, не хочет мусульманку за меня отдавать.

Пришло время отделаться от таксиста. Убивать ни в чем неповинного парня Баха не хотел. Тот оживился:

— Вот оно что... Тогда понятно. Я ведь тоже мусульманин. Ты лучше, брат, оставь эту затею. Они тебе ее все равно не отдадут.

— Это не твое дело, — наигранно вспылил Баха. Он понял, что Космаков прибыл на место.— Вот твои бабки, сваливай. Я теперь сам разберусь.

Таксист пересчитал деньги и уехал.

Для уверенности Баха пощупал в наплечной кобуре рубленную рукоятку пистолета ТТ, и направился вслед за Космаковым.

Казахстанская ночь как всегда была темной. Фонарика у Бахи не было, он то и дело натыкался на непонятные постройки, холмы. Космаков куда-то исчез. Но в этот раз Баха решил доказать Харасанову, что он сделан из хорошего теста. Напрягая зрение, спотыкаясь, он метался влево и вправо то замедляя, то ускоряя шаги. Через полчаса безуспешных поисков ему захотелось плакать: «Куда исчез этот проклятый оборотень?»

Отчаявшись, Баха сел на кучу скользких от мха досок и попытался решить проблему, что же ему делать дальше?

Неожиданно слух уловил странный шум, напоминающий пещерное эхо или звук от ведра, достающего в колодце воду.

«А ведь это нагромождение бревен и досок действительно напоминает колодец», — подумал Баха, и с опаской перегнулся через истлевшее от времени бревно. Где-то там, в глубине черного провала, светился крохотный, но яркий огонек.

«Колодец, — мелькнула мысль, — проклятый оборотень спустился в колодец».

Баха провел рукой по деревянной свае, к которой в прошлом, видимо, крепился подъемник, и нашел то, что и предполагал найти.

Натянутая, как якорный канат, лестница уходила в неизведанную глубину таинственного провала.

Путеводный огонек на дне колодца исчез на полпути. Мелькнула мысль послать все к дьяволу и подняться, но Баха собрал волю в кулак, и продолжил спуск. Уже через десять минут он сидел на куче отработанной породы на дне колодца. Темнота была не полной. Баха осмотрелся и увидел, что он сидит у подземного озера. На противоположном берегу непонятно откуда возникший пробивал крошечную темноту тусклый луч.

Баха решил идти до конца. Он вошел в ледяную воду и побрел на этот таинственный луч. Вторая, уже винтовая, лестница немного облегчала спуск в очередной колодец. Прочные железные ступени винтовой лестницы позволили продолжать спуск с зажатым в руке пистолетом. Еще через пять минут он спрыгнул на твердый монолит и укрылся в тени нависшей глыбы.

То, что увидел в подземелье Борис Семенов, оказалось выше его понимания. Здесь, на дне этого нового колодца, в подземелье, творилось что-то невероятное. Всплесками всех цветов и оттенков вспыхивали феерические огни. В мгновения, когда свет озарял подземелье, то, что успевал охватить его взор, вводило Баху от реальности, сводило с ума. Ему вдруг начало казаться, что он в родном Санкт-Петербурге, гуляет по Эрмитажу, и нет никакого Казахстана, и этого подземелья, противоположный конец которого погружается в ад или рай.

При кратком озарении света лица на десятках полотен, выстроенных вдоль стен, улыбались, а сотни изумительных по красоте скульптур, кружились в дикой пляске.

Баха отчетливо понимал, что сходит с ума. С одной стороны он реально видел усыпанный золотыми монетами и драгоценными камнями серый монолит, с другой стороны, ум отказывался воспринимать за реальность такое сокровище в этой стране и в подземелье заброшенной шахты.

Напряжение было столь огромным, что на какое-то мгновение Баха потерял сознание. Когда сознание вернулось, он с благодарностью отметил, что Бог не лишил его рассудка. Феерия огней прекратилась, но сокровища в этой пещере все же были реальными. В отдаленном углу подземелья на каменной плите без признаков жизни лежал маленький

человек. Перед ним зияла черным провалом рама от картины, в которую ослепительно белым потоком заползали странные членистые существа.

Маленький человечек в сознание не приходил. На глазах у Семенова феерия огней постепенно угасала, вскоре только лучи замысловатых осветительных приборов освещали подземелье. Взгляд Бахи опять остановился на черном квадрате, окаймленном замысловатой рамой. Теперь можно было определить, что пустой квадрат это пугающий, не понятный корридор в другой мир. Но вскоре на полотне Баха увидел малопонятный для него абстрактный водоворот неземных существ. Они замерли, и застыли в картине. Через секунду его мозг пронзила мысль: «Именно эту картину так упорно разыскивает Харасанов. Вот он мой настоящий шанс в корне изменить бродячую жизнь».

В несколько прыжков Борис Семенов достиг кромки подземелья и с опаской прикоснулся к полотну. Ничего не произошло. «Ну что ж, даст Бог, это будет моя последняя кража», — прошептали его губы. Резкими движениями острого ножа он отделил полотно от рамы, перешагнул через маленького человечка, который все еще пребывал в глубоком забытьи, и направился к лазу.

У монолитных стен возле ног античных скульптур тускло мерцали камни и золотые монеты. Больное воображение Павла Космакова требовало выхода. Золото и драгоценности, некогда упакованные в ящики и сумки, он насыпал вдоль стен, превращая подземелье в кусочек сокровищницы индийского раджи.

Баха понимал, здесь, где собраны такие богатства, обязательно витает злой дух. Тем не менее, в безумной лихорадке он наполнял карманы драгоценностями. Когда его нога уже коснулась лепестка винтовой лестницы, хлесткий звук выстрела прорезал вековую тишину подземелья. Обожгло ухо. Баха оглянулся. Маленький человечек стоял на коленях и целился в него из нагана. Не чувствуя боли, Семенов в считанные секунды выбрался на поверхность первого горизонта, захлопнул люк, и в металлическое кольцо загнал дугу амбарного замка.

ОХОТНИЧИЙ АЗАРТ

— Баха опять нас прокатил, — мрачно сказал Харасанову Василий. — За ним не заржавеет урвать с Космакова куш по второму разу. Думаю, он теперь с чемоданчиком денег катит в свой родной Питер.

Они ожидали Семенова уже больше семи часов. Нарастало раздражение.

— Не думаю. Он действительно хочет вырваться из этого бедлама, а я пообещал ему в придачу хорошие бабки.

Василий хмыкнул.

— Плохо ты знаешь уголовников, Костя. Наказать, извини, лоха для хоть единожды отсидевшего, засчитывается как подвиг.

— Знаю, знаю, сам сидел, — бросил раздраженно Харасанов. — Допустим я лох, но ведь ты, бывший уголовник, так бы не поступил. Я имею ввиду обмануть, наколоть, чтоб засчиталось. Может, Борис Семенов такое же исключение из правил как и ты?

— словно в подтверждение этих слов дверь в помещение главпочтамта открылась. Грязный и взлохмаченный в комнату ввалился Баха.

Впервые за долгие месяцы лицо Василия Коваленко озарила улыбка.

— А ты оказался прав, Костик. Приятно осознавать, что у меня есть последователи.

То ли от страха, то ли от нетерпения что-то сказать, Баха дрожал. Заикаясь, протянул Харасанову сверток:

— Это-это она, бе-бежим, ловите машину!

Харасанов понял: произошло что-то невероятное. В таком состоянии Семенов не был даже в тот момент, когда Василий фактически приговорил его к смерти.

— Что произошло, говори толком где ты был.

Баха немного успокоился.

— Выйдем на улицу, за домом я видел беседку, там и поговорим.

Когда Борис Семенов развернул сверток, ошеломленные, они долго не могли прийти в себя. Еще через мгновение Баха задыхался в могучих объятиях Харасанова.

— Как это тебе удалось, ты не представляешь какой ты молодец, — ликовал Харасанов, не замечая, что глаза Семенова вылазят из орбит, а цвет лица приобретает сероватый оттенок.

Харасанов отпустил Баху и опять склонился над полотном.

— Смотри, Василий, даже воображение Гойи не создавало кистью на холсте столь поразительных существ. Когда всматриваешься в эту картину, испытываешь ощущение словно путешествуешь в далеких мирах, бросает в холод.

Баха продолжал нервничать: изумруды и сапфиры прожигали карманы. Но больше всего он испытывал страх, вспоминая близко посаженные, болотного цвета глаза Космакова. Интуиция совершенно отчетливо подсказывала, что оборотень выйдет невредимым из подземелья, хотелось побыстрее уехать из этого поселка, этой страны.

Он рассказал Харасанову и Василию о своих приключениях в шахте, умалчивая о сказочных сокровищах подземелья. При одной мысли, что друзья захотят увидеть сказочные богатства, волосы вставали на голове дыбом. Также он умолчал о таинственных пауках, исчезающий в черном квадрате, имеющей свойства видоизменяться, картины. «Мне необходимо все забыть, — твердил сам себе он. — Я хочу все забыть!»

Спустя полчаса зеленый джип, проглатывая километры, мчался по целинной дороге в сторону Кустаная. Глотнув из плетеной бутылки, Семенов немного пришел в себя. Алкоголь смазал реальность, он осмелел.

— Надеюсь, Константин, вы оцените по большому счету услугу, которую я вам оказал. Да, обратите внимание на мое ухо...

Пуля из пистолета Космакова вырвала клочок кожи.

Харасанов похлопал его плечу. Более часа с его лица не сходила улыбка, хорошее настроение всецело овладело этим человеком.

— Получите миллион, Семенов. Плюс маклерскую контору «под ключ» в Нью-Йорке. Кроме всего, как и обещал, я куплю у вас ваше знаменитое полотно. Или вы изменили решение?

Даже в пьяном состоянии Баха испугался.

— Что вы, я согласен, и очень вам благодарен. Но у меня к вам есть огромная просьба. Дело в том, что у меня есть родная сестра. В свое время я сделал из нее преступницу, фактически обрек на мытарства по лагерям. Недавно мне приснился сон, якобы она ожидает меня у нашего общего друга. У него дача под Питером. Я боюсь с вами расставаться, поэтому прошу поехать со мной.

Василий скептически улыбнулся.

— А ты случайно ничего не замыслил, Баха?.. Может, хочешь нас грохнуть?

Еще через мгновение в груди у Василия что-то перевернулось. Он прокашлялся и сказал:

— Извини, брат, сболтнул не подумав. Как говорил Высоцкий, а я дополнил: «Ты нам всем уже все доказал». Конечно, поедem в Гатчину.

. **

Аэробус Алма-Ата - Кустанай — Санкт-Петербург, словно сытый кашалот дремал в кустанайском аэропорту. Не желая рисковать, Харасанов все же настоял выбросить оружие за полчаса до отлета в пруд.

— Прилетим в Питер, я раздобуду новые пушки. В ДЛТ на Невском можно гранатомет купить, — успокоил Василия Баха.

— Что ж, будем надеяться, что Космаков со своей бандой нас не снимут с рейса, — улыбнулся Василий. — Этот оборотень похлеще индейца Джо, уверен, выберется из шахты, — угадал мысли Семенова, чем до смерти его напугал.

Только когда гигантский крылатый «кашалот» уверенно поплыл в синеве казахстанского неба, они вздохнули легко.

Харасанов ни на секунду не выпускал из рук чертежный футляр, в котором находилась картина. «Охотничий» азарт постепенно проходил. Теперь ему больше всего хотелось рассмотреть шедевр наедине в деталях, а затем обрадовать автора. С борта самолета Харасанов отбил Францу телеграмму, чтобы тот немедленно прилетел в Санкт-Петербург, указал время и место встречи.

Поехать на Украину Харасанов боялся. Российская ленивая снисходительность и казахстанский примитивизм не могли сравниться с волчьей хваткой «младшего брата». За волнующим мелодичным языком украинцев добродушием и гостеприимством стоял жесточайший прагматизм и ни с чем несравнимая алчность. Показать Францу его гениальное творение он решил в российском городе Санкт-Петербурге.

МОСКВА НАДОЕЛА

Золотоножка еще раз проверила нет ли за ней хвоста, и окончательно успокоилась. Безусловно, она знала, что рано или поздно с этими людьми ей придется столкнуться опять. Но здесь, в шикарном городе, эти мысли отходили на задний план. Москва удивляла ее после перестроечным размахом, огромными деньгами, которые здесь крутились. Днем она посещала музеи и выставки, а вечером, сменив наряд монашки на экстравагантное платье, совершала экскурсии по ресторанам.

Красивая, раскрепощенная женщина привлекала внимание. Вышколенные боссы посылали к ней своих телохранителей с роскошными презентами. Шикарные вина и корзины с цветами молчаливые швейцары уносили в предварительно заказанные такси. Иногда она разрешала садиться за свой столик людям, которые ей нравились. Женщине необходимо разнообразие, но дальше кокетства дело не шло. В удобный для себя момент Нина уходила в туалет, оттуда через минуту-другую выходила в нахлобученной на бок кепи легкомысленная девушка в брючном костюме, которая едва тащила огромную спортивную сумку.

Через две недели праздная жизнь Золотоножке успела надоест. В тот же день она купила билет на «стрелу», удобно примостилась в комфортабельном кресле, и отправилась в Питер.

Странный сон увидела Нина Золотоножка по дороге в Питер. Из темно-серого мрака свинцового забытья вдруг ярче и ярче стали вырисовываться золотые купола города Яра. Она знала этот город, помнила его людей. Вот, сверкая лучезарной улыбкой, выходит из зеленого сада и направляется к ней Григорий Бешлей. Свинцовые краски рассеялись. Над ее головой ярчайшее солнце, голубое небо, зелень садов. Григорий Бешлей подает ей букет из поразительных по красоте алых роз и говорит: «Ты будешь счастлива, Нина... Главное, ты свободна, а счастье тебя ожидает за третьим поворотом от Божьего Храма».

Его слова непонятны и загадочны, но они ее не пугают, а радуют. Она радостно смеется. Берет на руки внучку Юлю и направляется к белоснежному храму.

РИСКНУТЬ И УВИДЕТЬ ДРУЗЕЙ

Очередная телеграмма Харасанова обрадовала Франца. Он давно жил ожиданием и на увещевания Наташи жить как все, раздраженно отвечал:

— Как ты не понимаешь? У меня в этой атмосфере сохнут мозги. Понимаешь, опять проснулась жажда увидеть мир, и если Харасанов предложит нам уехать, давай уедем.

Домоседка по натуре Наташа отвечала:

— А как же мать?.. Она старая, больная. Неужели ты ее бросишь?

В такие моменты ему не хотелось жить. Франц обхватывал голову руками и так, в оцепенении проводил по несколько часов.

Но теперь, когда он получил эту телеграмму, решение его было неизменным. Когда Наташа завела старую волюнку, мол, живи как все, он впервые по-настоящему вспылал.

— Но ведь ты могла бы предложить мне иное... Почему бы тебе не присмотреть за матерью, а меня на время отпустить?!. Неужели тебе хочется, чтобы рутинный быт меня окончательно поглотил?!!!

В душе у Наташи что-то происходило. Он это видел, но с расспросами не приставал. На следующий день она, как в прежние времена, ласково к нему обратилась:

— Франек, милый, поезжай в Санкт-Петербург, а если это необходимо, и в Штаты. Благодаря Лидии Соловьевой¹, немецкий и английский языки ты знаешь в совершенстве, а с мамой все будет хорошо, я тебе обещаю.

В тот же вечер Франц Бялковский купил билет на поезд Одесса-Санкт Петербург и со жмеринского вокзала уехал в «Северную Пальмиру»

1 Известная в Виннице переводчик с немецкого и английского языка, журналист, литературный критик, Соловьева Лидия Прокофьевна.

** *

Нетерпеливый по натуре Франц плохо переносил поступь железной лошадки, бесцельно слонялся по вагону, не находя себе от вынужденного безделья, места. Сначала украинские, а затем белорусские таможенники потрясали. Словно во времена махновщины людей отводили в купе проводника и пользуясь незнанием законов обчищали до последней нитки.

Когда поезд прибыл на Витебский вокзал, Франц облегченно вздохнул. Добраться в Гатчину особого труда не составляло.. Через пару часов он увидит друзей.

И СТВОЛ В ЗАТЫЛОК

Когда такси остановилось по указанному адресу, Золотоножке стало страшно. Она словно услышала голос Мери, которая шептала: «Нина, смотри ... исполни мое желание ... иначе...» Мороз прошел по коже, невыносимо захотелось сесть в такси и уехать обратно.

Нина отпустила машину и с опаской посмотрела на старый дом, запущенный сад, ощутила чуждую и угрожающую ей ауру.

Свинцовые тучи, пришедшие откуда-то с Балтики, усиливали тоску. Нина никак не могла себя заставить открыть ветхую калитку, ведущую к дому.

Когда она прошла в глубину сада, на прибалтийскую землю уже опускались вечерние тени. Не разворачивая чертеж, оставленный ей Мери, она вышла на поляну и остановилась у разрушенного амбара. Слева от колодца возвышался огромный ржавый чан в котором находился тайник. «Нужно спешить, иначе совсем стемнеет», — подумала Нина и решительно направилась к железной громаде. Земля и листья на дне чана устоялись. Обламывая ногти Нина поспешно разгребала землю, осознавая, что через 30 минут будет уже темно.

Кусок металлической трубы, который попался ей под руку, ускорил работу и через минуту пальцы в земле нащупали железное кольцо. Еще одно усилие и металлический щит

приподнялся, открывая черное отверстие тайника. Там, на дне неглубокого провала, были отчетливо видны упакованные в целлофан картины и оружие, о которых рассказывала Мери.

Нина спрыгнула в тайник и, не теряя напрасно времени, перебрала два свертка через металлический борт.

То, что произошло в следующий момент, показалось ей кошмарным сном.

Когда он спрыгнула с ржавой громадины в траву, тишину гатчинской усадьбы нарушил хриплый, незнакомый Никифоровой, голос:

— Хар-ра-шо работаешь, Золотоножка! Будь ты в партизанском отряде, тебе бы цены не было.

Старые знакомые низенький толстяк — разворачивал сверток, а длинный держал ее под прицелом короткоствольного пистолета.

Толстяк спешил. Не желая долго возиться с синтетической упаковкой, он достал нож.

— Вот они родимые. Князь был прав, сразу видно, что это подлинники. Ну теперь, дылда, заживем. Завтра же исчезнем с поля зрения конторы.

Не ощущая рук и ног, прислонившись к чану, Нина Никифорова безучастно смотрела на происходящее. Мелькнула мысль: «Как глупо, пройти через столько испытаний, и так нелепо закончить жизнь». Слов не было, она молчала.

— Эй, Золотоножка, ты как, крышку тайника закрыла или нет? Она ведь тяжелая, а у меня грыжа, — толстяк посмотрел на нее безучастными, фарфоровыми глазами. — Ты же не хочешь, чтобы твой труп обгрызли собаки. Короче, дылда, кончай ее, в этом тайнике и похороним.

С деловитостью профессионала, длинный повернул Нину лицом к нагромождению железа, и уперся холодом ствола в затылок.

«Вот и все, — подумала Нина. — Выжила на Дубовском центре, а погибла в далекой, чужой Гатчине...»

Выстрел для такого маленького пистолета был слишком громким. Боли она не почувствовала, и это ее удивило. Ноги тоже не подломились, а слух резанули выстрелы еще и еще. Она продолжала стоять, уткнувшись лбом в шероховатую ржавчину, не решаясь повернуться лицом к событиям.

— Эй, женщина, повернись к нам лицом, — раздался приятный мужской баритон. — Да повернись же ты, наконец ... Все уже кончилось.

Низенький лежал на жухлой осенней траве, устремив стеклянные глаза в темное прибалтийское небо. Длинный лежал на животе, отвратительно дергаясь в конвульсиях.

Высокий блондин с черной повязкой, перехлестывающей глаз, держал стволом вниз тяжелый « Стечкин». Еще двое — седовласый, крупный мужчина с орлиным носом и сухопарый нервного вида шатен — стояли рядом.

— А я то думал, это Мери, — огорченно протянул сухопарый. — Интересно, где же теперь моя сестричка?

Электрический разряд пронзил мозг Золотоножки:

— Вы брат Мери, Борис ..?

Он насторожился, подошел ближе.

— Откуда ты знаешь про меня, где Мери?.. Кто ты такая? — Железные пальцы сжали до боли плечо.

Те двое успели выпотрошить ее сумку. Дневники Мери, план гатчинской усадьбы валялись на траве. Она подняла, протянула тетрадь Борису.

— Узнаете почерк? Это дневник вашей сестры. Мы с ней были подругами, отбывали наказание в Дубовской тюрьме. Случилось так, что в тюремной драке она погибла ... Спасла жизнь многим, а сама ...

В таком состоянии Василий и Константин Бориса Семенова еще не видели. После рассказа этот умудренный жизнью, закаленный мужчина рыдал, словно обиженный ребенок, долго и громко.

— А я ... я надеялся ее разыскать и забрать с собой ... Я принес ей столько горя.

Спустя некоторое время Борис Семенов успокоился. Он то и дело поглядывал на Золотоножку, явно не решаясь что то сказать.

На помощь пришел Василий:

— Баха, я так понимаю, твоя сестра взяла в долю эту женщину. За эти полотна уже через неделю в Штатах тебе сгрузят огромные деньги. Костя, а ты чего молчишь? — обратился он к Харасанову.

Тот, немного помолчав, ответил:

— Купить картины и я могу, но на чужом горе наживаются только барыги. В данный момент неуместно вести торг по этим полотнам. Об одном тебя хочу спросить, Баха: какой процент от продажи этих полотен ты согласен отпустить Нине?

— Ну мы об этом сейчас узнаем. А какой процент тебе давала моя сестра? — глухим голосом спросил Баха.

Ей ужасно захотелось домой, подальше от этого оружия, этих трупов и, пусть стоящих миллионы, но в данный момент, вызывающих отвращение, картин. Обещание, данное Мери,

благодаря случайности все же исполнилось, но чего стоят драгоценные полотна по сравнению с жизнью? Она смотрела на Бориса Семенова в ее глазах стояли слезы..

Кажется, только Харасанов понимал состояние ее души. Оценивающий и понимающий взгляд, немного ироничная улыбка.

— Мне ничего не надо, Борис. Я рада, что увидела вас и рассказала о последних днях вашей сестры . Помогите мне сегодня же уехать на Украину, это единственная моя просьба.

Из тени аллеи вышел молодой, стройный мужчина и подошел к Нине Никифоровой по прозвищу «Золотоножка».

— Уедем вместе, Нина. Вот только взгляну одним глазком на свое уже далекое коммунистическое прошлое, возьмем билеты и уедем.

Продолжение следует.